

Дорогим детушкам Вадику и Тане
посвящается эта книжка

**Сергей
КУЗИЧКИН**

ЭКСПЕРИМЕНТ «ЛУЧ БУДУЩЕГО»

Лирические рассказы
и фантастическая повесть
для детей и взрослых

Красноярск 2008

ББК 84 (2Рос-Рус)
УДК 882
К-89

Технический редактор и корректор

Андрей Леонтьев

Оформление и вёрстка

Станислав Феньков

Художники

Галина Рукосуева, Наталья Соколова

Обложка

Наталья Соколова

К-89 Кузичкин С.Н.

Эксперимент «Луч будущего»: Новеллы, фантастическая повесть. — Красноярск: «Семицвет», 2008 — 164 с.

Сергей Кузичкин родился в Тайшете Иркутской области. Первый рассказ «Совсем простая история» опубликован в местной газете «Заря коммунизма» 2 января 1980 года. В 1979-1983 гг. входил в состав литературного клуба «Бирюса» (под председательством Петра Шумкова). В 2005 году закончил Высшие литературные курсы в Литературном институте имени А. М. Горького в Москве. Печатался в центральных газетах: «Сельская жизнь», «Лесная газета», «Гудок», в городских, районных и многотиражных газетах; в коллективных сборниках издательств: «Детская литература» (1983 г., 1988 г.), «Литературная Россия» (2004 г., 2006 г.); альманахах: «Московский Парнас», «Медвежьи песни» (Санкт-Петербург), «Поэты Енисея», «День поэзии Красноярского края», «Новый Енисейский литератор»; журналах: «Енисей», «Новое и Старое» (Красноярск), «Луч» (Ижевск), «Мир Севера» (Москва); в еженедельнике «Литературная Россия». Автор трилогии «Времена и Бремена», состоящей из книг: «Время невосребованной любви», «Время пьяных мужчин», «Время зрелых женщин», сборников стихов, книг повестей и рассказов. В 2006 году в московском издательстве «Амадеус» отдельной книгой вышел роман «Андрей + Наташа». Лауреат «Московского Парнаса» за 2006 год в номинации «Проза». С 2006 года автор проекта и главный редактор альманаха прозы, поэзии и публицистики «Новый Енисейский литератор» (Красноярск). Член Союза писателей России.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книжка словно пришла из прошлого века. У автора был период, когда он в конце семидесятых и восьмидесятых годах XX века писал рассказы и повести, которые можно отнести к детской литературе. Их и относили. Больше повезло «Радуге», которая издавалась в двух сборниках издательства «Детская литература» (1983 и 1988 гг.). Под рубриками «Прочтите детям» и «Прочтите вместе с детьми» печатались в газетах «Вероника» и «Воспоминание о белом журавлике». Остальные рассказы, да и повесть тоже, не были обделены вниманием районных газет в Алтайском и Красноярском краях. Но всё же отдельной книжки для детей и родителей у автора не было. Я не думаю, что книжка эта вышла поздно и что дети компьютерного поколения не поймут истории детей поколения первых космонавтов. Это только время меняется вокруг нас, душа же человека остаётся той же, а душа ребёнка — тем более, она тоньше чувствует, лучше воспринимает всё светлое и сразу же отторгает фальшивое.

Автор

МИР ИЗ ОКНА

***

Когда осенние сумерки, опустившись на город, прячут его, становится особенно тоскливо.

Он просит не зажигать света. Над узким разрезом едва освещённой улочки загораются три звезды созвездия Ориона, а чуть ниже и левее, над самыми крышами домов — яркий Сириус...

Далёкая мечта недалёкого детства всплывает воспоминанием.

...Прохладная сентябрьская ночь, многоэтажный дом на окраине. Одиннадцатилетний мальчик поднимается на крышу по пожарной лестнице. В одной руке он держит старую подзорную трубу. Ему страшно на высоте, он озяб, время за полночь, а завтра поутру — в школу, но он не думает об этом. Сегодня он увидит звёзды ближе. В целых двенадцать крат! За эту трубу он отдал самое дорогое, что у него было — породистого щенка, подарок на день рождения.

От волнующего воспоминания перехватывает дыхание. Как давно и как недавно это было... Лет двенадцать назад...

— Аня, давай поговорим о звёздах, — тихо просит он.

***

Друг мой Юрка! Я знаю его сто лет. Мы родились с ним в один год, свои первые шаги по земле сделали в нашем старом узеньком переулке, вместе пошли в школу, в один класс. Он во всём был первым: всегда что-нибудь придумывал, фантазии его были неукротимы, а решительность — не по-детски смелой.

Он прыгал с зонтиком со второго этажа, запросто ходил по карнизу, нырял с крутого берега, когда у всех остальных от одного взгляда вниз тряслись коленки, и, конечно же, только он мог всю ночь провести на крыше, разглядывая звёзды... Но иногда я не узнавал Юрку: бывали дни, когда он становился тихим, задумчивым, уходил один к реке и, сидя на берегу, рисовал облака.

А ещё он любил собак...

Везде его звали по-разному. У нас во дворе — Юрка-астроном, в школе учитель рисования — Пикассо, а мальчишки с соседней улицы просто — собачник...

***

...У соседнего вагона стоит маленькая девочка в коротком цветастом платице. В руках она держит пушистого щенка и осторожно гладит его. Уже объявили отправление.

— Ну, будь мужчиной, — отец тихонько щёлкает Юрку по носу. — Не скучай, ты теперь в доме за старшего.

Юрка поднимает глаза.

— Папа, а ты привезёшь мне овчарку? — спрашивает он.

— Чтоб он променял её на телескоп, — вставляет мать.

Юрка опускает голову.

— Ладно, ладно, — Павел Васильевич теребит его за кудри. — Я же сказал: раз обещал — привезу тебе щенка немецкой овчарки.

Отец часто уезжает в командировки. Такая у него работа. А Мария Николаевна с Юркой всегда провожают его. Так было и в тот день...

***

— ...Если бы я знала, что так получится, — часто говорила потом Мария Николаевна, — я бы ни за что не взяла его тогда с собой...

Если бы...

Кто знает, что было б, если бы?..

***

Отец помахал им из тамбура и зашёл в вагон. Почти все пассажиры разошлись по своим местам, провожатые тоже стали расходиться, а те, кто не торопился, ждали гудка электровоза. Отправление объявили уже второй раз. Юрка и Мария Николаевна домой не торопились, решив дожидаться отправления поезда.

— Мама! — вдруг вскрикнула девочка у соседнего вагона.

Щенок выскользнул из её рук, спрыгнул на перрон и нырнул под вагоны.

Девочка присев на корточки, стала звать:

— Мурзик, Мурзик...

И Юрка, наверное, не был бы тем самым Юркой-астрономом, Юркой-собачником, если бы не рванулся решительно с места и не бросился спасать щенка.

— Юра, Юра! — закричала Мария Николаевна. — Поезд же отправляется! Поезд...

Юрка нырнул под вагон.

— Мурзик, Мурзик... иди ко мне...

Щенок испуганно жался к рельсам. Юрка притянул его к себе, и в это время вагон дёрнулся... На перроне кричали, требовали остановить поезд.

Он отмерил расстояние между колесами: «Успею...»

Он почти выбрался на бетонную площадку, выпустил из рук собаку и... коротко вскрикнул, упал, потеряв сознание...

***

Помню, как мы организовали дежурство у его палаты, ходили в больницу по одному и всем классом, даже предлагали свою кровь. Его долго лечили, старались сделать всё, чтобы он жил.

Он выжил... Но, потеряв обе ступни, со сломанным позвоночником, лишился возможности двигаться.

А тогда, на перроне, все подумали, что Юрка умер. Врач долго не мог нащупать пульс, громко кричала Мария Николаевна, молча стояли вокруг люди, и седой машинист снял с головы фуражку...

Лишь маленькая собачка весело виляла хвостом и лизала мокрое от слёз лицо своей симпатичной хозяйки.

***

От его окна начинается узкий переулок, с двух сторон зажатый высокими домами. Юрка любит смотреть в окно. Здесь, в небольшом переулке, идёт своим чередом своя жизнь.

Почти каждый вечер под тусклый фонарь возле магазина приходит высокий парень с букетом жёлтых цветов. Он ждёт девчонку из соседнего дома. Иногда она выходит почти сразу, берёт его под руку, и они уходят. Но чаще он подолгу ходит взад-вперёд от фонаря до перекрёстка и обратно, бросает взгляд то на часы, то на её окно и нервно курит.

«Сколько лет этому парню? — иногда задумывается Юрка. — Наверное, столько же, сколько и

мне... Может, мы были знакомы в детстве? Может, учились в одной школе?..»

Каждый день в одно и то же время, если хорошо прислушаться, под окном слышен негромкий свист. Это слепой старик с тросточкой выходит на прогулку. Ровно час он ходит вдоль переулка, постукивает о стену дома или, остановившись на полпути, что-то чертит тросточкой на асфальте. Во время войны он был лётчиком, его сбили, он попал в плен, бежал на немецком самолёте. Ещё говорят, что он ослеп в воздушном бою, но дотянул до аэродрома и посадил самолёт...

Начертив ему одному видимые линии, старик идёт дальше, что-то насвистывая из довоенного репертуара.

«Для этого слепого старика мир не заключён в тридцати шагах узкого переулка. Он не зря прожил жизнь, он сделал многое. А что сделал я в свои двадцать четыре, ровно половину из которых провёл в постели?.. Ничего особенного... ничего...»

Около полудня в переулке появляется девочка в коротеньком цветастом платице с белой собачкой на поводке.

— Аня, Аня! — зовёт Юрка сестру. — Посмотри, та ли это девочка с собачкой?..

Но девочка, как видение, быстро проплывает мимо домов по переулку и исчезает за углом.

***

Когда несчастный случай приковал его к постели, он остался в списках нашего класса. Каждую неделю после занятий в школе и во время каникул мы обязательно приходили к нему, приносили домашнее задание, интересную книгу и рассказывали, что нового в школе и во дворе.

Бывало, заявлялись всем классом. Его мама Мария Николаевна, сестра Аня, а иногда, когда был дома, отец Павел Васильевич приветливо встречали нас, и мы часа на два, а то и больше «окупировали» Юркину комнату. Рассаживались вокруг него, рассказывали, иногда перебивая друг друга, новости и разные истории, а Васька Рыжик — наш главный режиссёр и актёр — изображал сцены из школьной жизни: пародировал учителей и учеников. Лицо Юрки оживало: всегда бледное, оно розовело, в глазах блеснул огонёк. Перед нами снова был весёлый, жизнерадостный Юрка, и мы смеялись ещё громче, ещё веселее и расходились по домам в приподнятом настроении.

Так было все шесть лет с того злополучного лета — до тех пор, пока мы не закончили школу. А потом...

А потом мы повзрослели. Многие разъехались по городам и весям огромной страны. И я с родителями тоже переехал в другой город.

***

— А что ни говори, хорошим было время нашего детства. Помнишь, как вы пришли ко мне после выпускного, с моим аттестатом, открыли окно, и мы вместе встречали зарю?..

— Помню, — говорю я.

Я сижу возле Юрки в его комнате. Я давно не был здесь, и потому все домашние перемены вызывают у меня интерес. Вот новый шкаф для книг, вот какие-то картины, вот тетрадки, исписанные стихами. А возле стола, на коврике, то виляя хвостом, то поднимая голову, словно прислушиваясь к разговору, подбегая то ко мне, то к Юрке, заставляет обратить на себя внимание пёс Верный — немецкая овчарка, подарок отца.

Юрка смотрит в окно.

— А ты знаешь, никто из ребят меня не забыл, все пишут... Многие, как и ты, окончили институты. А некоторые девчонки уже вышли замуж. А Васька Рыжик — ты представляешь? — всё-таки добил театральный.

— Поступил?!

— Да, с третьей попытки, после армии. Теперь учится в Москве. Я не удивлюсь, если скоро в кино сниматься начнёт... Молодец... — Юрка искренне радовался за нашего друга детства.

Я улыбнулся, вспоминая ребят из нашего класса и двора.

— Ты что? — спросил Юрка, бросив на меня удивлённый взгляд.

— Да так. Вспомнил, как вы с Рыжиком за Светкой Воробьёвой приударяли. Записки писали... В каком это классе было — в третьем или четвёртом?

Теперь улыбнулся Юрка, даже засмеялся негромко.

— Кстати, а где сейчас Света? — спросил я.

— Где-то в Средней Азии, на раскопках. Она ведь археолог.

Я встал, подошёл к пишущей машинке, написал «Юра» на заправленном чистом листке.

«Раньше машинки здесь не было...»

— Юра, а почему ты никогда не говорил, что пишешь стихи? — прямо спросил я.

Юрка приподнял голову.

— А ты-то откуда знаешь?

— Ну как откуда? Вот тетрадки исписанные, вот машинка... А потом, я же не только в газету статьи пишу, я ещё и читаю газеты.

Я достал из портфеля номер краевой молодёжной газеты и развернул его. В поэтической

рубрике были напечатаны три Юркиных стихотворения.

— Из цикла «Окно», — прочёл я вслух.

Юрка несмело взял газету. Бросил взгляд на страницу, потом на меня.

— Всё правильно. Я, как всегда, узнаю последним. Понимаешь, Аня уговорила меня отправить стихи в редакцию. Недавно нам ответили, что их одобрили и подготовили к печати, но я не думал, что это будет так скоро. Вообще-то я пишу стихи для себя...

— И давно?

— Не очень — с тех пор, как созерцаю мир из окна...

— Юра, — я опять сел рядом, — а ты знаешь, я здесь ещё и потому, что сейчас у нас готовится к изданию очередной номер альманаха, там под рубрикой «Молодая поэзия края» печатаются стихи молодых поэтов. Так вот, редактор отправил меня поговорить с тобой. У тебя ведь наверняка есть и новые стихи.

— Есть. Ты думаешь, мои стихи могут подойти?

— Конечно. Я думаю, опубликуют весь твой цикл и кое-что из новых. Только, наверное, название надо дать циклу несколько шире.

— Например?

— Ну, например, как ты сам выразился: «Мир из окна».

Юрка смущённо посмотрел на меня:

— Давай подождём Аню, а потом решим, а?

— Ладно, — согласился я.

Он приподнялся.

— Поправь мне, пожалуйста, подушку...

Я подошёл к его изголовью, осторожно взял уголки подушки, Юрка попробовал приподнять

голову, это ему удалось с большим трудом. Я подвинул подушку ближе к спинке кровати.

— Спасибо, — сказал Юрка, медленно опуская голову на подушку. — А я ведь пытаюсь сейчас написать картину с таким названием — «Мир из окна». Кроме Анны, никому не показывал ещё... Хочешь взглянуть?..

— Конечно.

— Она здесь, возле кровати... Никак не могу закончить. Знаешь, вроде бы всё уже, что хотел, нарисовал, но чего-то всё-таки не хватает. А в последнее время всё чаще немеют руки. Видно, болезнь берёт своё, как камень точит с годами эрозия дождём и ветром. Дотянуть до весны хотя бы... Закончить картину, новый цикл стихов вот задумал...

— Да ты что, Юрка! — подскочил я. — Да ты ещё встанешь. Вспомни про Илью Муромца: до тридцати трёх лежал, а потом встал и подвиги совершил... И ты встанешь. Сейчас, говорят, в Москве делают сложные операции. Не таких, как ты, больных поднимали... Мы ещё с тобой...

— Конечно, конечно... — быстро охладил мой порыв Юрка. — Я ещё не всем соседям телевизоры починил...

Потом он улыбнулся и подмигнул мне:

— А ты когда едешь?

— Сегодня... Ночным поездом... Командировка ведь у меня короткая. К тебе да обратно...

***

Ему вдруг показалось, что он вскрикнул. Открыв глаза, прислушался. В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов. Заломило поясницу. Из груди вырвался стон. Чуткий Верный, спавший у двери, зашевелился.

Он протянул руку к подоконнику, взял таблетку, проглотил, запив водой. «Только б не разбудить мать с Аней...»

Часы показывали половину седьмого. «Минут через пять станет легче...» Прикусил губу, чтоб не вскрикнуть вновь. На улице светало. Услышав лёгкое шуршание, глянул в окно. Тётя Юля, дворничиха, не спеша мела переулок, усыпанный первыми опавшими листьями. У подъезда высокий парень прощался с соседской девчонкой и что-то шептал ей на ухо. Над крышами домов горела яркая Венера...

«Скоро опять появится девочка с собачкой. Во что она будет одета сегодня? Наверное, в осеннее пальтишко. Ведь на улице уже прохладно... Ну вот, кажется, уже легче... Сейчас я буду работать. Я должен закончить эту картину...»

***

Телеграмму принесли вечером, когда я приехал домой из типографии с несколькими экземплярами только что вышедшего альманаха. Я знал, что ЭТО может произойти, даже был готов, но всё же не хотелось верить, что ЭТО — случилось... Уже случилось.

— Не может быть... Юрка... Не может быть... Ну как же так? Почему так? — говорил я не то вслух, не то про себя.

— Распишитесь вот здесь, — сказала девушка, принёсшая телеграмму.

Но я не слышал её. Стоя в дверях, я держал в одной руке телеграмму, а в другой — альманах и повторял:

— Не может быть, не может быть, не может...

— Распишитесь, пожалуйста, вот здесь... — повторила тихо девушка, на её глазах появились слёзы.

— Ах, да, да...

Я быстро поставил подпись и, не закрыв входную дверь, стал быстро ходить по комнате.

«Юрка, друг... Да неужто он так и не увидит свои стихи в альманахе?.. Не может такого быть. Ну, не может и всё...»

Не знаю, сколько я ходил. Наверное, долго. Наконец мой взгляд остановился на телефоне. Я подскочил и рванул трубку, нервно набрал номер.

— Алло, алло! Соедините, пожалуйста, с Загорском... Да, по номеру... Пожалуйста... Если можно, побыстрее... Алло! Загорск? Это Загорск? Мария Николаевна? Мария Николаевна, это правда?.. Юра... Когда?! Сегодня?.. Утром?.. Да, да... Я буду... непременно... непременно...

Рука повисла в воздухе, сжав трубку, из которой долго шли длинные гудки... Гудки из моего детства, моей юности... Последние сигналы от моего друга Юрки...

***

Он так и не увидел свои стихи в альманахе. Как и не узнал, что стал лауреатом премии обкома комсомола за работу над картиной «Мир из окна».

Уже несколько лет в одном из залов городской картинной галереи, среди множества других, висит небольшая Юркина картина. На переднем плане оконная рама, а за стеклом — узкая улочка, возле дверей подъезда прощается влюблённая пара, старик с палкой стоит у фонаря, а в центре — девочка в коротеньком цветастом платице, с собачкой на руках.

«Мир из окна», — подписано внизу, и рядом с фамилией и инициалами автора небольшая приписка из трёх слов: «Премия присуждена посмертно».

1979 г.

Тайшет

РАДУГА

Отстучав последними капельками по стеклу, дождь кончается. Над нами снова залитое солнцем небо, и в воздухе пахнет парным молоком.

— Смотрите, ребята, радуга! Радуга! — заметив первым, кричит кто-то из нас.

— Где?

— А вон, над горой. Бежим скорее, бежим!

Мы бежим вдоль единственной деревенской улицы, босые, прямо по свежим, тёплым лужам, перепрыгивая через канавы.

— Скорее, скорее!

— Эй, сорванцы! Помногу не берите: один кусочек — и ладно! — кричит нам вслед старый дед Макар.

А мы уже мчим по огородам, по лугу, не обращая внимания на то, что мокрая трава режет ноги, по кустарнику, где ветки безжалостно хлещут по лицу.

— Ра-а-а-ду-у-га-а!

Карабкаемся по склону крутой горы — кто первый, кто первый!

И вот наконец-то достигаем вершины. Ура!

Но...

Радуги нет. Она исчезла. Отсияв, упала где-то за лесом.

— Теперь она превратилась в цветы, — с досадой говорит кто-то.

Расстроенные, мы молча глядим на нашу родную деревеньку, кажущуюся с горы игрушечной, а потом спускаемся вниз.

Дед Макар, как всегда, на своём неизменном месте — на скамейке у палисадника.

— Ну как, опять запоздали? — спрашивает он, однако в его голосе слышится надежда.

— Опять, — грустно отвечаем мы, рассаживаясь вокруг старика.

— Да... Не каждому в жизни удаётся добежать до своей радуги, — рассуждает дед вслух. — Из всей нашей деревни мне только это и удалось.

— Расскажи, дедушка, расскажи! — просим мы, хотя сами уже не раз слышали эту историю от Макара.

— Давненько это было, — начинает в сотый, наверное, уже раз старик. — Годков тогда мне было столько, сколько теперь вам, а потому многое запамятовал. Помню только: подбежал я к радуге, а она уже рассыпается... Падают вниз разноцветные камушки — красные, жёлтые, зелёные... Где упадут они — там цветы прорастают. Красный камушек упадёт — красный цветочек прорастёт, жёлтый упадёт — жёлтый цветок, упадёт зелёный — изумрудного цвета лепестки из земли к солнцу тянутся... Помню, поймал я один камушек прямо на лету — махонький такой, — зажал его в кулачок и побежал в соседнюю деревню к деду Ермолаю.

— А зачем, дедушка?

— У Ермолая того тоже был такой камушек, а если соединить воедино камушки от двух разных радуг, то разом вспыхнет одна волшебная радуга, а под её куполом поднимется город — светлый, солнечный, зелёный... С фонтанами и золотыми рыбками, с певчими птицами и разными диковинными зверушками.

— Дедушка, а по волшебной радуге можно на санках кататься?

— Можно, ребяташки, можно: и на санках можно, и на лыжах, — соглашается дед и продолжает рассказ: — А кто войдёт в тот город, у того

никогда не будет горя, потому что люди там добрые, а злых нет совсем.

— Дедушка, а что ты туда не вошёл-то?

— И-эх! — вздыхает Макар. — Не застал я деда Ермолая: третьего дня он помер, и его уже схоронили. И где теперь этот камушек, никто не знает.

— А твой где, дедушка?

— А мой хранится у меня в моей чёрной сумке, в той самой, с которой я хожу пасти скотину, крепко-накрепко застёгнутой...

— Покажи, дедушка, покажи! — наперебой просим мы.

Но старик неумолим:

— Нет, ребятинки, показать камушек я вам не могу. Вы ведь и потрогать его захотите, а вдруг кто нечаянно обронит, тогда как? Превратится камушек в цветок, а другой когда поймает?

До самой темноты сидим мы возле деда Макара, а потом нехотя расходимся по домам. Ночью, конечно же, нам снятся и цветной дождь, и волшебный город, и повисшая коромыслом радуга. А утром мы с нетерпением смотрим в небо и снова ждём тёплого летнего дождя.

С тех пор прошло много лет. Много изменилось в родной деревне — сиротливо теперь стоят на окраине заброшенные, всеми позабытые дома, а вместо запряжённых в хомуты и оглобли лошадок проходят по деревенской улице, разбивая дорогу, большегрузные автомобили. Опустела и скамейка, на которой так любил сидеть дед Макар. Вместе с дедом ушла в могилу и его таинственная чёрная сумка.

Но, как и прежде, приезжая ненадолго в деревню, я вижу, как немногие теперь деревенские

мальчишки, завидев над горой радугу, с радостными криками бегут к ней. И попробуйте их остановить, попробуйте объяснить им, что это лишь мираж — игра дождя и солнца. Они не поверят вам. Они ведь дети. А дети всегда правы.

**1980 г.
Тайшет**

ВЕРОНИКА

***

Когда стрелки часов приближаются к двенадцати и бледный месяц заглядывает в почти замёрзшее окно, Вероника, откинув одеяльце, осторожно встаёт. Крадучись, на цыпочках, чтобы не разбудить меня, она направляется в противоположный угол комнаты, туда, где стоит наша ёлка. Я лежу с открытыми глазами, затаив дыхание, слежу за каждым её шагом. Подойдя к ёлке, Вероника садится на корточки напротив Деда Мороза.

— Здравствуй, дедушка Мороз! — обращается к нему вполголоса Вероника. — Мы с тобой не виделись долго-долго — целый год! Сегодня на тебе новая красивая шубка, совсем не такая, как в прошлом году, у бабушки. Ты снова принёс подарки? Знаешь что, дедушка — подари подарок и моему папе. Ну и что же, что он большой! Подари ему жужжащую бритву, а то он бреется такой, которая режет лицо, и у него потом идёт кровь. Знаешь, какой мой папа добрый-предобрый, хороший-прехороший. Мы с ним катались на карусели и ели мороженое, а потом он купил мне куклу Алёнку и маленькую кроватку. Летом мы с ним поедem в деревню, и он покатает меня на настоящей лошадке. Подари... Ладно?

Я представляю, как сейчас пристально смотрит Вероника на игрушечного Деда Мороза. Так смотрит она и на меня, когда что-нибудь просит купить. Причём просьбу всегда заканчивает словами:

— А, папа?..

Папа... Подумать только, прошло каких-то полгода, и я привык к тому, что меня называют папой. А тогда...

***

После окончания института я получил направление в этот город. Вернее, уже имея диплом с отличием, выбрал его сам. Надя тогда перешла на последний курс, но уже было решено, что после того как она закончит учёбу, тоже приедет туда. Ко мне.

Ох, как непросто далось нам это решение! Нет, до защиты моего диплома всё у нас было хорошо, но вот после... Раньше я частенько приходил домой к Наде и помогал ей готовиться к занятиям. Её мама приветливо встречала меня и охотно общалась с нами, всегда поддерживала разговор. Иногда расспрашивала о моей дипломной работе и ничего не имела против, если мы шли в кино или на дискотеку. Но когда я объявил, что получил направление в Сибирь, на новую стройку... Вот тут началось!

Оказалось, что на меня возлагали огромные надежды и вовсе не считали дурачком. По мнению Надиной мамы, я должен был непременно поступить в аспирантуру или, зацепившись за что-то ещё, любым путём остаться в городе. Когда же я попытался выразить своё несогласие, меня, мягко говоря, попросту выставили за дверь. Я тогда не обиделся на Надину маму, понимая, что она это сделала сторяча. Но ни на второй, ни на третий день дверь знакомой квартиры для меня не открывалась, а в ответ на набранный номер телефона в трубке долго и протяжно гудело.

Лишь перед самым моим отъездом Надина мама пришла ко мне в общежитие. Наш с ней раз-

говор, конечно же, нельзя было назвать откровенным. Она в основном осторожно расспрашивала, боясь, очевидно, обидеть не деликатным вопросом, а я, в свою очередь, так же осторожно отвечал.

Провожая меня, Надя, подобно своей маме, постоянно твердила напутственные слова о том, чтобы я обязательно зарекомендовал себя с самой наилучшей стороны и сумел выдвинуться, для того чтобы на следующий год мы, поженившись, сразу же получили ключи от квартиры, а не мыкались, как некоторые, по общежитиям. Мне не нравилась эта черта Надиного характера — склонность к наставлениям, перенятая у матери. Всегда, когда она говорила такие вещи, я испытывал раздражение. Но успокаивал себя надеждой на то, что это явление временное, и, когда мы будем жить вместе, самостоятельно, оно пройдет само собой.

И я уехал, сохраняя в душе надежду.

***

Подъезжая к городу и рассматривая его из окна вагона, я отметил, что городок состоит в основном из небольших деревянных двухэтажных домиков, собранных из брусьев. Да и само здание вокзала небольшое и деревянное. Однако народу на перроне было довольно много. Не знаю, может быть, от почти трёхсуточной езды, а может, от необычного таёжного воздуха у меня слегка перехватывало дыхание и кружилась голова. Чувство какого-то буйного восторга наполнило душу, и подумалось о том, что этот город станет, возможно, моим навсегда!

Я вздохнул полной грудью, поправил рюкзак на плече, взял чемодан в руки и хотел было направиться к автобусной остановке, как вдруг...

— Папа! Папа!

Вначале, правда, я не придавал этому никакого значения. Мало ли кого могут окликать, да притом на вокзале. Но когда маленькая девочка лет пяти-шести со слезами на глазах подбежала ко мне и, обхватив ручками мои колени, запричитала: «Папа, папа, пойдём домой», — я откровенно растерялся. Напрасно пытался её успокоить, говорил, что я не её папа, достал из чемодана кулёк конфет... Она не унималась. Вокруг уже стали собираться любопытные, и мне ничего не оставалось, как только согласиться:

— Хорошо, пойдём.

Она сразу успокоилась, вытерла слёзы, взяла меня за руку и повела к автобусной остановке. Мы проехали несколько кварталов и вышли у типового двухэтажного домика, стоявшего несколько в стороне от других, вошли в первый подъезд, поднялись на второй этаж, позвонили в квартиру под номером восемь. Дверь нам открыли сразу двое: молодая ещё женщина и мужчина в очках.

— Вероника! — не то радостно, не то удивлённо вскрикнула женщина и наклонилась, чтобы обнять мою спутницу. Но та сделала шаг назад, крепко, что было силы в детской ручонке, сжала мою руку и уверенно проговорила:

— Это мой папа, и мы здесь будем жить!

Женщина на секунду застыла, а мужчина, глядя на меня, снял очки...

Потом, уже в комнате, начались долгие объяснения и разъяснения. Мне сказали, что Вероника теперь сирота, что недавно умерла её бабушка, жившая в смежной комнате и не оставившая никаких сведений о родителях девочки, и теперь одному Богу известно, где они есть и есть ли вообще.

Говорили о том, что хотели было взять девочку к себе, но столкнулись с такой бумажной волокитой, что желание это у них быстро улетучилось, и теперь они находятся в ожидании, когда за девочкой приедут из детского дома. Сказали и о том, что все последние дни жили спокойно, но вот сегодня утром Вероника пропала, и они очень разволновались. Ведь жалко ребёнка.

Мне показали ордер на всю квартиру, пояснив, что кое-что из мебели они уже перенесли в пустующую комнату, а бабушкину утварь вынесли в подвал — ведь занимать жилплощадь когда-то нужно.

Всё это время Вероника стояла за спинкой моего стула и, обхватив меня ручонками за шею, повторяла:

— Папа, папа, ты ведь не уйдёшь, папа?

Вечером по просьбе хозяев я остался ночевать. Вся ночь прошла в воспоминаниях. Я вспомнил своё детдомовское детство, попытался представить бабушку Вероники и её родителей, думал о том, как лучше написать об этой истории Наде. Вероника же, раскинув ручонки, крепко спала, улыбаясь во сне, и, казалось, губы её беззвучно шептали лишь одно слово: «Папа».

Утром мы вместе с ней пошли в отдел кадров строительного управления, где после долгих разъяснений, удивлений и консультаций по телефону нам на двоих выделили маленькую комнату в рабочем общежитии. А потом мы долго бродили по городу и смеялись, смеялись, смеялись...

***

Ответа на первое письмо я ждал от Нади почти три недели, на второе — ещё две, потом зака-

зал переговоры, но телефон далёкой городской квартиры, где жила моя суженая, молчал. Я уже начал не на шутку беспокоиться о здоровье моих горячо любимых дам. Но однажды, в субботнее утро, после того как мы с Вероникой навели порядок и, вымыв полы, сели на диван, чтобы позаниматься азбукой, в дверь постучали, а затем резко открыли — так резко, что я даже не успел надеть тапочки и встать.

На пороге стояла Надя.

— Не ждали?

Оставив дверь раскрытой, Надя энергично подошла к столу и, выдвинув стул, села напротив нас.

— Ну, что же ты сидишь? Не рад мне, что ли?

— Что ты, Надя! Рад я, конечно. Просто не могу опомниться — ты появилась так неожиданно...

Быстро встав с дивана, я подошёл к двери и закрыл её. Повернувшись, увидел на ещё мокром полу свежееотпечатанные следы.

— Раздевайтесь, Надежда Павловна. Пожалуйста, будьте как дома, — с лёгкой иронией предложил я моей ненаглядной.

Но Надя с интересом продолжала осматривать нехитрый интерьер нашей комнаты. А я смотрел на неё. Она была красива! И новое пальто, и длинный вязаный шарф, и такая же вязаная шапочка, и даже пышный, живой румянец на щеках — всё это невероятно шло ей и делало её неотразимой.

— Неплохо устроились, — после продолжительной паузы проговорила она наконец. — А я, собственно, за вами.

— За нами? Куда? — не совсем понял я.

— Какая милая девочка! — Надя перевела взгляд на Веронику. — Иди, девочка, поиграй во

дворе с ребятами. Мы сейчас поговорим немного с дядей, а потом все вместе погуляем: ты, я и дядя.

— Ты, я и папа, — поправила Вероника и, отложив азбуку, посмотрела в мою сторону.

— Папа?! — удивилась Надя. — А я, признаться, никогда бы не подумала, что у такой взрослой девочки может быть такой молодой папа.

Она посмотрела поочерёдно на нас обоих.

— Ну хорошо, пусть будет так: ты, я и папа.

Вероника улыбнулась и взглянула на меня. Я кивнул ей:

— Иди, погуляй возле дома.

Едва только захлопнулась за Вероникой дверь, Надя, повернувшись, осмотрела меня с ног до головы.

— Ты вообще-то на что-нибудь способен? — спросила она.

— Н-не понимаю. Что ты имеешь в виду?

— Почему ты не можешь сделать всё сам? Почему я должна ехать к тебе за тысячи километров только для того, чтобы пристроить в детский дом привязавшуюся к тебе девчонку?

— Какой детский дом? Надя, ты о чём говоришь?!

— Что Надя, что Надя?! Ты думаешь, что она вечно будет жить с тобой?

— Я не знаю... Может быть, потом и отыщутся родители.

— А я знаю. Никаких родителей у неё нет и не было. Тебе её специально подбросили. Да-да. Специально. Видят: простачок этакий... И не перебивай меня! Не перебивай, понял? Ты думаешь, у тебя одного и есть сострадание к другим? У меня тоже есть. Есть, понятно? Но пойми, у нас у самих будут дети. Как они будут относиться к ней? Как

она будет относиться к ним? Да и вообще... Вообще мы с тобой ещё молоды, чтобы иметь такую взрослую дочь. Сколько, кстати, ей лет?

— Скоро будет семь.

— Вот видишь! Мне только двадцать два, тебе двадцать четыре. А почему она сразу стала называть тебя папой?

— Да откуда мне знать? — уже с раздражением ответил я.

— А может, она больна? Может, у неё с головой что? Ну, ничего, там, в детдоме, её обследуют.

— Надя! Как ты можешь так говорить?

— Я просила тебя не перебивать меня. Моя мама и то...

— При чём тут твоя мама?! Ну при чём тут мама?! — не в силах больше сдерживаться, выкрикнул я.

— Не кричи, понял? Не кричи, — Надин голос дрогнул, казалось, она вот-вот заплачет. Мне стало жаль её, и я виновато опустил глаза.

Она, очевидно почувствовав это, встала, подошла и, поцеловав, усадила меня на диван.

— Ну как ты не понимаешь? Подумай хотя бы обо мне. Я никогда не смогу полюбить её. Полюбить насильно. Да и она тоже. Неужели ты хочешь, чтобы у нас из-за неё были постоянные ссоры? А? Будь умником! Я специально разузнала, что недалеко, километрах в пяти-шести отсюда, в селе есть детский дом. Директором там мамина одноклассница. Мама написала ей письмо, и я уже побывала там, договорилась. Поехали сейчас. Все документы мы оформим позже. А пока пусть девочка поживёт там, привыкнет.

Всё сказанное Надей не укладывалось в моей голове. Я закрыл лицо руками, пытаюсь сосредоточиться. Надя осторожно коснулась моих волос.

— Ну, соглашайся, Саша, соглашайся. Ради нашей любви. Поедем, пожалуйста. Автобус туда четыре раза в день ходит, так что часа через два-три будем уже здесь. Вдвоём. Возьмём шампанское, я торт привезла. Посидим славненько. А?

Я молчал. Надя решительно встала, сняла с вешалки куртку и стала одевать меня.

— Ну хорошо, ежайте вдвоём. Так даже будет лучше. Отвезёшь и пообещаешь ей скоро приехать. А я пока здесь похозяйничаю.

Она потянула меня за руку, поставила, словно манекен, на ноги, застегнула куртку, надела шапку и, дружелюбно похлопывая по плечу, подтолкнула к двери.

— Сейчас до автостанции, а потом — на автобус в Берёзово. Там найдёшь детский дом, спросишь Тамару Васильевну. Передашь привет от меня, ну и объяснишь всё, конечно. А потом... Потом мы обсудим наши дела.

Она вытолкнула меня в коридор, подбадривающе кивнула и закрыла за мной дверь. Вначале я по инерции брёл по узкому коридору, затем спустился по лестнице, постоял в вестибюле. Наверное, вид у меня был не из лучших, потому как вахтёрша, с которой я уже был знаком, посмотрела на меня сострадательно. Выйдя из подъезда, я увидел на скамейке Веронику.

— А где та тётя? Она что, не пойдёт с нами? — спросила она.

Я посмотрел на девочку, молча взял её за руку, и мы пошли. Мы шли к автобусной остановке, и я пытался анализировать сложившуюся ситуацию. Итак, как я понял, мне предстояло выбирать между Надей и Вероникой. Только так и не иначе. Ну откуда, откуда у Нади такая жестокость? За тот небольшой

промежуток времени, что мы прожили вместе, я привык к Веронике и теперь даже не представлял, как буду без неё. Кто будет помогать мне мыть посуду на кухне и подметать в комнате? Кто будет читать выученные в детском садике стихотворения и петь детские песенки? Надя, милая, неужели это ты? И что тому причиной — снова наставления матери или уже собственная инициатива?

Автобус долго ждать не пришлось. Он подошёл сразу и, что самое удивительное, несмотря на выходной день, был почти пуст. Я посадил Веронику на сидение, а сам встал напротив, на задней площадке, и, глядя в окно, продолжал размышлять. О Веронике, о Наде, о себе. Время, однако, шло. И автобус медленно двигался вперёд, удаляя нас от нашего дома. Когда он сделал очередную остановку, никто из него не вышел и никто не зашёл.

— Папа, следующая — «Парк», — сказала Вероника.

Я посмотрел на неё и промолчал. Её взгляд был не по-детски печален.

— «Парк», — спустя некоторое время сказала женщина-кондуктор, — следующая — «Автостанция».

— Папа, мы сходим? — снова спросила Вероника.

Я молчал.

— Поехали! Никто не сходит! — крикнула кондукторша водителю автобуса.

Одна створка задней дверцы захлопнулась, а вторая осталась открытой, словно приглашая выйти. Внезапно шальная, даже безумная мысль нахлынула на меня. Страшная мысль о том, что если мы не сойдём с Вероникой из этого автобуса сейчас, то не выйдем из него никогда!

Никогда!

Не знаю, какая сила управляла мною в тот момент, но я, схватив Веронику на руки, быстро устремился к полуоткрытому проёму двери. Автобус, уже было тронувшийся с места, снова притормозил, и я услышал, как вслед нам закричала кондукторша:

— Пьяный! Ей-богу, пьяный! И как только таким детей жёны-то доверяют?!

Вероника смотрела на меня удивлённо.

— Ты не испугалась, Вика? — спросил я её.

— Не-а. Нисколечко, — ответила она. — Я сильно не хотела ехать на автостанцию. А теперь ведь мы не поедem туда, да?

— Нет. Теперь-то уж мы поедem домой, — убеждённо сказал я.

***

...Когда дверь в нашу комнату открылась и Надя увидела нас с Вероникой, то от неожиданности выронила из рук вазу с яблоками. Яблоки рассыпались по столу, сбив фужеры, несколько штук угодили прямо в торт, а остальные, упав на пол, покатались к нашим ногам. Одно, второе, третье...

— Мы будем жить втроём, Надя, — отчётливо выделяя каждое слово, произнёс я.

***

Вероника, прочитав вполголоса игрушечному Деду Морозу стихотворение, встаёт, на прощание машет ему рукой и, пожелав спокойной ночи, направляется к окну.

— Что там, Вика? — спрашиваю её тихонько.

— Идёт снег. Пушистый-препушистый, — говорит она, повернувшись ко мне вполборота. — А ты что — не спишь, папа?

— Нет.

— Тогда, можно, я лягу к тебе?

— Можно.

— И возьму свою куклу?

— Бери.

Я представляю, как на лице Вероники вспыхивает улыбка. Она подбегает к своей кровати, берёт куклу и, радостная, бежит ко мне.

— Мы сегодня ещё поспим, а завтра будем сидеть долго-долго, пока часы не пробьют двенадцать, а потом ляжем спать, а когда проснёмся, то дедушка Мороз уже положит нам под подушку свои подарки. Правда, папа? — говорит моя лепетунья, укладываясь поудобнее.

— Правда, — я глажу её по пушистым длинным волосам. — Спи, Вероника.

Рядом на стуле лежит её белое платье Снегурочки. Завтра Вероника наденет его, и мы отправимся на детский утренник. Она будет читать стихи, петь новогодние песенки и кружиться в хороводе. А я, выбрав время, куплю ей новую куклу, большую шоколадку и школьный букварь — ведь на будущий год Вероника пойдёт в школу, а себе наконец-то куплю электробритву, — и всё это после незаметно положу под подушку.

Но это будет завтра, а пока, обняв куклу и прижавшись ко мне, моя Вероника крепко-крепко спит.

1980-1982 гг.

Тайшет

«СЛАВКА +...»

1

А вот и Славкин дом. Старый, деревянный, двухэтажный, давно списанный на слом, он стоит и по сей день, со всех сторон зажатый панельными пятиэтажками. Я не сразу отыскал его среди этих построенных по новому проекту домов. Когда-то здесь деревянной улицей заканчивался город. Улица так и называлась — Крайняя. А сразу за ней километра на два-три, до самого озера, тянулось картофельное поле. Теперь же пяти-, девяти- и даже двенадцатиэтажные дома подступили к самому озеру, и одна из улиц называется Озёрной.

Да, за последние лет пять заметно изменился город моего детства.

Я потянул на себя ручку подъездной двери, и мне навстречу выскочила облезлая вислоухая собака. Испугавшись, она прижалась к стене дома и жалобно посмотрела на меня. Рассохшаяся, с тугой пружиной дверь пронзительно закричала, из коридора пахло сыростью и холодком — тем самым запахом давно не крашенных деревянных лестниц и перил, который я впервые вдохнул ещё в детстве и привкус которого памятен мне с тех пор, когда я первый раз пришёл сюда. С той поры здесь, кажется, ничего не изменилось.

Все двери были так же обиты тёмным обшарпанным дерматином, а на двери квартиры с номером «три» цифра всё ещё была перевёрнута и обозначала, как и тогда, букву «Е»; на перилах красовались всё те же надписи, за исключением двух-трёх новых, а у порога лежали, похоже, те же самые коврики и половички, и даже внутреннее стекло на окне между первым и вторым этажами,

как и тогда, отсутствовало. Вот уж воистину место, где время остановило свой ход!

Поднявшись по крутым деревянным ступенькам на второй этаж, я остановился напротив квартиры с номером «шесть». Рука потянулась к кнопке звонка, но что-то меня остановило. С минуту я постоял в нерешительности. И вдруг вспомнил о надписи. О той самой, которую, крадучись, накарябал много лет назад. Прикрыв ладонью звонок, я стал внимательно осматривать стену. Сердце забилось учащённо, когда в полуметре ниже звонка мне удалось разглядеть едва различимые буквы, нацарапанные мною ключом от английского замка. Видимо, не раз покрывавшаяся после очередной побелки новым слоем извести, надпись эта была теперь почти незаметна, и лишь при тщательном осмотре можно было прочесть: «Славка + ...».

2

Славка пришёл к нам с группой новичков, когда мы учились в пятом классе. А в седьмом... В седьмом он перешёл в другую школу. И произошло это из-за меня...

Наверное, о том случае на озере в школе всё равно бы узнали, но я никак не могу простить себе, что рассказал Юрке. Вернуть бы тот день...

В то время мы с Юркой ни с кем из одноклассников особой дружбы не вели. У нас с ним были свои, соседские (мы жили в одном доме) тайны, в которые мы не посвящали никого.

Однако Славка выделялся. Выделялся тем, что учился лучше других, всегда был собран и внимателен на уроках, стихи читал с выражением, да так, что класс во время его чтения замирал, а на глазах уже не молодой учительницы Валентины Алексан-

дровны выступали слёзы. Нечто подобное происходило на уроках математики, где Славка без запинок доказывал теоремы: по выражению Юрки, «щёлкал» их, как орешки.

Но главное, наверное, было в том, что Славка никогда не улыбался. Во всяком случае, ни я, ни Юрка, ни кто-либо другой не видели его смеющимся. Даже когда на уроках возникали такие ситуации, что весь класс буквально падал от смеха, Славкино лицо оставалось невозмутимым. Но запомнился он мне не только тем, что как-то не по-детски воспринимал мир, но ещё, пожалуй, и потому, что никогда не ходил в буфет. Он носил в портфеле аккуратно завернутый в газетку намазанный маргарином хлеб и несколько кусочков быстрорастворимого сахара. Он хрустел сахаром на большой перемене, жевал хлеб и запивал водой прямо из-под крана. В классе говорили разное, но на эти разговоры Славка не обращал внимания.

Завязка же этой истории началась во время летних каникул, августовским днём, когда мы играли футбольный матч с «окраинскими». К финальному свистку мы проигрывали безнадежно — 0:5.

Славка в этом матче забил в ворота, защищаемые Юркой, два красавца-гола под самую перекладину, и сразу после матча Юрка бросился доказывать окраинским, что игра кончилась раньше времени на пять минут, которые необходимо доиграть, и что один из мячей они забили из офсайда. Из чувства обиды и негодования мы были солидарны с Юркой, но так измотаны игрой, что больше не имели ни малейшего желания бегать за мячом и потому молчали. Юрка, однако, не сдавался, и хотя он понимал, что все уверения бесполезны, но решил всё же поспорить — уже со Славкой — о том,

что отразит все пробитые им одиннадцатиметровые удары или хотя бы три из пяти. На удивление, Славка согласился сразу, и Юрка, отсчитав одиннадцать широченных шагов, провёл ногой жирную черту на песке и затем занял место в воротах. Мы вместе с окраинскими расселись вдоль штрафной площадки. Самый первый удар пришёлся в штангу. У Юрки загорелись было глаза, но остальные четыре Славка невозмутимо вколотил в сетку и под одобрительный возглас окраинских спокойно удалился. Юрка же, присев в воротах прямо на мяч, сдвинул кепку на глаза и, растопырив пальцы больших перчаток, заплакал...

С того дня он затаил обиду на Славку. Эта обида за друга, за проигранный матч постепенно передалась и мне, и мы с Юркой почти ежедневно старались чем-нибудь досадить Славке. Увидев его как-то после уроков с Ирккой Петровой, мы тут же бросились писать: «Славка + Ирка», «Андреев + Петрова». Подобные надписи вскоре стали появляться в школе на классных досках, а также на дверях подъездов, на вагонах товарных поездов и на бортах грузовых автомобилей. Надо сказать, что «труды» наши возымели действие, и однажды после уроков, когда Славка попытался взять Иркин портфель, та резко выхватила его и пошла в другую сторону.

Мы на этом не остановились, и вскоре наши «художества» стали порхать в виде бумажных самолётиков не только по классу, но и по всем трём этажам школы.

Наша классная руководительница — историчка Нина Ивановна — очевидно, догадывалась о том, что происходит в классе. Во всяком случае, она частенько пыталась установить между мной, Юр-

кой и Славкой если не дружеский, то обоюдозаинтересованный контакт. Нередко на уроке она прерывала Славкин ответ и просила меня или Юрку продолжить начатый Славкой рассказ. А когда однажды Славка не пришёл в школу, а Юрка попался ей, как говорится, с поличным, рисуя на доске во время перемены уже упомянутую формулу, то она попросила нас остаться после занятий для беседы.

Беседа, в ходе которой говорила в основном наша «классная», а мы с Юркой лишь изредка кивали, длилась часа полтора. Наконец, видимо устав «читать мораль», Нина Ивановна тяжело вдохнула и сказала Юрке:

— Можешь идти.

— А я? — сделав кислую физиономию, спросил я.

— А ты сходи, пожалуйста, домой к Славе Андрееву, — попросила она, когда Юрка вышел из класса, — узнай, что с ним, почему он не был в школе. Только я попрошу: ни слова об этом Юре, хорошо?

Я пожал плечами:

— Хорошо.

Юрка поджидал меня в коридоре — ему страсть как хотелось узнать, о чём я говорил с «Ниней» наедине. Я сказал, что учительница попросила меня написать заметку в школьную стенгазету. Это было похоже на правду, и Юрка отстал. Проводив приятеля почти до самого дома, я вышел к автобусной остановке и через несколько минут уже ехал на Окраинную улицу.

Вот тогда-то я и пришёл впервые к этому дому, вошёл в этот подъезд и, поднявшись на второй этаж, позвонил в квартиру номер шесть. Шагов за

дверью не было слышно, тогда я позвонил ещё раз и, убедившись в том, что дома никого нет, с чувством исполненного долга собрался было идти обратно, как вдруг меня осенила мысль. Убедившись в том, что в подъезде, кроме меня, никого нет, я второпях вывел на стене: «Славка + ...».

Дальше написать не успел, ибо едва я поставил плюс, как соседняя дверь резко распахнулась и на площадку вышел изрядно подвыпивший дядя, лохматый и в майке.

— О-о, — протянул он мне руку, — приветствую, молодой человек... Ты-то из этой... из больницы, ч-что ли?..

— Н-нет, — замотал я испуганно головой, пряча в карман пальто ключ, которым карябал по стенке.

— А С-Славка?..

— А что Славка?

— Н-ну, он же там. В б-больнице этой... П-простудился, пока в-вытаскивал д-девчонку эту...

— Ну чё ты мелешь? Чё мелешь? — слышалось за его спиной, и на пороге показалась полная женщина с сумкой в руке.

— Никакую не девчонку, а мальчика, мальчика он вчера из проруби вытащил. А ты, наверное, из школы? — спросила она меня.

Я кивнул.

— В больнице он, милый, в больнице сейчас. Вчера они гоняли по озеру шайбу, и какой-то карапуз упал в прорубь, а Славка — он же такой, не смотри, что тихоня, — полез его доставать. Достать-то достал, да сам провалился. Как назло, взрослых вокруг никого. А подростки — что с них возьмёшь? Сами перепугались... Помочь некому... не знаю, я не видела, но говорят — он сам выка-

рабкался и домой хотел было, обледеневший, бежать, да тут скорая подъехала, вызвал, видать, кто-то... ну и увезли его. А ты узнать пришёл?

— Да, его на уроках сегодня не было.

— Молодец, сразу видно — настоящий пионер и друг, наверное, хороший.

Последние слова женщины привели меня в смущение, и я, быстро попрощавшись, выскочил из подъезда.

Я решил навестить Славку и отправился в районную больницу. Мне очень хотелось побыстрее увидеть его и расспросить поподробнее о том, что же всё-таки произошло на озере. Вот ведь как получается: Славка-то — настоящий герой! Человека спас. Об этом можно будет написать заметку в школьную газету или даже в «Пионерскую правду». Можно сделать фотографию Славки и этого мальчика. В моей голове уже рождались строки будущего газетного материала. Называться он, наверное, будет так: «Поступок пионера Андреева». Нет, лучше — «Герой среди нас» или «Ледовая эпопея». Нет, это уже где-то было. Может, проще — «Случай на озере»?

Славка вышел в приёмную, но, увидев меня, как мне показалось, несколько нахмурился:

— А... Это ты. А я подумал, мама вернулась...

— Ну, как здоровье? — спросил я, разглядывая одетого в пижаму Славку.

— Да ничего. Кашель вот только немного. Врач сказал: если осложнений не будет, то в понедельник выпишут.

— Отлично. Ну, а пока давай рассказывай поподробней, как малыша спасал. Я об этом в газету напишу.

Я достал из портфеля тетрадку и ручку и приготовился записывать Славкин рассказ.

— А что, в школе уже знают? — спросил Славка.

— Пока нет. Я первый. Но не беспокойся — завтра все узнают. Я напишу, оформлю как следует и сегодня же вечером вывешу в школьном коридоре стенгазету. Вот ещё бы фотографию твою с тем мальчиком, а?

— Слушай, а ты сможешь выполнить одну мою просьбу? — вдруг спросил Славка.

— Конечно, о чём разговор! Говори. Сочту даже за честь. Я теперь на тебя совсем по-другому смотрю. Ты — настоящий герой. Герой среди нас, не из кино, — я был уже в порыве литературного вдохновения.

— Ты пока никому ничего не говори, ладно? — попросил Славка.

— Как?! — воскликнул я, недоумевая. — Со всем-совсем ничего?

— Ну, скажи — простыл, мол, в больницу положили, а про озеро не надо.

— Ну, если ты так хочешь, — я с досадой закрыл тетрадку. — Значит, заметки не будет...

— Так ты даёшь слово? — опять спросил Славка.

— Даю.

— Вот и хорошо. Передай Нине Ивановне, что мне уже лучше. Ну, пока.

Славка, словно в приветствии, поднял вверх руку и стал подниматься по лестнице на второй этаж, в свою палату.

На другой день я сказал Нине Ивановне так, как хотел Славка, а во вторник он появился в школе сам. Он вёл себя, как будто ничего и не случи-

лось: как и прежде, был спокоен и рассудителен, отвечая на уроках, а на перемене хрустел сахаром и пил воду. Я же не находил себе места. Где-то там, в глубине моей детской души, рос протест и набирал силу, а в сознании всё чётче и чётче всплывала мысль о некоей несправедливости, о том, что в жизни так не бывает, во всяком случае — быть не должно. Не должно быть, чтобы о хорошем, даже героическом, поступке никто-никто не знал. Несколько раз я намеревался подойти к Славке и поговорить с ним, но, натыкаясь на его колючий, полный постоянного напряжения и недоверия взгляд, отступал.

Прошла неделя, вторая, месяц. И вот как-то на уроке литературы зашла речь о подвиге, о том, что в жизни ему всегда есть место.

— Знаете, ребята, у меня за стенкой сосед живёт, Борька его звать, — сказала в конце урока учительница. — Ему пять лет, но он такой непоседа. Живём мы у самого озера. Так вот, примерно с месяц назад Борька этот забрёл на озеро и угодил в прорубь. Подробности того, как это случилось, мне неизвестны, знаю только, что спас его один мальчик. Ваших лет примерно. Бросился не раздумывая. А ведь не каждый взрослый так бы поступил, согласитесь... Может быть, кто из вас слышал об этом случае? С кем бы я ни разговаривала, никто об этом мальчике ничего не знает, кто он и откуда. Возможно, это один из ваших знакомых.

В классе наступила тишина. Все стали переглядываться и пожимать плечами. Оказалось, что никто об этой истории даже и не слышал, а из окраинных мало кто ходил в нашу школу.

Я осторожно глянул на Славку. Он перехватил мой взгляд и невозмутимо, ни разу не моргнув,

выдержал его. Чувство слепой ярости и обиды захлестнуло меня. Я уже готов был встать и прямо на уроке с кулаками броситься на него, но вовремя прозвеневший звонок охладил мой пыл. На перемене я оттащил Юрку в уединённое место и, вытянув из него клятву «молчать до могилы», выплеснул ему всё, что переполняло меня до краёв.

— Да-а! — протянул Юрка, выслушав до конца мою пламенную речь. — Теперь ему медаль дадут.

— Какую ещё медаль? — не понял я.

— «За спасение утопающих». Вот какую.

И Юрка, сунув руки в карманы брюк и опустив голову, побрёл вдоль школьного коридора.

— А ну тебя, — махнул я ему вслед.

На другой день утром, едва я раскрыл школьную парадную дверь, как столкнулся лицом к лицу со Славкой. Раскрасневшийся, взъерошенный какой-то, не такой как всегда, Славка вначале пробежал мимо меня, но на крыльце остановился.

— Ты... Ты... А ещё слово давал, — задыхаясь, проговорил он. — Юнкор ещё! Редактор стенгазеты! Писака несчастный!

От его взгляда мне стало не по себе. Столько боли было в его заплаканных глазах...

Войдя в класс, я всё понял. На классной доске был нарисован человек с клюшкой в руках и с большой, во всю грудь, медалью «За спасение утопающих». Внизу было подписано: «С. Андреев».

Возле доски толпилось человек пять. Юрка же сидел за своей партией, листал какую-то книгу и лишь изредка поднимал глаза.

Славка в классе больше не появлялся. Как мы узнали потом, он перешёл в другую школу. В наших с Юркой отношениях тоже наступили не лучшие времена. Некоторое время я старался дер-

жаться в стороне от одноклассников, ибо эта история получила широкую огласку; мне казалось, все вокруг только и делают, что говорят о том, как я не смог сдержать слово...

Однако время шло, и всё помаленьку стало забываться. Славку я видел потом ещё несколько раз с Ирккой на стадионе. После восьмого класса он поступил в техникум физической культуры, и мы однажды снова встретились с ним на футбольном поле. Было это в краевом центре — их команда играла против нашего университета. После говорили, что Славка Андреев поступил в военное училище.

Да, время шло, и чем дальше мы уходили от детства, чем становились взрослее и опытнее в жизни, тем больше меня мучила совесть. Всё чаще и чаще я вспоминал тот случай, и после каждого воспоминания подолгу не мог заснуть. Не помогали ни прогулки на свежем воздухе, ни снотворное, ни успокаивающий стук пишущей машинки. Несколько раз порывался съездить в родной город с одной мыслью — увидеть Славку, но, приезжая, не находил смелости (а иногда, чего греха таить, и времени) для того, чтобы придти в дом на Окраинной улице. И чем дальше и дальше уходили в прошлое школьные годы, тем нестерпимее были мои муки. И вот, наконец, сегодня я решился...

3

Я ещё стоял, прикрыв ладонью звонок и разглядывая почти затёртую надпись, когда соседняя дверь раскрылась и на пороге появилась пожилая женщина. Я узнал её: это была та самая Славкина соседка, которая рассказала мне в тот день о случае на озере.

— Вы к Елизавете Петровне, молодой человек? — спросила она.

Стыдно, но я знал ни имени, ни отчества Славкиной матери.

— К Андреевым я...

— А её нет. Она только что ушла. А вы, я вижу, вроде бы нездешний. Можете зайти к нам, подождать, — предложила она и крикнула в глубь комнаты: — Гриша, пригласи молодого человека к нам.

Из команды послышалось громкое хрипенье, и к женщине подошёл седой сторбленный старик. Я с трудом узнал в этом морщинистом дряхлеющем человеке того самого Славкиного соседа, который засыпал меня вопросами в мой первый приход сюда. Очевидно, он уже принял дозу спиртного, и его слегка покачивало.

— 3-заходи, чё — вдарим по малой, — он протянул вперёд руку, оттопырив на ней два пальца — большой и мизинец.

— Да нет, извините, я попозже зайду, — сказал я и, спустившись по лестнице, вышел из подъезда.

4

Вислоухая собака, всё ещё сидевшая у стены, встала и, как старому знакомому, приветливо завильяла хвостом. Какое-то тревожное предчувствие, нахлынувшее неведь откуда, стало сдавливать грудь, и я, дабы развеять хандру, побрёл не спеша по новым городским кварталам. На одной из улиц моё внимание привлекла яркая витрина магазина сувениров. Я остановился и стал с интересом разглядывать различные вещицы, изготовленные местными умельцами. Неожиданно я ощутил на себе чей-то взгляд. Сквозь стекло большой

витрины на меня смотрела Ира Петрова! Смотрела и улыбалась. Через несколько минут мы беседовали с ней в просторном новом здании магазина. Говорили о жизни нынешней, вспоминали школьные годы. Она поведала мне о том, что после третьего курса оставила учёбу в политехническом институте, что до сих пор так и не вышла замуж и что вот уже лет шесть как работает продавцом. Несколько раз я пытался спросить её о Славке, но что-то останавливало и не давало заговорить на интересующую меня тему. Может быть, то, что Ира со Славкой были друзьями и что-то у них не получилось. А Ирина, увлечись воспоминаниями, всё говорила и говорила. Я чувствовал, что она рада меня видеть, и на душе потеплело.

Она замолчала как-то неожиданно — осеклась на полуслове, взяла меня за руку. Взгляд её был обращён на витрину. Там, где несколько минут назад у магазина остановился я, стояла пожилая женщина в тёмном пальто. Из-под чёрного платка пробивались седые пряди волос. В руке она держала букетик гвоздик. Ирина приветливо кивнула ей. Женщина ответила невесёлой улыбкой.

— Ты помнишь её? — спросила Ира, когда женщина отошла.

Я пожал плечами.

— Это Славы Андреева мама. К нему, наверное, пошла.

— Куда к нему? — не понял я.

Ирина удивлённо посмотрела на меня:

— А ты что, разве не знаешь? Слава погиб в Афганистане...

— Как? — у меня кольнуло под сердцем. — Извини, Ира.

Я выскочил из магазина и стал глазами отыскивать среди прохожих женщину в тёмном. Увидел её на автобусной остановке. Как раз в тот момент, когда она садилась в пригородный автобус. Я едва успел заскочить следом. Пассажиров в автобусе было немного, и к конечной остановке мы остались с Елизаветой Петровной в салоне вдвоём.

Она вышла у городского кладбища и пошла по узкой тропинке. Я побрёл следом. Она долго сидела у мраморной плиты, поливала цветы, сметала листья и пыль. Всё это время я ходил неподалёку. И только тогда, когда она, немного отдохнув и поплакав, утёрла слёзы и пошла к выходу, я подошёл к оградке.

Осенний ветерок теребил лежащие на мраморе гвоздики. Я долго не решался взглянуть на фотографию, мой взгляд вначале скользнул по блестящей металлической пластинке: «Гвардии старший лейтенант Андреев Вячеслав Георгиевич. 1959-1983 гг.». Надпись была выгравирована прописными буквами. Сразу вспомнилось: «Славка + ...».

Мне стало не по себе, и я, закрыв глаза, несколько минут простоял так. А когда открыл их и поднял голову, увидел... С фотографии смотрел на меня красивый улыбающийся парень в форме военного десантника с большими открытыми глазами.

Я раньше никогда не видел его таким...

1983 г.
Тайшет

КРИМИНАЛЬНЫЙ ВУНДЕРКИНД

Магазин этот находился в самом центре посёлка, недалеко от зданий местной администрации и конторы леспромхоза. Мало того, что еженощно с восьми часов вечера и до девяти утра торговая точка находилась под охраной сторожа и злой собаки, так ещё по обе стороны от неё проживали работники милиции — два участковых инспектора. Один из них нёс службу в посёлке, о котором пойдёт речь, а другой следил за порядком в соседнем населённом пункте. И, наверное, потому никому из потенциальных покупателей, милиционеров и продавцов в голову просто не могло прийти, что смешанный магазин продуктовых и промышленных товаров можно обокрасть. Но, тем не менее, это случилось в одну тёплую июньскую ночь. И ни сторож, находившийся в подсобке, ни дремлющая у крыльца собака на воров никак не прореагировали. Похитители без шума и скрипа открыли ставни и проникли в магазин через легко открывающуюся форточку.

В принципе, преступники украли не так уж и много: пять банок тушёнки, три бутылки водки, несколько пачек сигарет, два кулька расфасованного по одному килограмму сахара и, как утверждала заведующая магазином, коробку замороженных куриных окорочков из холодильника.

Побывавшие утром на месте преступления участковый и следователь из районного центра обнаружили на полу несколько наполовину сгоревших спичек и газету «Красноярский рабочий», датированную январём текущего года. Других следов найти не удалось. Естественно, по факту кражи из магазина было заведено уголовное дело, сто-

рож получил строгое взыскание, а по посёлку поползли слухи о таинственных грабителях, якобы разъезжающих ночами на иномарках и уже обчистивших несколько магазинов в округе. Не выдвигая пока никаких официальных версий, следствие сделало вывод, что в узкий проём магазинной форточки не смог бы проникнуть человек упитанный или широкий в плечах и что коробку с окорочками вряд ли можно вытащить тем же путём.

Два дня после кражи магазин был закрыт на учёт, и жители посёлка были вынуждены ездить за продуктами и мелкими промтоварами в соседнее село.

Несколько дней, кажется, и не было в посёлке больше разговоров, кроме как о магазинной краже. В последний раз магазин обворовали лет 15 назад двое командировочных из города, которых взяли почти сразу — в дупель пьяными и с краденной водкой. Теперь же воров по горячему следу найти не удалось, и некоторые жители посёлка стали более надёжно запирают ворота и двери своих домов.

В воскресный день магазин, как всегда, не работал — был выходной, — и разговоры вокруг кражи несколько поутихли. Однако в понедельник они разгорелись с новой силой. Ибо торговую точку обворовали ещё раз.

На этот раз унесли около трёх килограммов халвы, большую банку с селёдкой пряного просола, две куртки-«аляски» и несколько пар носков 23-го размера.

На полу снова были найдены обгорелые спички, но ни следов от обуви, ни отпечатков пальцев преступников, как и в первый раз, обнаружить не удалось. Следствие зашло в тупик. Участковому

объявили строгий выговор, проспавшего второй раз кражу сторожа уволили вместе с собакой, а о таинственных грабителях на «мерседесах» стали поговаривать едва ли не в каждом доме.

Магазин снова закрыли на учёт; правда, учитывали теперь недолго и открыли через день, в среду. Однако в четверг закрыли снова, ибо вконец обнаглевшее ворьё, вычислив, что через день после кражи никто их на месте преступления ждать и караулить не будет, проникли в магазин ещё раз и всё тем же путём — через форточку.

Согласно описи, с третьей ходки воры унесли ещё две «аляски» и почему-то самую ходовую килограммовую гирию.

Одно теперь и следователю, и участковому, и некоторым жителям посёлка стало ясно: в магазине ночами орудуют налётчики из числа местных, хорошо знающих как сам магазин, так и обстановку, возникшую вокруг торговой точки в последнее время. Ибо не может залётный «гастролёр» так хорошо ориентироваться в здешней среде и, тем более, с такой наглостью совершать кражи во время возникшего ажиотажа. Участковый в срочном порядке выехал в районный центр, где изложил начальнику РОВД план расследования и поимки похитителей товаров народного потребления.

Нельзя сказать, что руководитель райотдела милиции был в восторге от по-детски наивных задумок молодого лейтенанта, но о троекратной краже из магазина в таёжном посёлке узнали газетчики, и криминальные сообщения по этому поводу украшали страницы не только районной, но и некоторых краевых газет, а потому подполковник дал команду следственной группе рассмотреть предложения участкового.

Воодушевлённый поддержкой начальника, лейтенант всю обратную дорогу домой мысленно прорабатывал план мероприятий, которые он должен провести в течение двух-трёх ближайших дней и каковые должны вывести его на преступников.

Однако к реализации этих мероприятий ему приступить не удалось. У ворот дома его встретила встревоженная супруга и, всхлипывая, сообщила, что из холодильника на веранде исчезла свиная голова, из которой она намеревалась приготовить холодец.

— Ты говорила кому о пропаже? — спросил жену переменившийся в лице участковый.

— Только подруге. Она пришла подсказать мне, как варить холодец, — всхлинула жена милиционера.

— Ну, всё! Завтра весь посёлок будет знать, что даже у участкового мясо из холодильника утащили!

Лейтенант присел на ступеньку крыльца и подумал о закате своей ещё, в принципе, не начавшейся карьеры.

— Почту приносили? — обратился он снова к супруге теперь уже каким-то не своим, осипшим голосом. — Что там о нас в газете пишут? Посмотреть надо.

Супруга бегом подбежала к почтовому ящику, вытащила газеты и также бегом поднесла их мужу. Взяв в руки периодическую печать, лейтенант обнаружил внутри свёрнутых газет вырванный из тетради лист в клеточку с наклеенными на нём печатными буквами: «Свиную голову, водку, селедку и тушёнку найдёте в своей бане, в бочке с холодной водой. Если же хотите поймать настоящих воров, то срочно позвоните в уголовный ро-

зыск. Пусть проверят рынок в райцентре, где смогут обнаружить краденые куртки. Их продаёт бабка в красной вязаной шапочке».

— Бегом в баню! — крикнул он жене, прочитав послание, и, сорвавшись с места, побежал в угол двора. Раскрыв дверь в предбанник и отбросив крышку бочки в сторону, он заметил бельевую верёвку, к одному концу которой была привязана лежавшая на полу килограммовая гирька, а к другому — большой полиэтиленовый пакет, в котором действительно находились и завернутая в целлофан свиная голова, и водка, и тушёнка, и селёдка.

— Лёш, так они издеваются над нами... — видя такое дело, сделала заключение супруга совсем сбитого с толку участкового.

— Кто «они»? — не понял жену лейтенант.

— Кто, кто... Воры!.. Тебе срочно нужно звонить начальнику угрозыска, не то, не дай Бог, они опередят и сообщат, что кражи в магазине совершал ты, а краденое прятал в своём предбаннике.

Участковый вновь переменился в лице и сломая голову помчался обратно к дому. Руки его дрожали, когда он накручивал диск телефона. К его счастью, несмотря на обеденное время, главный сыщик района оказался на месте.

— Товарищ майор, — шёпотом проговорил лейтенант в трубку и, не дав ответить собеседнику, сбивчиво рассказал о свиной голове, водке, селёдке и бабке в красной шапочке.

Начальник угро, приняв к сведению доклад лейтенанта, в срочном порядке послал к рынку двух милиционеров, дабы найти «красношапочную» бабулю и проверить, чем она торгует.

Бабулю обнаружить на рынке не удалось, но, отвечая на вопросы стражей порядка, некоторые из

числа торгующих подтвердили, что указанная бабулька куртками и носками торговала два дня подряд, а сегодня, продав последнюю «аляску», примерно полчаса назад пошла на автостанцию, чтобы уехать в краевой центр, где она проживает. Работники милиции поспешили к местному автовокзалу и вскоре нашли сидящую на скамейке и поджидавшую автобус бабушку в красной шапочке.

Увидев парней в милицейской форме, подошедших к ней с расспросами, бабушка разволновалась не на шутку. Ну, а когда ей было предложено пройтись до отдела милиции, расплакалась и рассказала о том, что куртки, носки, а ещё окорочка и сигареты дала ей для реализации невестка — заведующая того самого трижды обокраденного поселкового магазина. Заведующая вручила ей и документы на право реализации товара, якобы выданные в городе. Невестка настаивала, чтобы свекровь торговала в городе, но та, чуя неладное с документами на товар, решила реализовать его в райцентре, где к городским бумагам отношение властей более доверительное.

На поверку документы, как и ожидалось, оказались поддельными.

Задержанная в тот же день заведующая призналась, что воспользовалась кражей и прибрала окорочка, носки, сигареты и куртки для себя, припрятав их до поры в подсобное помещение, а затем переправив в город. Однако она клялась всем на свете, что ни первую, ни вторую, ни третью кражу не организовывала и организовывать не собиралась. Начальник угрозыска ей поверил и глубоко задумался.

Впервые в его более чем полуторадесятилетней милицейской практике встретилось такое нео-

быкновенное дело. Почти никаких следов на месте преступления, неожиданные и даже дерзкие повторные кражи, а затем возвращение краденого и послание участковому, наводка на заведующую и её сообщницу — всё это ставило перед угрозыском и следствием новые дополнительные вопросы.

...Все эти вопросы были сняты буквально на следующий день. С утра неизвестный позвонил на пульт дежурному по РОВД и попросил соединить его с начальником угрозыска. Когда связь была установлена, то майор услышал явно изменённую, записанную со спецэффектом на магнитофонную ленту речь-монолог. Звонивший сразу попросил выслушать его не перебивая и не задавая вопросов, сообщив, что кражи в магазине организовал он и только для того, «чтобы вывести на чистую воду настоящего расхитителя», попросил о встрече и потребовал гарантий для своей безопасности.

— Всё будет зависеть от того, что вы мне сообщите. Я могу лишь твёрдо обещать, что приду на встречу один и никто вас в день встречи не попытается задержать, — пообещал звонившему майор.

Встреча была назначена на 13 часов того же дня, на одной из скамеек в парке возле поселкового Дома культуры. Начальник угрозыска подъехал к парку на собственных «жигулях» за полчаса до назначенной встречи и, не выходя из машины, стал осматривать территорию, надеясь вычислить заранее идущего с ним на контакт человека. Однако это оказалось делом бесполезным, ибо контактёр, трижды ловко проникший в магазин под самым носом сторожа и собаки, рассчитал всё до тонкостей и быть «засвеченным» до поры до времени явно не желал. Недалеко от указанной скамейки,

на полянке, играли в футбол мальчишки да проходили мимо пожилые женщины.

Майор понял, что пока он не расположится на указанной скамейке, никто к ней раньше его не подойдёт. Наверняка вызвавший его на разговор человек уже держал начальника угро в поле своего зрения. Майор дождался, когда часы покажут ровно 13.00, открыл дверцу автомобиля и не спеша подошёл к одиноко ожидающей его скамейке. Звонивший, видимо, пунктуальностью не отличался, ибо в обозримом пространстве не было даже намёка на его присутствие. Неожиданно о скамейку ударился прилетевший с площадки футбольный мяч и отскочил к ногам милиционера. Майор, как в молодости, несколько раз пожонглировал им, перебрасывая с одной ноги на другую, и отправил обратно к играющим пацанам. В это время от ватаги ребятишек отделился мальчуган лет двенадцати, подхватил школьную сумку, служившую штангой для ворот, и, подбежав к скамейке, плюхнулся на неё, тяжело дыша.

«Вот некстати-то», — подумал майор и молча сел на другой край скамьи. Контактёр не являлся.

«Может, он увидел парнишку и не рискует подойти? — мелькнула вполне логичная мысль в голове майора. — Ладно, подожду ещё пять минут, потом пройду по парку. Если ему так необходимо поговорить со мной, то обязательно подойдёт».

Тем временем, отдышавшись, мальчуган раскрыл сумку и достал из него полиэтиленовый пакет.

— Вот сахар, — сказал он неожиданно майору.

— Какой сахар? — не понял сыщик.

— Тот самый, из магазина.

Майор с интересом посмотрел на соседа по скамейке:

— Это ты мне звонил?

— Я.

— И в магазин ты проникал?

— Три раза.

— Зачем?

— Чтобы заведующую спровоцировать на новую кражу. Я знал, что она, пользуясь случаем, магазинные товары с выгодой для себя продаёт. Ищет предлог для бесконтрольного сбыта. Ну, я и решил это дело ускорить. Рассмотрел, где какой товар лежит, понял, что лучше через форточку в магазин забраться. Форточка снаружи не закрывается. Ставни тоже легко открыть...

— А собаку ты не боишься?

— Я её давно знаю. И давно хлебом кормлю, косточки ей приносил несколько раз.

— Да-а... Силён ты, братец. Детективов небось начитался?

— И начитался, и насмотрелся по видику.

— А как следы заметал?

— Газеты стелил на пол и шёл по ним, а когда уходил, собирал обратно...

— Понятно. Я уж про перчатки и не спрашиваю. Не боялся, что поймают на месте преступления?

— А кого бояться? Сторож всегда после двух часов ночи спать ложиться и дрыхнет: из пушки стреляй — не разбудишь. А участковые на баптистов местных грешили, у них ведь дом молитвы тоже недалеко от магазина расположен.

Майор покачал головой:

— Лет-то тебе сколько, криминалист?

— Осенью тринадцать будет. На уголовное дело по возрасту ещё не тяну.

— А если я тебя в детприёмник оформлю, а родителей оштрафую? Тогда как?

— Не сделаете вы этого. Я ведь вам помог расхитительницу поймать и ещё, может, не один раз помогу. А родители ни при чём, они ничего и не знают.

— Сыщиком мечтаешь стать?

Мальчуган кивнул.

— Как Шерлок Холмс?

— Как лейтенант Коломбо.

— Ну, а зовут тебя как, Коломбо?

— Василий. Мы в посёлке всего два года живём. Из Казахстана переехали.

— Там тоже милиции помогал?

— Было дело...

— Ну ладно, Василий. Сахар я в отдел отнесу, приобщу к делу, а ты домой поезжай. Понадобись — я сам тебя найду. Доберёшься самостоятельно?

— Доберусь. На автобусе. Школьников бесплатно сейчас по району возят.

Майор пожал мальчугану руку. Тот несколько смутился и опустил глаза.

— А я не выдержал и халву магазинную съел. Можно, я потом заплачу за неё — попрошу у отца и отдам?

Начальник угрозыска улыбнулся и легонько похлопал его по плечу:

— Ступай. Учись хорошо и больше, не посоветовавшись со мной, никаких противозаконных мер не принимай. Ладно?

Василий кивнул, улыбнулся и, повернувшись, бодро зашагал в сторону автобусной остановки.

1997 г.

Красноярск

ВОСПОМИНАНИЕ О БЕЛОМ ЖУРАВЛИКЕ

***

Мне было тогда лет восемь. Хорошо помню: я окончил первый класс, и родители отправили меня в деревню — как они выражались, «к старикам». Старики мои — бабушка и дедушка — оказались не такими уж древними, а вполне ещё крепкими людьми. Правда, бабушка была на пенсии, а дедушка работал лесником.

Итак, мне было восемь лет, и то лето я проводил в деревне.

Поначалу мне нравилось вставать ранним утром, перед выгоном коров на пастбище, и, выпив молока, бежать кормить кур и гусей, которых я поначалу побаивался. Мне нравилось гладить по молоденькой шёрстке тёлочку Звёздочку и играть с псом по кличке Трезор. Нравилось ходить с дедушкой в лес, где я впервые в жизни увидел живых бурундучка и белочку. Нравилось вечером вместе с бабушкой встречать корову с пастбища, давать корм поросятам и, уже после вечерней дойки, когда солнце пряталось за огородами, слушать бабушкины рассказы о деревне и незаметно засыпать.

Правда, полный восторг от деревенской жизни я испытывал лишь первую неделю. Мальчишек в деревне было мало, особой дружбы я ни с кем не завёл, а потому мало-помалу начал тосковать по дому, по родителям, по оставшимся во дворе друзьям. Я даже поплакал как-то тихо за сеновалом — до того мне захотелось домой. Не знаю, чем бы всё закончилось, наверное тем, что вызвали бы моих

родителей и они увезли бы меня в город. Но вот однажды...

Однажды я проснулся от равномерного постукивания в окно и подумал, что начался дождь, но на улице было ясно. Стоявший на комодѣ будильник показывал без четверти шесть. Бабушка суетилась возле стола, готовила завтрак и собиралась идти доить корову, но стук привлѣк и её внимание.

— Игнатий! Глянь, Игнатий! Никак, журавель за окном? А белый какой!

— И хде? — спросил дедушка. Он сидел в кухне на табуретке и натягивал на ноги сапоги.

— А вона, во дворе у нас. В избѹ, что ль, просится? Ишь как в окно стучит.

Дедушка выглянул из-за перегородки и осторожно стал подходить к окну.

— Ну, дела! Белый, что снег! Журавель ведь, точно журавель. А крупный какой! — удивлялся дедушка, стоя напротив окна в одном сапоге.

— Журавлик? Где журавлик?!

Я соскочил с постели и бросился к окну. Ослепительно-белый журавль стоял за нашим окном во дворе и, как мне показалось, с любопытством смотрел на нас. Помню, он нисколько не испугался, когда я выскочил на крыльцо, а потом стал приближаться к нему, протягивая на ладони кусочек хлеба. Журавлик спокойно взял клювом с моей ладони хлеб, и я, не удержавшись, погладил его по мягким белым пѣрышкам. Наверное, я ему понравился, потому что он тут же потѣрся клювом о моѣ плечо, а потом зашагал по двору, не обращая внимания ни на стоявших на крыльце дедушку с бабушкой, ни на мирно дремавшего в будке Трезора, ни на непоседливых воробьишек, в такую рань уже

копошившихся возле собачьей будки и склёвывавших остатки Трезорова ужина.

Прошагав через весь двор, журавлик направился к огородам. Он легко перемахнул через изгородь и, приземлившись на другой стороне, посмотрел на меня, будто приглашая с собой. И я последовал его примеру. Перебежав огороды, мы выскочили на скошенные луга.

— Журавлик! Журавлик! Ура, у меня есть журавлик!

Встающее над лесом солнце ласково светило в глаза. Журавлик летел не очень высоко впереди меня, и я, пытаясь догнать его, бежал босиком по колкой траве в промокших от росы штанах и радостно кричал...

* * *

Журавлик стал моим другом. Он поселился у нас на чердаке, по соседству с голубями. Я принёс ему немного сена, и он сам устроил себе подобие гнезда. Голуби, куры, Трезор и все остальные наши домашние животные вели себя по отношению к новому жильцу совершенно спокойно. По утрам журавлик будил меня стуком в окно, потом мы вместе умывались (он чистил перья), завтракали и отправлялись через огороды на выкошенные луга. Там мы играли с ним в «догоняшки». Догнать журавлика было нелегко — он ловко изворачивался и взлетал, но иногда, высоко подпрыгнув, мне удавалось легонько задеть его по лапке, и тогда радости моей не было границ. Устав, я с разбегу нырял в какой-нибудь стог сена и неподвижно лежал. Журавлик пристраивался рядом. Я смотрел на проплывающие по небу облака и думал о том, что хорошо иметь такого друга, как журавлик, и мне уже

нисколько не хотелось домой. Я даже представлял всех своих друзей здесь, в деревне, на лугах, играющих с журавликом.

И почти всегда я как-то незаметно для себя засыпал.

Мне снился один и тот же сон: мы летим с журавликом высоко-высоко, обгоняя проплывающие облака; облака расступаются, и перед нами открывается тёмная необъятная даль с множеством маленьких, как звёзды, огоньков, и мы летим среди этой темноты, и страх и восторг переполняют меня. Мы приближаемся к одному из огоньков, который становится всё больше и больше и превращается в зелёный шар. А потом я вижу город далеко-далеко внизу, внутри шара, и чувствую, что начинаю падать. На этом мой сон почти всегда прерывался. Лишь один раз было его продолжение: я видел людей — за спиной у них виднелись крылья. Они улыбались мне, и я тоже улыбался, но вдруг чувствовал, что со мной нет журавлика, и испуганно кричал. Когда же я открывал глаза и видел его, спокойно чистящего пёрышки, то думал: «Как хорошо, что это был лишь только сон!»

Домой мы приходили к вечеру. Бабушка немного отчитывала меня и, покормив, заставляла помогать по хозяйству. Журавлик же залетал к себе на чердак и не показывался оттуда до самого утра. Так продолжалось с неделю — до того дня, пока не появился откуда-то человек в зелёном комбинезоне. У него была какая-то странная машина без колёс и, как я определил, без мотора — передвигалась она без шума. Он подъехал к нам, когда мы собирались домой.

— Мальчик, это твоя птица? — спросил он меня.

— Моя, — не совсем уверенно ответил я.

— А твой дедушка — лесник?

— Да.

— Всё правильно — внук лесника с белой птицей. Это то, что я искал, — проговорил он и снова обратился ко мне, говоря сбивчиво: — Понимаешь, мальчик... Мне очень нужна твоя птица... Она совсем не то, что ты думаешь... Она — или, правильнее, он, журавлик, — вовсе не птица, вернее, для тебя — птица, а на самом деле это — представитель другой планеты, понимаешь? Не вашей... Он, журавлик этот, и ещё несколько таких, как он, летели на Землю, но во время полёта у них что-то там произошло, и он прибыл к нам, вернее, к вам раньше намеченного срока... На целых триста лет... Где потерялись остальные, я не знаю, а вот этого я наконец нашёл... Он попал в ваше время вместо нашего. Ты понимаешь, о чём я говорю, мальчик? Впрочем, навряд ли. Извини, я, видимо, не имею права называть тебя мальчиком. Ведь между нами солидная разница в возрасте...

Я молчал. Я понял тогда только одно: у меня хотят забрать мою птицу, моего журавлика! И слёзы покатались из моих глаз.

— Ты ведь отдашь мне птицу, мальчик?

— Нет... Нет! Нет! — закричал я и заплакал...

— Мальчик, у меня нет времени на разговоры с тобой! Пока я разговариваю с тобой, на половине планеты нет электроэнергии. Она отключена, потому что я здесь, понимаешь?

Я, обняв журавлика за шею и опустившись на колени, плакал.

— Ну, тогда пусть птица сама решает, как ей быть! Она всё, как я вижу, понимает.

Человек подошёл к машине и включил тумблер на приборной доске. В воздухе вначале заскрежетало, потом засвистело, но вскоре свист стал разлагаться на какие-то странные, похожие на музыку звуки. Журавлик встрепенулся у меня в руках и пошёл — нет, поплыл в их сторону.

— Журавлик! Журавлик! — закричал я и бросился следом.

Он повернулся.

— Ты уходишь, журавлик?.. Уходишь от меня, да? Журавлик... — не то шептал, не то говорил я сквозь слёзы.

Он опустил голову.

— Пойми, мальчик, так надо, — сказал человек в зелёном комбинезоне. — Он не должен быть здесь... В это время он ещё не родился...

— Но ты же вернёшься, да? Вернёшься ведь, журавлик? — продолжал плакать я, не обращая внимания на слова «зелёного».

И он, мой милый, мой умный журавлик, глядя в мои заплаканные глаза, кивнул!

А потом, как тогда, в то утро нашей встречи, снова потёрся о моё плечо.

— Может, и вернётся, — сказал человек в зелёном комбинезоне.

Я закрыл лицо руками, чтобы не видеть, как журавлик уедет от меня на машине без колёс.

— Ну, бывай, браток — так, кажется, говорили в ваше время? — сказал мне на прощание «зелёный».

Я крепче прижал к глазам ладони.

Когда же через несколько минут я опустил руки, передо мной никого не было. Только звучала ещё в ушах прекрасная музыка и кружилось в воздухе белое журавлиное перо...

***

Тогда я не придавал большого значения ни самому перу, ни изображённому на нём рисунку в виде двух положенных одна на другую вверх дном тарелок с вытянутыми краями и множеством точек внутри. Поклявшись никому не показывать перо до возвращения журавлика, я уехал с дедушкой на следующий день в город и спрятал пёрышко «в одно надёжное место».

***

Прошёл год, затем второй, третий...

В моей жизни появились новые заботы, радости и огорчения. Увлёкшись то собиранием почтовых марок, то занятиями в спортивной секции, то ещё чем-нибудь, я, взрослея, стал постепенно забывать эту историю с белым журавлём. Всё чаще и чаще она казалась мне далёким сном, и всё реже и реже любовался я белым журавлиным пером. Но вот однажды, листая книгу по астрономии, я увидел очень знакомый рисунок, напоминающий две уложенные вверх дном одна на другую тарелки с вытянутыми краями и множеством точек внутри. Эта была схема нашей Галактики!

Я бросился к тайнику. Но... пера там не оказалось. И напрасно я перерыл всё вокруг — оно исчезло, и ни на другой, ни на третий, ни на четвёртый день найти его я не смог.

И теперь, вспоминая эту историю, я часто пытаюсь восстановить все подробности моей встречи с журавликом.

Кем же был этот белый журавлик? Пришельцем из другого мира? Живым существом или роботом, ищущим разум во Вселенной? А человек в

зелёном комбинезоне — человек из будущего? А его машина — машина времени?

Я задаю себе эти вопросы и хочу найти на них ответ, но пока...

А пока в период перелёта журавлей, приезжая в деревню, я забираюсь на чердак и долго-долго смотрю в небо. Я жду своего белого журавлика и верю, что однажды утром, покружив над лугом, он опустится во двор и, постучав клювом в окно, как и тогда, снова разбудит меня. И мы опять умчим с ним по огородам на скошенные луга и, как в далёком детстве, будем играть в «догоняшки».

Я верю.

Я очень хочу верить в это...

**1982 г.
Тайшет**

ПЛАНЕТА МАЙКЛА

фантастический рассказ

1

Небо на востоке потемнело: огромная, всепоглощающая туча медленно двинулась мне навстречу. Я заторопился: нужно было как можно быстрее выбрать подходящую площадку и произвести посадку винтолёта, иначе с минуты на минуту поднимется ураган такой силы, что подхватит машину, как песчинку, и наверняка расшибёт о скалы. Сделав полукруг над расположенным внизу каньоном и облюбовав большой ровный выступ с западной скалы, я решил идти на посадку.

Когда до поверхности оставалось метров пять-шесть, вокруг совсем стемнело, и на винтолёт обрушился водяной шквал. Я захлопнул наружные защитные шторы и, едва машина коснулась тверди, включил закрепляющий бур. Потребовалось полминуты на то, чтобы полутораметровый бур вгрызся в камни до отказа и автоматически отключился. В кабине зажгётся свет, и я, усевшись в кресле поудобнее, начал размышлять. Времени у меня для того было достаточно — почти час. Ровно столько, сколько будет длиться этот бешеный ураган и хлестать обрушившийся, словно водопад, ливень. Через час всё стихнет, и тогда у меня будет добрых два-три часа для поиска Майкла. За это время нужно как можно тщательнее исследовать большую часть территории, ибо по истечении этих двух-трёх часов Проспер так прогреет эту половину планеты, что выпавшая дождём и залившая все низменности и равнины вода начнёт испаряться. И тогда, чтобы избежать катастрофы, мне вновь придётся искать место для посадки. Потом, правда, у меня останется ещё последних

часа четыре — после того как закончится испарение и пока на востоке будет формироваться гигантский циклон, который затем снова обрушится на сушу беспощадным ливнем и принесёт с собой свирепый ураган. До следующего ливня надо обязательно найти Майкла. Потом будет поздно. Потом нужно будет возвращаться на звездолёт.

«Неужели Майкл попал в бурю и разбился о скалы? Нет, нет!» — отогнал я от себя эту мысль. Какую-нибудь оплошность мог допустить я, но только не Майкл: всегда расчётливый и осторожный, он уже который год назначался старшим во всех группах высаживаемого десанта исследователей планет в различных звёздных системах.

2

Звезда Проспер, названная нами так в честь французского писателя Проспера Мериме, на первый взгляд ничем особым из своей подгруппы звёзд не выделялась. Обыкновенный жёлтый карлик. Приборы зафиксировали, что она в два раза моложе Солнца, а компьютер сообщил, что опыт исследований подобных звёзд ещё сотню лет назад был накоплен нашим экипажем — экипажем звездолёта «Поиск». Совет экипажа уже было принял решение пройти мимо Проспера, как вдруг тот же самый компьютер, ещё раз проанализировав последние показания приборов, выдал: звезда — на грани вспышки! Астрономы и астрофизики срочно провели между собой совещание, на котором разгорелась долгая и бурная дискуссия, не приведшая, однако, ни к единому мнению, ни к объяснению этого феномена. От их имени на экстренном совете экипажа выступил Ференц. Он заявил, что ему поручено передать требование,

которое заключается в следующем: перед нами явно неординарная ситуация, которая противоречит всем ранее известным законам о рождении и эволюции звёзд, и потому нужны немедленные глубокие и детальные исследования светила.

Даже наш самый яркий скептик Жак, относящийся ко всему с недоверием, заявил, что это что-то интересное и что он даже сам готов принять участие в исследованиях планет. Пояснил он свой возросший интерес тем, что мы-де находимся не в нашей солнечной периферии, а в центре Галактики, почти у самого её ядра, а потому нас могут ожидать любые сюрпризы.

Решение было принято единогласно, и мы начали исследование Проспера. После необходимых анализов и расчётов была установлена точная дата вспышки. Времени оказалось достаточно, и потому совет экипажа принял ещё одно решение: исследовать планеты. Их у Проспера было семь, и каждая из них получила название по имени кого-нибудь из членов нашего экипажа. Это было давнишней традицией, зарождённой ещё в самом начале полёта некогда интернациональной экспедиции, состоящей из представителей нескольких стран. Теперь, по истечении трёхсот лет космического времени после старта «Поиска», вряд ли кто мог определить национальность того или иного члена экипажа.

Остались только имена, которые давали (за редким исключением) строго по списку выбывших. И тот, чьим именем называлась открытая планета, обязательно должен быть в составе высаживаемой на эту планету группы. Четвёртая от Проспера планета получила имя моего друга Майкла. И, следуя традиции, мы с Майклом вчера совершили высадку на эту планету.

Исходя из того, что каждая из семи планет системы делает оборот вокруг собственной оси за разное количество времени, было решено установить единый временной цикл и взять нашу планету — планету Майкл — за эталон. Это означало, что как только она завершит третий цикл вращения вокруг собственной оси, то на всех семи планетах системы должны завершиться все работы и все группы исследователей обязаны возвратиться на «Поиск». Наш планетолёт (как, впрочем, и все остальные) был отлично оборудован. На нём имелись три винтолёта, капсула для сбора минералов, растительности, микроорганизмов или мелких живых существ (если таковые имелись), скафандры с терморегуляторами, аптечки незамедлительной медицинской помощи, лучёмёты для полнейшей безопасности и приборы ОСА — определители стрессовой амнезии, способные установить в любое время стрессовую дозу у человека, впавшего в шоковое состояние, а при необходимости (при потере контроля над собой) ввести его в состояние глубокого затяжного сна.

Сделав за сутки несколько оборотов вокруг планеты и хорошо изучив периоды изменений погоды, мы совершили посадку на высокогорном плато, с западной стороны высокой отвесной скалы, что позволяло нам защитить планетолёт от сильного восточного ветра.

После того как мы, по выражению Майкла, «вгрызлись» пятиметровыми закрепляющими бурами в поверхность, мой командир тщательно проинструктировал меня, и мы, разбив планету на условный экватор и множество квадратов, принялись за её исследование.

За двадцать часов, отведённых для начального обследования, я почти полностью «прошёл» свою

половину и на аккуратно составленной карте полушария обвёл кружочками лишь два «белых пятна» — места труднодоступные и, согласно инструкции, запрещённые для обследования в одиночку. Собрав несколько килограммов заинтересовавших меня минералов, я, тем не менее, не обнаружил и намёка на существование следов какой-нибудь примитивной жизни. Дважды за это время я выходил на связь с Майклом. Он, как всегда, был весел, много шутил и пытался заразить меня своим оптимизмом. Ровно через двадцать часов я вернулся на планетолёт. Майкла там не было. Не появился он ни через условный час, ни позже — через резервный. Я несколько раз пытался вызвать его по видеосвязи, но экран монитора вырисовывал лишь мелькающие в разных направлениях всевозможные полосы.

И тогда я включил аварийную связь с «Поиском».

У пульта дежурил Андрош. Аварийный сигнал застал его в тот момент, когда он передавал что-то на пятую планету.

— Что случилось, Глеб? — спросил он удивлённо.

— Майкл не вернулся к назначенному времени и не выходит на связь, — на одном дыхании выпалил я.

— Майкл — опытный исследователь, работающий без ошибок, — проговорил Андрош, — и если он не вернулся, значит, случилось что-то непредвиденное... Я полагаю, Глеб, тебе немедленно нужно отправиться на его поиск. Тем более времени остаётся... — Андрош взглянул на атомные часы, — менее одиннадцати часов...

— Почему?! — вырвалось у меня. — Ведь ещё почти сутки!..

— Нет, Глеб, твой вызов застал меня за передачей сообщения на пятую планету — планету Лиды — о том, что все работы прекращаются в ближайшие двенадцать часов, и прекращаются они по всей системе. Дело в том, что сроки вспышки изменены...

— Как изменены?! Андрош, ведь всё рассчитано до секунды!

— Видишь ли, Глеб, нам удалось установить контакт с представителями сразу двух цивилизаций. И одна из них сообщила нам, что вспышка Проспера вызвана искусственно...

— Искусственно?!

— Да. Потому и произошли изменения во времени. Но подробности после, сейчас немедленно отправляйся на поиск Майкла. Теперь надежда только на тебя. Посылать дополнительную группу бессмысленно — она достигнет планеты лишь через пятнадцать часов, а через одиннадцать, я повторяю, тебе нужно её покинуть. Запомни: одиннадцать — это максимум, только тогда ты успеешь, вернее, вы успеете уйти из критической зоны до вспышки... Торопись, Глеб, впереди много интересной работы. Мы ждём вас с Майклом...

3

...Стук по кабине винтолёта прекратился. Дождь закончился, и я приоткрыл защитные шторы. Вокруг светлело. Туча медленно уползала на запад. И вот из-за её края показался кусочек Проспера и ослепительно брызнул в глаза. Нажатием кнопки я откинул защитные шторы до самого конца и, на секунду зажмурившись от яркого света, хотел было нажать кнопку обратного хода бура, как вдруг увидел... На мгновение я оцепенел. Прямо передо мной, на фоне входа в пещеру, стоял винто-

лёт! От волнения я не сразу нащупал рукоятку дверцы, чтобы повернуть её и выйти из кабины. Сомнений не было: это был винтолёт Майкла! Левая дверца машины была чуть приоткрыта, и потому вода во время ливня проникла вовнутрь, намочив кресло и полки. В кабине всё было так, как будто из неё только что и ненадолго вышли. Бесшумно работал вентилятор, оранжевыми огоньками светилась приборная доска, показывая, что предохранительный бур не закреплён даже на четверть, а небрежно брошенные страховочные ремни свисали по обеим сторонам кресла. В самом же кресле лежал разряженный лучеёт, а возле второй дверцы — разбитый вдребезги прибор ОСА.

Я обошёл машину и остановился возле входа в пещеру. Согласно инструкции, принятой экипажем «Поиска» много лет тому назад, при одиночном обследовании пещер, ущелий и других труднодоступных объектов разрешалось углубляться (заходить, опускаться, подниматься) не более чем на двадцать метров. Приравняв один свой шаг в среднем к 80 сантиметрам, я высчитал, что мне предстоит сделать 25 шагов, и, включив вмонтированный в перчатку микроэлемент фонарика, двинулся вперёд. Чем дальше я продвигался, тем более узкой и низкой становилась пещера, и мне приходилось то и дело нагибаться и перешагивать через большущие камни, что мешало делать чётко размеренные шаги. После восемнадцатого шага пещерный коридор сворачивал влево. Я остановился и пошарил лучом по стенам в надежде отыскать какой-нибудь опознавательный знак, но ничего не обнаружил. Это уже совсем не было похоже на Майкла.

На повороте потолок стал выше, дальше можно было снова идти в полный рост. Пройдя поло-

женные 25 шагов и не обнаружив даже намёка на след Майкла, я не придумал ничего лучшего, как крикнуть в глубь пещеры:

— Майкл!

— Майкл! Майкл! Майкл! Май... — понесло эхо крик в глубину, постепенно затухая.

— Майкл... — минуту спустя где-то в необозримой дали услышал я почти шёпот и хотел закричать снова, но звук вдруг стал нарастать.

— Майкл! Майкл! — это слышалось всё громче, отчётливее, но уже где-то за моей спиной.

— Майкл! Майкл! — это кричало уже каким-то не моим, душераздирающим голосом и наконец, превратившись в нестерпимый вой, упало сверху прямо на меня: — Майкл!!!

После этого наступила тишина. Звенящая тишина. В ушах стоял какой-то тихий звон, и я, подумав о слуховых галлюцинациях, потерял, очевидно, над собой контроль и непроизвольно сделал два шага вперёд...

— Не стоит нарушать инструкцию, Глеб! — услышал я чётко и громко произнесённые слова и снова замер в оцепенении.

— Глеб! Глеб! Глеб! — понесло эхо вдаль последнее слово, и через минуту оно снова упало у моих ног, пронзив насквозь всё тело и пригвоздив ноги к полу. Казалось, что сердце моё оборвалось.

«Так и есть — галлюцинации. Слуховые галлюцинации от напряжённой работы мозга. Галлюцинации!..»

Продолжавшаяся затем с полминуты пауза показалась мне вечностью. Я слышал, как бьётся моё вернувшееся на место сердце — с каждым ударом всё громче и громче. Чувствовал, как учащается пульс и даже как переводятся секундные циф-

ры на ручных электронных часах. Пять... Шесть... Семь... Восемь... Девять...

Кровь хлынула к вискам: «Галлюцинации!»

— Инструкция — закон для астронавта, ты ведь знаешь это, Глеб, как знаешь и то, что инструкции надо выполнять, потому как писаны они ценою человеческого опыта, ошибок и жертв.

Я ещё не вышел из оцепенения, но где-то в подсознании уже мелькнула мысль о том, что я слышу голос Майкла. Конечно, это Майкл! А кого же я искал и собирался обнаружить здесь, в этой пещере, да и вообще на этой пустынной каменной планете, которую через несколько часов испепелит Проспер?!

Но почему Майкл нарушил инструкцию?..

— Ты, наверное, подумал сейчас о галлюцинациях? — проговорил вполголоса Майкл. — Напрасно. Меня не видно потому, что я нахожусь за выступом. Вот здесь.

Луч фонарика ослепил мне глаза.

— Я понимаю, что тебя сейчас терзают сомнения, — сказал Майкл, убирая свет, — как понимаю и то, что ты так и не включал видеофон в моём отсеке, а следовательно, не обнаружил собранные мною минералы в шкафу третьего сектора. Да ты и не думал об этом. Ты просто искал меня.

«Да, — согласился я мысленно, — если бы я обнаружил минералы, оставленные Майклом, то наверняка включил бы монитор и понял, что он оставил видеозапись».

Майкл вышел из укрытия и взмахом руки предложил мне следовать к выходу.

Пока я шёл обратно по казавшемуся мне теперь бесконечным пещерному коридору, дважды ударился головой о каменные выступы, напрасно

пытаясь выстроить мысли в одну логическую цепочку. Не получалось и получиться не могло, потому что я не знал главного: что же произошло с Майклом?

Когда наконец мы вышли из пещеры, я увидел лицо Майкла, совершенно спокойное... Даже более чем спокойное — на лице его застыла какая-то доселе мне незнакомая ухмылка. И я вспомнил Петра. Тот самый случай, когда на планете Эженны, в системе звезды Оэллы, Петром чуть было не пообедал гигантский ящер. Пётр тогда впал в шок и нёс всякую чепуху, утверждая, например, что он является вождём аборигенов. Помня это, я на всякий случай сунул руку в карман комбинезона и нащупал прибор ОСА.

— Выслушай меня, Глеб, и, пожалуйста, не перебивай, — сказал Майкл, усаживаясь на камень у входа.

— Только не перебивай, — повторил он, — времени у нас остаётся, как ты знаешь, не так уж и много... Дело в том, дорогой мой друг, что я больше не считаю себя ни астронавтом, ни членом экипажа «Поиска». И вообще — я остаюсь здесь, на этой планете, которую, как мне помнится, называли моим именем... Да-да! Только я прошу ещё раз: придержи, пожалуйста, свои эмоции и не задавай мне никаких вопросов. Я всё постараюсь объяснить, хотя... Не уверен, сможешь ли ты меня понять и, главное, захочешь ли... Ты ведь знаешь, что я, как и почти все члены нашей экспедиции, родился в звездолёте в то время, когда он мчался среди космического холода мириад немигающих звёзд вперёд, по намеченному нашими предками маршруту — к самому центру Галактики. Мне было шестнадцать, когда я принял присягу, став астронавтом-исследователем.

Но по инструкции должен был ещё два года пребывать в карантине. В течение тех двух лет мы работали на одной из планет Гриды, где я занимался ботаникой — выращивал цветы в непригодной для растительности почве. Помню, как в начале нашего пребывания там произошло событие огромной важности. Впервые не в звездолёте, а на планете, пусть чужой нам, но всё же планете, родился ребёнок. И этим ребёнком был ты, Глеб! Всем экипажем мы радовались первому произнесённому тобой слову. В полуторагодовалом возрасте ты был большим шалунишкой: часто прибегая ко мне в оранжерею, ты бегал прямо по клумбам и рвал с таким трудом выращенные мною цветы. И вот тогда, глядя на тебя, родившегося и сделавшего свои первые шаги на планете, я, перечитавший все имеющиеся на «Поиске» приключенческие романы, пересмотревший все видеофильмы, грезивший романтикой исследований новых, ещё неизвестных миров, впервые подумал о Земле. И однажды вдруг ясно понял, что рождён для того, чтобы строить в пустынях города и выращивать на скалах цветы. Это моё призвание! Но я должен был стать исследователем. Я принял присягу и потому должен был до конца жизни остаться исследователем и умереть им, подчиняясь, как и все, одной цели: достичь галактического ядра. И как у всех нас, у меня не было выбора. С того времени прошло 16 лет. Я множество раз совершал высадки на различные планеты в различных системах и, постепенно набравшись опыта, стал командиром десанта. Всегда, когда я возвращался после очередной экспедиции, ты радостно встречал меня. Мы долго разговаривали с тобой о звёздах, о планетах, о неоткрытых ещё мирах. Я видел, как загорались твои глаза — ты меч-

тал поскорее стать исследователем. Когда же произошла та трагедия, когда твои родители, исследуя звёздную систему Верен, неожиданно попали в зону влияния «чёрной дыры» и исчезли бесследно, я стал твоим братом. Но, Глеб, среди всех нас (и даже с тобой) я всё чаще и чаще чувствовал себя одиноким. Когда я начинал говорить о планетах, о городах, об оранжереях, меня никто не понимал. Даже не пытался понять. И вот теперь, когда мы за немыслимое время — за три с половиной сотни световых лет — почти достигли ядра Галактики, здесь, на обречённой планете, названной моим именем, я встретил понимающего меня до конца и разделяющего мои мысли человека!

— Человека?! — вырвалось у меня.

— Да, Глеб. Че-ло-ве-ка, — спокойно произнёс Майкл. — Исследовать свою половину планеты я закончил намного раньше отведённого мне времени. Опыт изучения подобных миров у нас накоплен богатый, и я, сделав несколько анализов, понял, что ничего интересного для нас планета не представляет. Уже возвращаясь к планетолёту, я вдруг увидел зависшую капсулу. Ты бы знал, каких умственных и физических сил стоил мне подбор радиокода, однако всё же я посадил капсулу и открыл люк. Глеб, там был человек! Там была ОНА! Понимаешь — ОНА! Я не буду вдаваться в подробности, скажу лишь то, что мы поняли друг друга очень скоро. Она тоже астронавт, и их звездолёт также находится недалеко от Проспера. Не исключено, что «Поиск» их уже зарегистрировал или даже установил с ними контакт. Но сейчас дело не в этом. Дело в том, что мы поняли друг друга и решили остаться здесь. Понимаешь? Остаться. Кстати, у них тоже есть традиция называть планеты

именами членов экипажа. И эта планета носит её имя. Планета Дия. Ты извини меня, Глеб, за спешку и сбивчивость, но я тороплюсь и совсем не готов к такому разговору. Я знал, что ты меня не захочешь понять, и потому, вернувшись к планетолёту, оставил для тебя видеозапись, в которой всё постарался объяснить. Но зная тебя, зная то, что никакое объяснение тебя не удовлетворит, я вмонтировал в кресло прибор ОСА. Получилось бы так: после окончания записи и автоматического отключения монитора срабатывал ОСА, ты погружался в сон, автопилот включал зажигание, и планетолёт в автоматическом режиме брал курс к «Поиску». Однако, сделав небольшую поправку на твою неопытность, я принял ещё одну меру предосторожности: спрятал свой винтолёт здесь. Я давал сто одному, что именно здесь ты его не обнаружишь. Но я недооценил тебя, Глеб, ты растёшь на глазах.

Майкл замолчал, но замолчал только на секунду и тут же, не дав мне опомниться, продолжил:

— Ты только не подумай, что я сошёл с ума. Я знаю, что ты сейчас держишь большой палец руки на синей кнопке ОСА и буквально горишь желанием посмотреть на стрелку, как знаю и то, что если она хоть немного поколеблется в сторону, ты не замедлишь нажать на красную кнопку, чтобы привести меня в горизонтальное положение. Ты не увидишь колебаний, Глеб. Их нет и быть не может. Можешь достать свой прибор.

Я вынул ОСА — стрелка действительно стояла на нуле.

— Ну что, Глеб? — Майкл улыбнулся. — Вот видишь. Я в здравом уме и остаюсь здесь. Мы остаёмся. Я и она. И нам совсем не страшны ни ливень, ни ураган, ни разгневанный Проспер!

Майкл встал. Лицо его светилось. Глаза блестя. Я ещё раз взглянул на ОСА — стрелка на приборе словно прилипла. И тут я вспомнил об «эффекте магнитной горы»! Том самом эффекте, когда стрелка компаса указывает не на север, а на находящуюся недалеко магнитную гору. А ведь здесь, на этой незнакомой планете, можно ожидать всего что угодно! Конечно, это не что иное, как «эффект магнитной горы»! Как же я не догадался об этом раньше?!

— Прости, Майкл, — как можно спокойнее проговорил я, перекинув большой палец руки с синей кнопки на красную и направляя ОСА на Майкла. — Но только так я смогу остановить безумие.

И в тот самый момент, когда я собрался нажать на кнопку, из пещеры вышел человек. На мгновение я переключил своё внимание туда, и этого мгновения оказалось достаточно для Майкла. Он стремительно бросился ко мне, перехватил руку и ударом в плечо сбил с ног.

— А теперь ты прости меня, Глеб, — крикнул он, направляя ОСА на меня. — Прощай!..

Я ничего не успел сказать: тут же почувствовал острую боль в области живота. Казалось, что кожа моя разрывается и внутри тела образовывается пустота. К горлу подступил ком, и я, задыхаясь, мутным затухающим взором успел разглядеть красивое женское лицо, немного испуганное и удивлённое...

4

...Передо мной было большущее окно, за ним внизу — ровная площадка, а на горизонте — едва различимый ствол звездолёта. Осмотревшись, я обнаружил себя полулежащим в кресле в простор-

ной комнате, рядом со мной по левую сторону стоял небольшой столик с несколькими тумблерами и фужером с прозрачной жидкостью. Я почувствовал жажду, и рука невольно потянулась к фужеру.

— Как чувствуешь себя, Глеб? — неожиданно услышал я голос нашего командира и повернулся вправо.

На вмонтированном в стену и почти невидимом экране появилось лицо Павла, а затем ещё одно — какого-то незнакомого мне человека.

— Вроде бы неплохо, — сказал я, не найдя от волнения других слов.

— Выпей напиток, он освежит тебя, — сказал Павел, кивнув на стакан. — Позволь представить тебе капитана звездолёта «Сантурия» — человека из другого конца Галактики. Как видишь, внешне он ничем не отличается от нас.

Я сделал пару глотков и мгновенно почувствовал прилив сил.

— Да, действительно, мы очень похожи, — сказал без всякого акцента седой капитан. — Я даже научился неплохо играть в вашу древнюю игру.

Капитан кивнул на стоявший между ним и Павлом столик, и я увидел, что они играли в наши земные шахматы.

— Тебя, наверное, Глеб, интересует, где мы сейчас находимся? — снова спросил Павел и тут же пояснил: — На искусственной планете. Мы и экипаж «Сантурии» в гостях у высокоразвитой цивилизации.

— Ещё одной? — только и воскликнул удивлённо я. — За триста световых лет «Поиск» не встретил ни одной развитой цивилизации, а тут — сразу две?

— Представь себе, да! — Павел улыбался. — После того как экипажи планетолётов отправились

для изучения планет Проспера, мы зафиксировали неизвестные сигналы и вскоре установили контакт с ними, а затем и с экипажем «Сантурии». Так мы узнали о том, что загадка ранней вспышки Проспера в том, что вспышка эта вызвана искусственно, и вызвана она тем, что система Проспера оказалась наиболее подходящей для будущего обитания высокоразвитой цивилизации, которая после гибели их родной планеты вынуждена была искать себе пристанище. Эта небольшая по их расчётам вспышка погубит только четыре планеты из семи. Причём четвертая из них — планета Майкла — сыграет роль щита, разлетевшись на рой астероидов и защитив остальные три, на которых произойдёт химическая перестройка атмосферы, и, по всем расчётам, при активном участии человека там зародится новая жизнь. Ты понимаешь, Глеб, каких высот может достичь человеческий разум? И это ещё не всё. Они поделились с нами рецептом препарата «вечного и однообразного состояния организма». А это значит, что после применения этого препарата мы останемся навечно в том возрасте, в котором находимся сейчас. Мы будем бессмертны, Глеб! Мы сможем вернуться на Землю и увидеть планету наших предков! Мы передадим этот рецепт землянам, и все люди станут бессмертны!

— Майкл очень хотел увидеть Землю, — негромко сказал я.

— Да, Майкл... — проговорил после паузы Павел. — Интуиция опытного исследователя подсказала ему отправить тебя раньше первоначально намеченного времени. Ты едва успел выйти из зоны вспышки. Ну что сделаешь? К сожалению, он сделал свой, только ему понятный выбор. Ладно, Глеб, отдыхай. Часа через два с тебя снимут карантин, и

мы пойдём в зал просмотра. На всех семи планетах до самого взрыва работали телекамеры. Нам пообещали показать запись с четвёртой планеты. Там должен быть Майкл.

— Я никогда не смогу понять его, Павел.

— Понимаешь, Глеб, может быть, я скажу немного банально, но ты ещё совсем молод и только начинаешь жизнь исследователя, а потому тебе ещё незнакомо чувство тоски по твёрдой и надёжной почве под ногами, по цветущему лугу, по голубому небу, по прозрачному и холодному горному ручью... Тебе ещё ничего неизвестно о планетном синдроме среди астронавтов, многие годы пребывающих в космосе. Это ещё предстоит изучить. Пока же я могу сказать тебе одно: человек рождён для жизни на планете и должен жить в своей, созданной для него, среде. Любое отклонение от нормы ведёт к перекосу психики, и не исключено, что в конце концов оно приведёт к мутации не только организма, но и сознания. Природа всё равно берёт своё — даже спустя многие поколения земные корни не отпускают нас. Майкл чувствовал их острее, чем другие. Вот теперь мы получили препарат бессмертия. Мы рады, но кто знает, какими побочными явлениями отзовется на нас, на наших потомках его применение? К чему в конце концов мы придём, нарушив ещё один закон природы? Однако об этом потом, Глеб. Набирайся сил. До вечера.

5

Несколько часов спустя перед огромным экраном в зале просмотра собрались почти все члены экипажей звездолётов «Поиск» и «Сантурия».

И вот экран засветился. Я узнал высокогорное плато. Объектив камеры скользнул по вер-

шинам скал, а затем опустился ниже, и мы увидели...

На фоне темнеющего неба стоял Майкл, а метрах в десяти от него, присев на корточки, склонилась, разглядывая какой-то камень, необыкновенно красивая девушка...

— Это Дия — дочь капитана «Сантурии», — сказал мне шёпотом Павел.

— Как всё-таки похожи друг на друга люди, в какой бы части Галактики они ни жили. И какая всё-таки великая сила — любовь, — проговорил седой капитан.

— Смотрите, смотрите! — воскликнула Людмила. — Они собирают вместо цветов красивые камни!

...Дия встала, ещё раз взглянула на камешек и, зажав его в ладони, пошла к Майклу. Майкл тоже двинулся ей навстречу. И в это время почва под их ногами качнулась. Дия, не удержавшись, упала. Майкл бросился к ней. Но сильный боковой ветер мешал ему и относил в сторону. Дия нашла силы, чтобы подняться и ринуться навстречу. Протянув вперёд руки, преодолевая порывы ветра, они всё же приближались друг к другу. И вот уже между ними осталось шагов десять, вот восемь, вот пять, вот ещё меньше. На секунду мне показалось, что в руке Дии вместо камня распустился прекрасный цветок. Почва снова качнулась, на этот раз они устояли и снова ринулись друг к другу. Но едва пальцы их рук сомкнулись, как вырвавшееся откуда-то снизу гигантское багровое зарево беспощадно заглохло обоим и заполнило собою весь огромный, в треть зала, экран...

**1983 г.
Тайшет**

ЭКСПЕРИМЕНТ «ЛУЧ БУДУЩЕГО»

фантастическая повесть

ИЗ ДНЕВНИКА КЬЮРА ПРОТТА

«Жаль, очень жаль, что не сможет продолжить существование такой феномен Вселенной, как три планеты нашей звёздной системы, на которых зародилась жизнь. Две планеты должны погибнуть: одна, столкнувшись с гигантской кометой, разлетится на несколько частей, другая же, сдвинувшись в результате взрывной волны с привычной орбиты, претерпит большие химические изменения в атмосфере. По всем подсчётам, «устоит» лишь третья — самая молодая, только-только начинающая свою биологическую эру. Увы, мы не в силах предотвратить надвигающуюся катастрофу, и потому обе цивилизации вынуждены на искусственно созданной планете — гигантском звёздном корабле — отправиться в свободный полёт, чтобы найти для себя новую, подходящую среду обитания. Но мы надеемся вернуться на молодую уцелевшую планету. Правда, это случится нескоро — тогда, когда на планете возникнут предпосылки для жизни человека. Ну, а пока люди готовятся в свободный полёт по Вселенной. В полёт, однако, уйдут не все. Останется группа наблюдения. Останется для того, чтобы наблюдать и фиксировать процесс и последствия надвигающейся катастрофы. Эта честь выпала нам: мне, моей жене Мари и сыну Эду. Кроме того, мы ждём ещё одного важного для нас события — в скором времени у нас появится ещё один малыш. Он явится на свет, когда мы уже станем жителями той уцелевшей планеты, и его крик будет первым криком первого живого существа, родившегося в не знавшем пока жизни мире...

Завтра — старт...»

ПРОЛОГ

***

— Говорит Центр! Говорит Центр! — металлический голос Главного компьютера звучал из всех включившихся одновременно динамиков. — Говорит Центр! Внимание всем, всем, всем! Случилось непредвиденное! Случилось непредвиденное! В результате столкновения планеты с кометой взрывной волной отбросило спутник-космодром, и он, попав в зону влияния уцелевшей планеты, стал её спутником. Это повлекло большие климатические изменения на поверхности планеты. Частично повреждена станция. Работавший за бортом человек погиб. Женщина — в состоянии клинической смерти. Детей удалось спасти. Всем роботам экспедиции действовать согласно инструкции №1! Всем занять положение согласно инструкции №1! Говорит Центр! Говорит Центр!

Главный робот экспедиции КИБ-14 щёлкнул тумблером, и надрывающиеся третий час динамики умолкли.

КИБ-14 анализировал. Итак, взрослые члены экспедиции погибли. Их тела погружены в раствор жидкого гелия и помещены в блок Хранения. Они будут покоиться там до тех пор, пока не поступит сигнал с Искусственной планеты и не будут получены дополнительные инструкции. Станция после незначительного ремонта функционирует нормально, но теперь вся ответственность за работу экспедиции ложится на него — Главного робота экипажа — КИБа-14.

Что касается детей, то двенадцатилетний Эд хотя и самостоятелен, но всё же ещё малоопытен,

и ему предстоит ещё многое узнать и постичь. А только что родившемуся малышу нужна постоянная забота, такая, которую может оказать лишь взрослый человек.

— Докладывает группа, анализирующая состояние планеты, — вновь автоматически включился динамик. — Условия на поверхности планеты вполне приемлемы для проживания людей. Запасы кислорода и питательных веществ неограниченны. Рекомендуется высадка экипажа в условно-южной части как наиболее подходящей и менее пострадавшей от стихии.

— Подготовьте к спуску аппарат, всё необходимое для жизнеобеспечения людей и шестерых роботов из серии КИБ. Спуск намечается на ноль часов сорок минут условного времени, — отдав приказ, КИБ-14 снова щёлкнул тумблером.

Всю вторую половину следующих суток КИБ-14 не покидал Центр управления. Через 16 часов и 46 минут после отделения от станции спускаемого аппарата компьютер уловил сигнал.

— Центр! Центр! Докладывает Шестой! Докладывает Шестой! Посадка произведена успешно. Условия местности близки к идеальным. Эд чувствует себя хорошо. Приступаем к монтажу жилого городка и лаборатории. Какие будут указания?

— Подготовьте посадочную площадку для большого спускаемого аппарата, ангар для хранения оборудования, создайте все необходимые условия для новорождённого человека. Через 24 часа всё должно быть готово. Конец связи.

КИБ-14 находился в видеозале и просматривал последнюю хронику с Большой планеты, когда вновь случилось непредвиденное: на несколько секунд отключилась электроэнергия, и станцию

лихорадочно затрясло. Он буквально ворвался в рубку Центра.

— Датчики зарегистрировали поток волн неизвестного происхождения, — доложил компьютер. — Они промчались над планетой мгновенно, за сотую долю секунды, и в зоне высадки группы и по всей планете произошли серьёзные изменения.

— Где данные?

— Обработываются.

— Что с группой? Связь есть?

— Пока нет.

— Ускорить обработку и немедленно доложить!

Через два часа КИБ-14 снова был в зале просмотра. На экране мелькали первые полученные с планеты кадры: улицы больших городов, автомобили и пешеходы, гигантские строения, шоссе и тоннели. На рейде стояли огромные корабли, взмывали в небо и совершали посадку авиалайнеры. Особое внимание КИБа-14 привлекли две гигантского размера площадки, находящиеся в разных частях планеты, и странные строения, отдалённо напоминающие аппараты, предназначенные для работы на околопланетной орбите. Неужели космодромы и ракеты? Что же произошло? Откуда за какие-то считанные часы на планете, где только-только возникли первые живые одноклеточные организмы, появилась достаточно развитая цивилизация?!

— Планета заселена неравномерно, — комментировал компьютер. — В юго-восточной части её обитают человекоподобные существа, недалеко отошедшие в развитии от первобытного строя, однако на северо-западе цивилизация достигла

средней классификации. Зафиксированы несколько ядерных реакторов, взрывы атомных устройств, начинённых ураном, запуски летательных аппаратов на орбиту планеты. Имеется радио- и телевидение...

— Что с экспедицией?

— На месте высадки обнаружены полуразрушенные строения, в том числе и площадка, явно предназначенная для приёма большого спускаемого аппарата, ныне покрытая густой растительностью. Ведётся тщательное обследование дна океана.

— Достаточно, — КИБ-14 поднялся.

Экран тотчас же погас, и компьютер отключился.

Почти 18 часов потратил блок Памяти и Информации, перебирая архивы и пытаясь найти аналогичный случай из практики космических экспедиций, но ничего так и не обнаружил. Согласно инструкции, работа экспедиции не должна прекращаться, несмотря ни на какие чрезвычайные обстоятельства, до получения специального указания, но даже всезнающая, казалось, инструкция, оказалась бессильной подсказать, как поступить в сложившейся нестандартной ситуации. КИБ-14 знал одно: он не может отступить от инструкции, ибо это будет нарушением Закона. Он был запрограммирован для выполнения и сохранения Закона. Сложившаяся ситуация потребовала от него неимоверного напряжения всех клеток тела. Он размышлял, выстраивал мысли в логические цепочки, разрывал и создавал новые. На первый план теперь выходила проблема малыша. Нужно было сделать так, чтобы оставшийся последним в составе экспедиции человек выжил. И не только выжил, но и смог адаптироваться в новой среде обитания,

успешно развиваться и впоследствии стать руководителем экспедиции.

К шести часам утра Главный робот экспедиции КИБ-14 наконец-то принял самое оптимальное, на его взгляд, решение.

* * *

Дождь, зарядивший с утра, не утихал. На улице было уже совсем темно, когда Николай Петрович, прослушав последние известия, выключил приёмник и собрался было приготовиться ко сну, как вдруг во дворе настойчиво залаяла Альма.

«Кого-то там опять принесло на ночь глядя!» — недовольно подумал старый холостяк и, накинув брезентовую куртку, вышел на крыльцо.

— Извините, пожалуйста, — выкрикнули из темноты. — У вас свет горел, ну, я и решил постучаться... Хотел узнать: будет ли сегодня какой транспорт до Еловки? Автостанции здесь нет... Извините, что побеспокоил...

Николай Петрович подошёл поближе к калитке. Молодой человек с рюкзаком на плече, в мокром дождевике, переминался с ноги на ногу. Был он без головного убора, и Николаю Петровичу показалось, что аккуратная причёска на его голове почему-то не намочена.

— Сегодня уже нет. В такую слякоть ни один вездеход туда не отправится. Да и поздно уже, — сказал Николай Петрович.

— Вот это положеньице! — молодой человек был явно обескуражен. — И что теперь делать? Я сюда на попутке добрался. Мне сказали, вездеходы на Еловку отсюда постоянно ходят...

— Вы, наверное, в Еловку на работу едете? — спросил Николай Петрович, разглядывая сквозь

стёкла очков незнакомца. — Человек, вижу, вы новый, не встречал раньше в наших местах...

— Да. Я по направлению, после окончания института. В Еловке врач нужен.

— Вы врач?! — обрадовался Николай Петрович. — Коллега... А я — ветеринар здешний.

Николай Петрович заметно повеселел и, распахнув калитку, стал зазывать гостя:

— Да вы проходите, проходите, пожалуйста! Промокли небось. А у меня чай горячий есть — согреетесь в пять минут. А утром уедете. Глядишь, утихнет ливень — и пойдёт на Еловку гусеничная техника... А я, знаете, один живу, и к тому же на самой окраине. Всегда рад новому человеку. И многие, надо сказать, у меня останавливаются. Ничего удивительного в этом нет — строится новая дорога, а новая дорога всегда зовёт к себе новых людей романтической натуры, а вы — романтик, сразу видно. Я, как только вас увидел, сразу определил: романтик. Только человек романтической натуры не боится, несмотря на непогоду, в путешествие по незнакомым местам пускаться.

В доме, при свете, хозяин ещё раз глянул на причёску гостя. Сомнений не осталось: дождь вымочил всю одежду незнакомца, но голова его была сухой. Николай Петрович удивился, но ни о чём спрашивать не стал: отправил гостя к умывальнику, а сам стал собирать на стол. Когда же неожиданный гость, умывшись, вышел к столу, по-прежнему аккуратно причёсанный волос его был влажным.

Разговаривали долго и улеглись далеко за полночь. Николай Петрович едва сомкнул веки и погрузился в сон, как вновь залаяла Альма, и кто-то

громко и требовательно постучал сначала в окно, потом в дверь.

И ветеринар, и его гость почти одновременно выглянули в окно, а затем, наспех одевшись, выбежали на крыльцо.

У крыльца стола женщина в телогрейке, повязанная белым платком.

— Николай Петрович, помогите! Бога ради, помогите! У нашей Анюты родовые схватки начались, а фельдшер с утра в город уехал... Что теперь делать, не знаю... На вас вот вся надежда осталась, — голос пожилой женщины дрожал. — Помогите, Николай Петрович...

— О Господи! — всплеснул руками старик. — Ведь я всего-навсего скотский доктор! Одно дело животные: коровы, овцы, свиньи, собаки... А здесь — человек! Мне не приходилось...

— Но что теперь делать? Как быть? Ведь померёт невестка, и дитя померёт! — женщина растирала мокрое от дождя и слёз лицо.

А дождь и не собирался умолкать. Молодой человек, выпускник медицинского института, накинул на голову капюшон и решительно сказал:

— Ведите!

Женщина бросила на него недоверчивый взгляд, а затем, словно ища поддержки, посмотрела на ветеринара. Тот же, взяв парня под локоть, коротко спросил:

— Сможешь?

— Приходилось, — уверенно сказал молодой человек и, отстранив руку старика, первым шагнул в калитку.

...Из спальни раздался пронзительный крик новорождённого. Вчерашний студент медицинс-

кого института вышел из-за занавески, разделяющей комнату на кухню и спальню, и, снимая перчатки, направился к умывальнику. Ветеринар и новоиспечённый отец по имени Миша молча смотрели на него.

— Ну?! — не выдержал Мишка. — Кто? Дочка?

И, не дождавшись ответа, радостно выкрикнул:

— Сын!!!

— Двойня, Миша, двойня! — из-за ширмы показалось лицо женщины, прибежавшей в дом Николая и помогавшей теперь молодому человеку.

— Мальчик и девочка — двое внучат сразу.

Мишка застыл на минуту с открытым ртом, переваривая сказанное матерью. А затем, ударив себя рукой по коленке, снова улыбнулся:

— Никогда и ни за что не подумал бы. Это ж надо — двойня! Ей-богу, Петрович, никогда... Однако, давайте к столу. К столу!

— Помилуй, Михаил! — взмолился ветеринар. — Четвёртый час ночи!

— Да пусть хоть шестой. Я всё равно вас никуда не отпущу.

Мишка достал из шкафчика две бутылки шампанского и графинчик, наполненный до половины прозрачной жидкостью.

— Садись, садись, мил человек. Завтра, не сомневайся, доставят тебя до твоей Еловки. Я сам позабочусь.

Он то и дело дружелюбно похлопывал молодого человека по плечу, затем принёс кресло и поставил его на самое почётное место у стола — возле окна. Бабушка двух внучат и ветеринар попросили шампанского, себе Мишка налил из графин-

чика и вопросительно глянул на медика. Тот кивнул на графинчик.

— Правильно, — поддержал его Мишка. — Спиртус гораздо ближе к медицине.

Выпили. Потом ещё. Ветеринар вначале обратил было внимание на то, как молодой человек запросто опрокидывает содержимое рюмки в рот, при этом даже не морщась и не запивая, как Мишка, водой. Однако, пригубив после шипучего напитка спирту и увлечшись разговором с Мишкой о международном положении, он вскоре перестал обращать внимание и на время, и на всё остальное. Бабушка поминутно выскакивала из-за стола и исчезала за ширмой, проведя невестку и внучат.

Улучив момент, врач незаметно для всех поднялся и вышел во двор. Дремавшие собаки не проявили по этому поводу ни малейшего беспокойства. Не подняли они голов и тогда, когда перед молодым человеком бесшумно открылись высокие ворота и, выпустив его, так же, без малейшего скрипа, закрылись. Молодой врач пересёк улицу, легко перемахнул почти через двухметровый забор, прошёл по соседнему двору и огородом направился в сторону реки. Он отлично ориентировался в темноте на незнакомой местности. Достигнув берега и плавно спрыгнув с крутого яра, молодой человек отыскал в зарослях хорошо замаскированный летательный аппарат и... принял облик КИБа-14.

Удобно усевшись в кресле, КИБ-14 взглянул на часы. Они показывали 4 часа 39 минут местного времени. Таёжный сибирский посёлок строителей новой трассы ещё мирно спал. Спал под шум морозящего третий день дождя и не знал, да и не мог знать, о том, что его посетили существа неземного

происхождения, и один из них — ребёнок, ничем не отличающийся от других детей Земли, — будет жить и воспитываться здесь, в молодой семье строителей. В этом и заключалась первая часть плана КИБа-14. Плана, разработанного самым разумным и мудрейшим в настоящее время существом Солнечной системы.

КИБ-14 закрыл дверцу, чуть подал рычаг вперёд, и аппарат, бесшумно оторвавшись от поверхности Земли, взмыл в пасмурное небо.

Был сентябрь 1960 года.

Часть первая

ДОМ НА БОЛОТЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дядя Лёша, Марина и я

Мой дядя был самых что ни на есть честных правил. В свои сорок восемь он сохранил в себе не только оптимизм, но и чувство доброты в его первоначальном виде. Верил в человеческие идеалы (на протяжении почти трёх десятков лет любил одну женщину, которая теперь жила далеко, имела двух взрослых детей и, кажется, даже внуков), с юношеским задором восторгался всем прекрасным и великим. Был любопытен до всего нового и неизведанного. В его квартире имелась неплохая библиотека, коллекции почтовых марок и старинных монет, спортивный уголок и уголок живой природы. В состав последнего, помимо двух аквариумов, входили огромный сибирский кот, говорящий попугай и птичка колибри.

Дядя работал в областной молодёжной газете, где заведовал отделом культуры и литературы, и, как он сам выражался, «кроме всего прочего, публицистики и юморесок, иногда пописывал стихи и поигрывал в футболчик — дабы не потерять спортивной формы».

Последнее, правда, случалось лишь тогда, когда команда местного университета по тем или иным причинам временно теряла из своего основного состава ряд игроков, а с ним заодно и безвозмездно одно, а то и два очка после очередного мат-

ча. Вот тогда и надевал дядя Лёша футболку под номером четырнадцать и вставал в центр обороны, «цементируя» защиту. Здесь, наверное необходимо сказать и о том, что в своё время он пытался сделать из меня такого же вот свободного защитника — как он говорил, «самого полезного игрока в команде». Но я упорно лез в нападающие, страстно желая вгонять мячи в сетку ворот соперников. Однако скоростные качества меня подводили, и по воле тренера я частенько оказывался «оттянутым в тылы». Я спорил, не соглашался и в конце концов оказывался на скамейке запасных. Но я не обижался и в глубине души был уверен в том, что мой час ещё настанет. Обязательно настанет. Впрочем, обо мне, как и о Марине, разговор несколько иной.

Писать стихи и заметки в газету я начал независимо от дяди. Мы жили в городке районного значения, отдалённом от областного центра расстоянием в 650 километров. Как, наверное, все начинающие поэты, писатели и журналисты, я тоже начал со стихов в восьмом классе. В девятом написал зарисовку о бригаде строителей и вместе с подборкой стихов отправил в районную газету. Зарисовку напечатали, стихи нет. Тем не менее это событие меня окрылило, и я сделал репортаж о сдаче жилого дома под ключ и, подкрепив его новой стихотворной подборкой, отправил в адрес редакции. Репортаж появился на первой странице буквально через два дня, подборка застопорилась. Через месяц я замахнулся на очерк о ветеранах войны (приближался День Победы). Очерк неожиданно попал на Доску лучших материалов газеты, и мать, перечитав его несколько раз, с гордостью посмотрела на меня:

— Ну, ты, сынок, у меня в дядю Лёшу — писатель...

И я окунулся в магический мир печати. Уже не помышляя о стихах, писал заметки на школьные темы, освещал спортивные и культурные мероприятия и твёрдо был уверен в выборе дальнейшего жизненного пути.

С Мариной мы познакомились на вступительных экзаменах на факультет журналистики. Это случилось на удивление просто и как-то само собой. На одной из консультаций мы оказались за одним столом и неожиданно разговорились. Марина жила на самом севере области. Она была на год постарше меня и поступала в университет во второй раз. Недобрав в прошлом году положенного количества баллов, она до нынешнего лета работала в своей районной газете. На следующий день Марина уже читала мне свои стихи и очень хотела, чтобы я прочёл в ответ свои. Я отказывался, говорил, что с этим детским лепетом покончено и возврата к нему нет. Она в ответ лишь многозначительно улыбалась.

В университет мы поступили. Я поселился на квартире у дяди Лёши и по вечерам ходил провожать Марину до общежития. Иногда Марина заходила к нам «на чай», и мы, бывало, подолгу обсуждали текущие журналистские дела, дискутировали. Со второго курса я ушёл служить в армию. Марина ждала. Но, ожидая, продолжала учиться. И когда я после двухлетнего перерыва восстановился на свой курс, она была уже на четвёртом. Я не могу определить точно, когда наша дружба переросла в любовь. Иногда мне казалось, что мы любили друг друга всегда. С самой первой встре-

чи. Мы были уверены друг в друге и твёрдо знали: что бы там ни случилось, мы всегда будем вместе. Мы скучали друг без друга, когда выпадала недолгая разлука, и созванивались по нескольку раз в день. А нынешним летом решили втроём (включая дядю Лёшу) поехать на север, в Маринины родные места.

План этой поездки зародился ещё зимой, когда однажды вечером Марина поведала нам историю о таинственном доме на болоте. И мы, как подобает настоящим романтикам, загорелись. Первым «воспылал» дядя Лёша. Он обмозговывал это дело дня три, а потом вдруг сказал:

— Хлопцы, а что если нам махнуть туда и своими глазами посмотреть на этот самый «Ноев ковчег»? Что скажете?

— Конечно! — радостно поддержала его Марина.

Я же молча пожал плечами. Это означало, что в принципе я был не против, хотя в душе, говоря откровенно, сомневался в том, что мы что-либо там найдём. Решение о поездке было принято в тот же вечер, и мы начали готовиться в путь.

Но прежде — рассказ Марины.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Рассказ Марины

Мы с братом были одного дня рождения. Однако, несмотря на это, очень сильно отличались друг от друга. В младенчестве, говорили, брат много болел, но впоследствии стал вполне здоровым ребёнком. Правда, несколько странным. Ни с кем из ребят он не дружил, да и со мной общался очень

редко. Книг почти не читал, а доставал где-то журналы по радиотехнике и собирал по схемам приёмники. И всегда всё знал, о чём бы я его ни спросила. Однако в учёбе не выделялся. Иногда мне даже казалось, что он не считает учёбу делом серьёзным. Родители наши бывали дома редко — больше мотались по трассе: строили жильё, административные здания и разного рода сооружения, прилегающие к новой железной дороге, — и воспитанием нашим занималась в основном бабушка. В её обязанности входило собрать нас в школу, накормить и уложить спать. В пору же летних каникул мы были целиком и полностью предоставлены сами себе. А в то самое лето и вовсе надолго остались одни (бабушка уехала к папиной сестре).

Началось всё с того, что мы небольшой группой во главе с десятиклассником Валерой отправились на несколько дней к расположенному за небольшим перевалом и находившемуся километрах примерно в двадцати от посёлка лесному озеру. Мы построили недалеко от озера шалаши и целыми днями купались и загорали, а вечерами, собравшись у костра, пели под гитару или слушали самодельный Максимкин (брата звали Максимом) транзисторный приёмник. Надо сказать, что приёмник улавливал радиоволны и обращал их в звук без всяких помех в любом месте, где бы Максим его ни включал. Дни летели быстро. Примерно через неделю запасы продовольствия у нас стали заканчиваться, и мы начали подумывать о возвращении домой, но неожиданно зарядил дождь. Он шёл весь день и весь вечер и только к ночи притих. В ту памятную ночь я долго не могла заснуть. Вначале вслушивалась в разговоры девочек, потом в треск разожжённого после дождя костра и в кри-

ки ночных птиц. Наконец я задремала и проснулась оттого, что почувствовала, как кто-то меня тормозит. Это была моя подруга Вера, дежурившая вместе с одноклассником Петькой у костра.

— Марина, Максим ваш куда-то пошёл в лес — к озеру, наверное... Идёт мимо нас, а глаза у него закрытые... Так страшно...

Мы выскочили из шалаша и увидели Валеру с Петькой.

— Тише! — сделал нам знак Валера. — Ничего страшного. Обыкновенный лунатик. Пойдём за ним осторожно. Он до воды дойдёт и остановится. Главное, не спугнуть его.

— А где луна-то? — как бы невзначай спросил Петька, и мы разом глянули в небо. Оно было пасмурным. Валера пожал плечами и, поманив нас, нырнул в кустарник. Миновав заросли, мы поднялись на холм и увидели, а вернее, различили фигуру Максима у воды.

— Будьте здесь! — скомандовал Валера, осторожно спускаясь вниз.

Через некоторое время он подкрался к Максиму совсем близко и спрятался за поваленное дерево.

— Сейчас он его разгипнотизирует, — прошептал Петька.

«Как?» — хотела спросить я, но не успела. Именно в это время и возник свет. Он был как вспышка, появившаяся мгновенно и застывшая на несколько минут. Фигура Максима, поглощённая этим светом, на некоторое время исчезла. Время будто застыло, и никто из нас не смог уловить то мгновение, когда вспышка стала сокращаться. Она удалялась, словно уплывала по озеру, и что самое страшное — уносила Максима с собой! Фигура

Максима, появившаяся вновь, поплыла за лучом света и стала уменьшаться в размерах по мере сокращения луча.

— Максим! Максимка! — закричала я, сбегая вниз к озеру. Но голос мой таял, растворялся, едва сорвавшись с языка. Я бросилась в воду вдогонку за братом, но ноги мои увязли в какой-то появившейся здесь неожиданно болотной жиже. В небо взметнулось огромное зарево, и озеро бесшумно забурлило и стало испаряться...

...Я проснулась в палатке, когда было уже светло. Первое, о чём я подумала — о ночном происшествии, которое теперь казалось кошмарным сном: «Слава Богу, что это был лишь сон!»

Выглянув наружу из шалаша, я увидела остатки дотлевающего костра. Вокруг никого не было. В безоблачно-голубом небе ярко светило солнце и, радуясь ему, оживлённо щебетали птицы. Я прошла через кустарник, поднялась на холм и... не увидела озера! На его месте было болото. Самое обыкновенное болото: с кочками, жижей трясины, куликами и... небольшим домиком посередине. Мне ещё подумалось, что на курьих ножках, как в фильме «Морозко», помните? Надо ли говорить, как я тогда испугалась и чуть было не закричала. Но тут увидела Валеру. Он шёл краем болота и с помощью шеста выискивал брод. Я окликнула его. Валера удивился, увидев меня.

— Как ты здесь оказалась? — спросил он строго, подойдя ко мне.

— Как? — переспросила я удивлённо. — Мы же на озеро пришли... Все ребята... А Максим ушёл...

— Какое озеро? Какие ребята? Какой Максим? Ты о чём говоришь? — Валера странно посмотрел на меня.

Я оглянулась назад, на поляну, и обомлела. Там, где ещё пять минут назад были шалаши и дымился затухающий костёр, теперь росла высокая, в рост человека, трава.

— А озеро? А дом?.. — прошептала я.

— А, дом... — как-то странно сказал Валера и посмотрел в сторону болота.

Я не поверила глазам: дом плыл, удаляясь от нас, а поверхность болота прямо на глазах зарастала камышами. Земля закачалась; облака, лес, трава — всё куда-то поплыло, и я упала, потеряв сознание.

Но самое удивительное началось потом. Когда я снова пришла в себя, то увидела, что нахожусь дома, а у моей кровати стоят мама, папа, бабушка и человек в белом халате.

«Врач», — догадалась я и тихо спросила:

— Где Максимка?

Взрослые смотрели на меня удивлённо-выжидающе.

— Максимку нашли? — снова спросила я.

— Тебе плохо, доченька? — забеспокоилась мама. — Скажи, где у тебя болит, деточка?

Я ещё раз спросила про Максима.

— Успокойся, Мариночка, милая. Тебе, видно, сон страшный приснился. Ты очень долго спала, — успокаивала меня мама. — У нас в посёлке и мальчика-то с таким именем нет.

— Он же братик мой... Мы двойняшки...

Бабушка всхлипнула, а врач сказал:

— Если это не пройдёт в течение двух дней, то

девочку необходимо будет отправить в областной центр.

У меня снова закружилась голова.

А на следующее утро я проснулась с ясной и чёткой мыслью — как сейчас говорят, установкой — о том, что НИЧЕГО НЕ БЫЛО. Не было озера за перевалом, не было нашего похода, не было ни светового луча, ни дома на болоте. И не было, наконец, никогда у меня и брата по имени Максим. О нём вообще НИКТО НИЧЕГО НЕ ЗНАЛ. Но я помнила всё. Помнила, но ясно понимала, что не могу говорить о происшедшем на озере НИ С КЕМ. Эту мысль как будто кто-то специально внушил мне за прошедшую ночь, а затем предложил поиграть в неведомую ранее игру. То в погребке, то на чердаке, то за поленицей дров я находила собранные когда-то Максимом транзисторные радиоприёмники, которые на следующий день, куда бы я их ни прятала и ни запирала, исчезали бесследно. Так продолжалось около года, а затем прекратилось. Тоже неожиданно. Шло время. Я закончила школу, поступила в университет, познакомилась с вами. И вот прошлым летом мы с родителями отправились на сенокос. За тот самый перевал. Решили заночевать и пособирать грибов, как у нас принято говорить, «на жарёху». На одной из лесных опушек на глаза мне попался странный предмет. Когда я подняла его и внимательно рассмотрела, то узнала Максимкин транзистор, тот самый, который он брал с собой в поход. Осмотревшись, я узнала и поляну — это на ней располагался тогда наш лагерь. Я поднялась на холм и увидела дом. Он находился примерно на том самом месте, где предстал перед нами впервые в ту странную и далёкую теперь уже для меня ночь. Дверь его была раскрыта, а на пороге

стоял человек. И хотя между нами было приличное расстояние, мне показалось, что я вижу, как он улыбается и приглашает войти. Страх не было, и я даже попыталась идти к дому, но что-то сковывало мои движения. Видение продолжалось около минуты. Затем дверь медленно, как мне показалось, со скрипом, закрылась, дом поплыл, а болото за несколько секунд покрылось камышами.

Вот такая история...

Марина закончила рассказ и посмотрела вначале на меня, а потом на дядю Лёшу. Мы сидели в мягких удобных креслах. Чуть слышно играла магнитола, и блики цветомузыки, переливаясь, отражались в Мариных глазах.

— После случая на сенокосе с меня будто сняли обет молчания, — сказала Марина. — Я поняла, что должна и даже обязана рассказать обо всём кому-то. Но кому? И вот сегодня я вдруг почувствовала, какой-то внутренний толчок подсказал мне, что я должна рассказать всё именно вам, а вы мне должны поверить. Вы мне верите?

— Знаете что, Мариночка, а весьма любопытна эта ваша история, — сказал после небольшой паузы дядя Лёша.

— Правда? И она не кажется вам неправдоподобной?

— Не знаю, поверите вы мне, в свою очередь, или не поверите, но эта история, так искренне рассказанная вами, задела меня. Я не могу этого объяснить, но...

Дядя Лёша задумался.

А через три дня мы уже приняли решение совершить вояж к пропавшему озеру и начали готовиться в путь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Начало экспедиции

Всё. Дальше, казалось идти было невозможно. Туча мошкеры, зависшая передо мной, закрыла видимость и с отчаянной быстротой полезла в глаза, в уши, в нос, за пазуху, за шиворот куртки. Мне хотелось только одного — сесть, закрыть лицо руками и больше не двигаться. Впереди слышалось равномерное монотонное хлюпанье — дядя Лёша и Марина продолжали идти вперёд. Я не переставал удивляться их неиссякаемой энергии и энтузиазму. Для них, казалось, не существовало трудностей. И хотя я, как говорится, держался ещё молодцом, но будь на то моя воля — давно бы бросил это мероприятие.

После двух неудавшихся попыток пройти болото «в лоб» (с холма, где был расположен наш лагерь) дядя Лёша принял другое решение — сделать обходной манёвр и попытаться зайти, как он выразился, «с тыла». И вчера, отмотав за день этак километров 40-45, мы наконец выбрали место «для новой и решительной атаки», а с сегодняшнего утра начали новый штурм.

Почва с этой стороны была несколько устойчивее, и заросли камышей попадались значительно реже, но зато здесь обитали полчища комаров и мошки. Я отнюдь не считаю себя человеком слабым, но сегодня убедился в том, что наше мероприятие стало приобретать фанатичный характер, и потому потерял веру в его успех окончательно. Очевидно, я плохо скрывал в себе пошатнувшееся чувство оптимизма, ибо, судя по поведению моих спутников, они это заметили. Впрочем, дядя

Лёша, как всегда, был тактичен, а вот Марина...

Когда вчера за завтраком я рассказал им о том, что видел во сне этот самый дом со светящимися окнами и что окна его были настолько большими, что напоминали витрины центрального универмага, Марина рассердилась не на шутку.

— А некоторых сюда вроде бы и не звали, — как бы между прочим обронила она.

У меня кольнуло под сердцем, и я уже было собрался с силами, чтобы высказать всё, что я думаю по поводу нашего путешествия, но дядя Лёша (спасибо ему), вовремя уловив назревающий конфликт, опередил меня:

— Только не надо ссор, ребята. Предпримем ещё парочку попыток, а потом будем решать, как нам быть дальше.

И, подмигнув мне и Марине, с улыбкой пропел:

*«Будем думать и гагать,
Как нам чудо соглядать.
Ка-ак нам чудо соглядать!»*

Марина улыбнулась, и у меня отлегло от сердца.

...Наконец-то мы вышли на небольшую поляну с прочным грунтом, метрах в 150 от «большой земли».

— Привал, ребяташки, — скомандовал дядя Лёша. — Шурик, займись костром. Мариночка, занесите островок на карту.

Дядя Лёша, словно капитан фрегата, дав нам чёткие указания, поднёс бинокль к глазам, «чтобы обозреть неведомые дали». Если бы не спортивная шапочка немецкой фирмы «Адидас», то дядю Лёшу можно было принять за настоящего капитана. Об этом говорили и его штормовка, и морской

бинокль, и сапоги, и, главное, борода, которую он решил не сбривать до окончания путешествия.

Минут через двадцать мы присели у костра, и я подставил лицо под дым в надежде хоть немного отпугнуть надоедливую мошкарку.

— Значит, Александр, говоришь, гастроном тебе приснился? Гляди-ка... — дядя Лёша не терял чувства юмора.

— Хорошо, что не оперный театр, — подыграла ему Марина.

Я молчал.

— Ну, значит, повезёт непременно. Мне как магазин приснится — обязательно в чём-нибудь повезёт: то рубль по лотерейному билету выиграю, то фельетон напишу.

Дядя Лёша рассмеялся, и его громкий смех, идущий от самого сердца, от его доброй, вечно молодой души, пронизывал меня насквозь, согревал, придавал уверенности, отодвигал мелочи на второй, на третий, на пятый план.

На «островке» остались ночевать. Место было подходящее. Поставили палатку, из рыбных консервов приготовили уху, вскипятили чай и, поужинав, разместились внутри палатки, предварительно выкурив оттуда мошкарку. Затем долго говорили обо всём на свете: о тайнах Вселенной, о Бермудском треугольнике, о Марининой дипломной работе, строили далеко идущие планы на далёкое и близкое будущее. От моей раздражительности не осталось и следа. Более того, с пожеланием спокойной ночи Марина даже поцеловала меня.

Ночью начался дождь. Порывистый ветер трепал палатку, а тяжёлые капли дождя то ударялись о брезент, словно пытаясь пробить его, то, как бы

удаляясь, затихали. Дождь шёл более двух часов, и когда наконец умолк, стало непривычно тихо. Не в силах заснуть, я решил выйти из палатки. Тихонько развязав шнур, раздвинул занавес и... обомлел. Вернее, вначале отдёргнулся, как от удара электрическим током, а затем уже замер.

Метрах в двадцати от меня стоял дом, окно его ярко светилось...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Дом на болоте

— Что там, Саша? — услышал я за спиной голос дяди Лёши, но ответить не смог.

— Саша, ты слышишь меня? Что с тобой?

Шоковое состояние не прошло и тогда, когда дядя Лёша с Мариной оказались возле меня. Свет от окна дома падал на вход палатки, и это расстояние от палатки до дома было похоже на световую дорожку.

— Всем оставаться на местах! — вполголоса скомандовал дядя Лёша и, выбравшись из палатки, взял в руки шест.

Мы с Мариной не дыша смотрели ему вслед. Смотрели, как он, осторожно ступая, пошёл на свет, ощупывая шестом дорогу впереди себя. Вот он уже вплотную подошёл к дому, но, едва приблизившись к окну, пропал из виду. Я окликнул его — ответа не последовало. Я крикнул ещё раз, потом ещё, погромче, но дядя Лёша не отвечал.

— Теперь пойду я, — сказала после продолжительной паузы Марина, выходя из палатки.

— Ни в коем случае, — остановил я её. — Теперь моя очередь.

— Нет, моя. Я тебя старше.

— А я мужчина, поэтому не должен подвергать тебя риску.

— Если ты мужчина, то не должен оставлять меня одну.

— Конечно, нет. Но... Но как же быть?

— Пойдём вместе.

Мы взялись за шести. Марина пошла первой. Я ступал ей вслед. Медленно мы приближались к дому. Когда прошли примерно половину пути, мне показалось, что мы отклонились влево, и я сказал об этом Марине. Но она ответила, что идёт прямо на свет. Мы прошли ещё несколько шагов — дом не стал ближе. Ощущение того, что мы всё-таки отклоняемся в сторону, не проходило. Неожиданно сзади послышалось чавканье болотной жижи, и мы с Мариной, одновременно обернувшись, увидели дядю Лёшу. Он шёл по нашим следам!

— Стоп, ребяташки! Мне кажется, я понял этот домик. Он просто-напросто водит нас по кругу. Очевидно, вокруг него защитное поле, которое нам, по всей видимости, не преодолеть. Нам кажется, что мы идём вперёд, а на самом деле огибаем дом и ходим вокруг него.

— А окно? Мы же всё время видим окно! — воскликнул я.

— Очевидно, дом имеет округлую форму, и свет распространяется по всей округе.

— А где же двери? — спросила Марина. — Я же видела раньше двери.

— Может быть, мы их ещё и увидим, — глядя на свет, сказал дядя Лёша.

И едва он успел произнести эти слова, как со стороны дома буквально брызнул огненный луч. Он был словно выстрел огнёмёта. Выстрел, направ-

ленный в Марину. Всё произошло за каких-то полсекунды. Ослепительный всплеск затмил глаза, земля вспыхнула у ног Марины, и Марина исчезла. Я ещё не успел понять толком, что же произошло, как со стороны дома последовал ещё один выстрел, и на том месте, где секунду назад стоял дядя Лёша, остался одиноко покачивающийся его шест. Очередь была за мной. Я уже понял это, но страха почему-то не чувствовал. Было лишь чувство томительного ожидания. Медленно тянулись секунды. Одна, вторая, третья... А выстрела всё не было и не было. Устав ждать, я не выдержал и, преодолевая сильный невидимый напор, ринулся навстречу пожирателю людей!

Я спотыкался, падал, вставал, снова продолжал бежать. Промочив одежду и набрав полные сапоги жижи, я наконец остановился, выбившись из сил от бессмысленного бега по кругу, ни на сантиметр не приблизившего меня к цели. Тяжело дыша, со злобой и бессилием смотрел я на светящееся окно и ждал, ждал, ждал...

И оно раскрылось...

Резко распахнулось, и яркий, пронзительный свет ударил по глазам. Я прикрыл лицо руками и напрягся. Напрягся изо всех сил, какие только во мне оставались. Я пытался устоять на месте, но чувствовал, что ноги мои пошли. Пошли помимо моей воли. Я шёл, как кролик в пасть удава! Несколько раз я пробовал открыть глаза, но не мог. Неестественно-яркий свет слепил до слёз. И я шёл, не видя ничего вокруг. Так, с закрытыми глазами, сопротивляясь, я подошёл близко к дому, и тут ноги мои остановились. Я почувствовал, что стою недалеко от окна, но не решался, да уже и не хотел открывать глаза. Какая-то сила подбросила меня, и

когда я всё-таки открыл глаза, то увидел, что стою в окне. Свет из ярко-оранжевого стал теперь мягко-голубым. Гигантская сила бесцеремонно втянула меня вовнутрь, окно захлопнулось, и я, упав на что-то твёрдое, небольно ударился головой.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ночной город

Я катился вниз по наклонной не то металлической, не то бетонной поверхности, переворачиваясь со спины на бок и пытаюсь зацепиться хоть за что-нибудь. Однако поверхность была идеально гладкой, и я то погружался в полную темноту, то выныривал на яркий свет, пока вдруг не почувствовал, что попал в некий жёлоб, напоминающий санную трассу с крутыми поворотами и заносами на бордюре. Теперь я уже мог немного регулировать своё движение ногами и несколько замедлять его на поворотах, но по-прежнему скользил вниз. Скольжение длилось, по моему ощущению, довольно долго и через некоторое время стало утомительным. Я перестал сопротивляться, расслабил руки и ноги, снова закрыл глаза и положился на судьбу, думая о том, что всему на свете бывает предел — будет предел и моему падению. И он наступил, этот предел. Наступил резко и неожиданно — я подпрыгнул, как на трамплине, и, сделав немислимый воздушный пируэт, приземлился на мостовой.

На самой обыкновенной городской мостовой. Когда я поднялся на ноги, то увидел, что впереди и сзади меня, на расстоянии примерно двадцати метров друг от друга, возвышались стены каменных

высотных зданий, а вымощенная булыжником дорога вела к мосту, переброшенному через обрыв. По дороге и по мосту шли, не обращая на меня ни малейшего внимания, люди в длинных, как у служителей церкви, одеждах.

Над головой висела крошечная тьма, а вся округа освещалась неярким, неестественным светом, исходившим неведь откуда. Но самым удивительным было то, что я не чувствовал ни малейшего интереса ко всему: ни удивления, ни страха, — словно я находился на скамейке университетского парка, а мимо проходили спешащие на занятия студенты. Когда со мной поравнялся полный человек в длинной тёмной одежде, я, увлекаемый каким-то инстинктом, пошёл за ним в сторону моста. Я шёл, впервые в жизни, наверное, не думая ни о чём. За мостом путь раздваивался — толстяк свернул вправо, я последовал за ним. Через некоторое время мы вышли на узкую улочку с каменными стенами и множеством дверей в них, будто возникшую здесь из древних арабских сказок. Казалось, что вот-вот появится навстречу верхом на ослике человек в чалме и халате. Но ни людей, ни осликов, ни собак, ни кошек и никакой другой твари мне так и не встретилось. Не было здесь и настоящих деревьев. Нечто отдалённо напоминающее пальмы было, но оно было настолько ненатуральным, что обнаруживало себя даже при неярком свете. Дойдя примерно до середины улицы, толстяк остановился у одной из дверей и негромко постучал. Дверь отворилась, и он пропал в её проёме. Я постоял несколько секунд в нерешительности, а затем побрёл дальше.

Дальше дорога уходила вверх и выходила на площадь. Площадь была наполнена людьми. По

всему периметру площади цепочкой стояли люди с корзинами у ног. Время от времени к ним подходили другие, рассматривали содержимое корзины, иногда протягивали стоящим предметы, похожие на камешки, и брали что-то взамен. По всей видимости, на площади располагался торговый ряд.

Перейдя площадь, я вышел на узкую тёмную улочку и медленно побрёл по ней. Шёл долго, пока не уткнулся в большую, обитую железом дверь.

Не зная почему, я слегка толкнул эту дверь, и она со скрипом отворилась, словно предлагала войти. И я вошёл. Оказавшись на узкой площадке, сквозь тусклый свет, идущий от камина снизу, я разглядел крутую каменную лестницу и двоих людей, сидевших за большим деревянным столом.

— Это он, — сказал один из них, кивнув на меня. — Пришёл. Надо привести его в надлежащий вид.

Второй оценивающе, как мне показалось, посмотрел на меня и поманил пальцем. Я послушно спустился по каменным ступенькам. Едва я подошёл к сидевшим у камина людям, как за моей спиной словно из-под земли вырос третий человек. Я оглянулся, он кивком головы показал, что нужно следовать за ним.

Я посмотрел на сидевших, те утвердительно кивнули. Я тоже кивнул им и пошёл за человеком, поманившим меня, думая почему-то не о том, куда мы идём, а о камине, где огонь горел как-то ненатурально, каким-то неярким светом, и от него, как мне показалось, не шло тепло. Мы пошли по широкому коридору и, пройдя несколько метров, оказались у бассейна. Мой провожатый молча указал на воду. Когда я разделся, он осмотрел меня с ног до головы и, ничего не сказав, удалился. Я осторож-

но ступил в воду и сразу погрузился по грудь, испытав доселе мне неизведанное чувство блаженства. Я плавал, нырял, как мальчишка, получивший разрешение родителей искупаться после долгого запрета, переворачивался на спину и лежал на воде с закрытыми глазами, всем телом ощущая, как отдыхает и расслабляется каждый мой мускул и каждый мой нерв. Мне захотелось, чтобы это состояние длилось вечно, но часа примерно через два после моего погружения в воду появился провожатый и знаком дал понять, что пора выходить. В руках он держал одежду — такую же тёмную, как и у всех обитателей этого подземного города. Я без малейшего колебания напялил её на себя, и мы пошли в обратном направлении, через коридор и комнату с камином. Тех двоих за столом уже не было, и камин, как мне показалось, на этот раз горел более натурально, высвечивая языками пламени предметы и бросая на неоштукатуренную стену длинные тени от них.

Мы вышли на улицу, пересекли часть площади. Мой провожатый в обмен на камешек приобрёл у торговца нечто серое и шарообразное и, положив купленное в сумку у пояса, повёл меня по незнакомой улице с такой же древневосточной архитектурой. Мы шли какое-то время по ровной улице вдоль высокой каменной стены с редкими дверями в ней и остановились там, где улица заканчивалась неожиданно крутым нешироким обрывом. На другой стороне огромного рва светился окнами красивый замок, обнесённый каменной стеной. Из глубины рва несло сыростью, внизу что-то урчало и клекотало.

Мой провожатый ждал меня, пока я разглядывал замок, у открытой двери в стене. Последней

по счёту и крайней от обрыва. Когда же я подошёл к нему, то он слегка склонил голову и, прижав правую руку к груди, молча предложил войти. Я вошёл.

На фоне небольшого дворика с постройками и фонтаном, с неестественными уродливыми деревьями и такими же уродливыми плодами на них стоял домик с террасой. Интерьер дома также был небогатым: стол, несколько табуреток, камин и лежанка в углу. Я посмотрел на своего спутника. Тот, кивнув на табурет, извлёк неизвестно откуда глубокую чашку и вложил в неё одну половинку разломленного им же шара. Затем, взяв чашу, подошёл к камину и поставил её у самого края. Я уселся к столу. Через несколько минут в ноздрях защекотало от приятного запаха. Смертельно хотелось есть. Мой молчаливый спутник поставил дымящуюся чашу передо мной, и пока я, обжигаясь, брал содержимое в руки, он, ненадолго отлучившись, принёс наполненную до краёв большую деревянную кружку. Пища была отменной. Она напоминала вкус хорошо сваренного мяса, в меру посоленного, с добавлением в него перца и лаврового листа. Покончив с едой и отпив из кружки, я вспомнил о существовании попутчика и пригласил его присоединиться. Тот отрицательно замотал головой и встал у камина, широко расставив ноги и скрестив руки на животе. Своим поведением он напоминал мне смиренного монаха.

Я сделал ещё несколько глотков и почувствовал полное удовлетворение жизнью. Затем, усевшись поудобнее, стал с любопытством разглядывать своего опекуна. Пламя камина высвечивало его довольно хорошо сложенную фигуру. Продолговатое лицо, длинный нос, немигающие, будто

неживые глаза, большие руки. На тыльной стороне правой ладони отчётливо виднелась наколка из трёх латинских букв: «SIT».

— Сит, — прочёл я вслух.

Услышав это слово, незнакомец встрепенулся. Казалось, в эту минуту он был готов выполнить любую мою команду.

— Ты — Сит? — спросил я, делая из кружки два очередных глотка. Он утвердительно кивнул.

— Ты — Сит... А я — Алек... Алекс... Саша... — язык мой уже заплетался, и я почувствовал обрушившуюся на меня прямо-таки смертельную усталость.

Мой молчаливый собеседник ещё раз кивнул, забрал из уже непослушных моих рук кружку и поставил её на стол. Затем он легко приподнял меня на руки и понёс на лежанку. Я закрыл глаза. Мне казалось, что я снова продолжаю падать по наклонной. Цепляюсь, сопротивляюсь, но всё-таки качусь вниз. Вниз. Вниз. Вниз...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Телохранитель

Падение прекратилось, едва я открыл глаза. В камине весело потрескивал огонь, и его яркий свет хорошо высвечивал жилище: занавешенное окно, облезлый холст на противоположной стене, изображающий не то застолье, не то какую-то битву, стол, табуретки и Сита, стоящего у камина в невозмутимой позе.

Захотелось пить. Сит, угадав моё желание, подал наполненную до краёв кружку. Осушив её, я почти сразу почувствовал прилив бодрости и здо-

ровое чувство голода. На столе уже стояла чаша, и комната вновь наполнялась неповторимым ароматом. Сит принёс кувшин с водой и полотенце. Я умылся и сел за стол.

После завтрака решил немного прогуляться. Сит пошёл со мной. На площади он купил несколько серых шаров и, сложив их в сумочку у пояса, быстро догнал меня. Я понял, что теперь он не оставит меня ни на шаг и будет следовать за мной повсюду, и, сам не зная почему, улыбнулся.

Мы перешли мост, прошли мимо места моего «приземления» и совершенно неожиданно вышли на улицу, как две капли воды похожую на нашу. Ради интереса я прошёлся по ней до самого конца и... вышел к обрыву с замком на противоположной стороне. Сит спокойно, по хозяйски раскрыл последнюю дверь в стене и молча посмотрел на меня. Я вновь оказался в знакомом мне дворе. Поднявшись на террасу и войдя в дом, я обнаружил, что всё было точно так же, как и в доме на другом конце города: стоял стол, горел камин, висел холст, а в углу ютилась лежанка. Я присел на край табуретки.

Через минуту Сит приготовил кушанье и поставил на стол наполненную кружку. Сделав два глотка, я снова почувствовал голод и с удовольствием начал есть, запивая чудодейственным напитком. Покончив с обедом, я погрузился в такое блаженство, что, улёгшись на лежанку, закинул ноги прямо на камин. В эту минуту я был доволен всем: жизнью, собой, Ситом. Доволен тем, что сыт, что хорошо выспался, что так ловко проделал путь из одного конца города в другой и безошибочно попал в «свой» переулок. А что, если совершить обратный путь? Я поманил Сита, и когда тот подошёл — кивнул на кружку. Сит быстро наполнил её до краёв.

Отпив больше половины, я оставил кружку на столе и вышел на улицу. Перейдя через мост, прошёл площадь и снова оказался на улице, заканчивающейся обрывом и замком на противоположной стороне. Сит, проворно обогнав меня, услужливо раскрыл передо мной дверь в стене. Тот же двор, один к одному: дом, комната, стол, наполненная менее чем наполовину кружка, пустующая чаша. Допив содержимое кружки, я резко бросил её на стол, выскочил во двор, а затем на улицу. Пробежал площадь, мост, улицу, вторую. Сит, опередив меня, открыл последнюю дверь в стене. И опять: двор, дом, пустая кружка... Развернувшись в дверях, я чуть было не столкнулся с Ситом, но тот ловко увернулся, давая мне дорогу. А я бежал уже в обратную сторону. Снова оставались позади улица, вторая, мост, площадь, обрыв, замок и Сит, стоящий у раскрытой двери, спокойно-невозмутимый...

Тяжело дыша, я плюхнулся на табурет. Сит быстро наполнил кружку. Сделав традиционные два глотка, я повернулся к камину и перевёл дыхание, затем, отпив ещё, улыбнулся самому себе. Мне снова стало хорошо. Очень хорошо. Глаза закрылись сами собой. Сит взял меня под руку и повёл к лежанке. Уткнувшись головой в подушку, я почти сразу уснул.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Звездочёт и хозяйка замка

Меня ничуть не беспокоило однообразие моей жизни. Утром (если здесь вообще наступало утро), когда я просыпался, на столе стояли очередная кружка «доброго эля» (так называл я чудодействен-

ный напиток, что подавал мне Сит) и чаша с горячей пищей. Программа дня была несложной: я умывался, завтракал, иногда «принимал ванну» (купался в фонтане, где вода всегда была идеальной). Затем Сит приводил меня в порядок (то есть причёсывал и брил). Далее по расписанию была прогулка из одного конца города в другой. Попутно Сит приобретал продукты питания (те самые шары). Потом были обед и обязательный послеобеденный сон. После — лёгкий ужин, состоящий в основном из кружки «эля», и экскурсия к обрыву. Стоя у kloкочущей бездонной пропасти, я ежедневно смотрел на такой близкий и недоступный мне замок. Впрочем, отчего-то он не казался мне таким уж недоступным. Я знал и даже был уверен: рано или поздно обязательно найду дорогу к нему, и произойдёт это без каких-то особенных усилий с моей стороны. Где-то глубоко в подсознании я иногда удивлялся своему спокойствию, и тогда искорка сомнения вспыхивала пламенем протеста против всей моей застойной жизни. Но вспыхивала она, как и подобает искорке, лишь на краткое мгновение. Кружка «доброе эля» рассеивала все сомнения, а вид всегда спокойного Сита порождал и укреплял во мне чувство величия и вседозволенности. Иногда мне даже начинало казаться, что этот ночной город со всеми его жителями и домами и даже замок за каменной стеной принадлежат мне и только мне, и стоит лишь только захотеть, стоит только приказать Ситу, и... Но какая-то неведомая сила сдерживала меня от всяческих приказов и расспросов. Мне по душе был именно такой Сит. Сит — молчун. Сит — исполнитель всех моих желаний. Сит — телохранитель, всегда неотступно следовавший за мной по пятам.

Время шло. Одна неделя следовала за другой. Вначале я было пытался подсчитывать дни, но затем, сбившись в очередной раз со счёта, плюнул на это дело. Изю дня в день ничего не менялось в моей жизни, но это даже радовало меня. На улицах, на мосту, на площади я встречал одних и тех же людей. Многие из них, проходя мимо, тоже узнавали меня и почтительно кивали. Я же, сопровождаемый верным Ситом, шёл по улицам города с высоко поднятой головой.

Но вот однажды, во время очередной прогулки, мне навстречу попался странный человек с бородой. В отличие от остальных обитателей города, ходивших по улицам без головных уборов, он был в длинном, как у звездочётов, колпаке и с книгами, которые нёс, прижимая к груди. Он прошёл мимо нас с Ситом, не удостоив меня взглядом. Более того, Сит (мой преданный Сит!) остановился и, прижав одну руку к груди, сделал ему чуть заметный поклон. Когда же я возмущённо и недовольно глянул на Сита, тот, словно извиняясь, виновато опустил голову. Этот эпизод задел меня, ударил по моему самолюбию. Вернувшись домой, я выпил подряд две кружки «эля». Во второй раз этот раздражитель в одежде звездочёта попался мне недалеко от моего дома. Он появился неожиданно в то самое время, когда я стоял у обрыва и смотрел на замок. Встав рядом, он высокомерно смерил меня взглядом, а Сит снова отвесил ему поклон. Звездочёт как бы вскользь бросил на него презрительный взгляд, а потом снова перевёл его на меня и, быстро отвернувшись, пошёл вдоль обрыва. Это было уже слишком! Впервые за всё пребывание в ночном городе я был вне себя от ярости. Так на меня здесь ещё никто не смотрел! Даже

те двое — в самый первый день, в комнате с камином. А они... Они явно не чета этому умнику с книжками! Я кипел от злобы. Уже собираясь уходить, ещё раз бросил взгляд на замок. Звездочёт стоял у самых его ворот, на другой стороне обрыва, а ещё через минуту он пропал в воротах, которые сразу же, едва он вошёл, закрылись. Это окончательно парализовало мою нервную систему. И даже две кружки «эля», выпитые мною почти залпом, не смогли её стабилизировать. Я выпил ещё две и повалился здесь же, у табуретки, на каменный пол. Сит попробовал было поднять меня, но я резко прикрикнул на него, и он отступил. Сон давался нелегко. Болезненно тяжёлый, он подавлял моё сознание. Я сопротивлялся: бил кулаками о пол, продирая глаза и тут же, вновь представив наглуую ухмылку Звездочёта, закрывал их.

Ситу в конце концов всё же удалось уложить меня. Когда же я проспался, он, как всегда, стоял надо мной с кувшином и полотенцем в руках. Потрясение не проходило. Умывшись и лениво позавтракав, я приказал Ситу сделать мне увесистую трость. А когда трость была готова, попробовал на прочность, ударив ею несколько раз о стены и пол. Убедившись в надёжности трости, я выпил кружку «эля» и отправился на поиски Звездочёта. Ещё не зная, что сулит мне встреча с этим наглецом, я, тем не менее, искал её с огромным нетерпением. Мне очень хотелось на глазах у Сита унизить его, растоптать его самолюбие и доказать, что я несколько не хуже и не ниже его.

Я вышагивал по улицам, опираясь на трость, а когда мне это надоело, перевернул её крючком вниз и, словно клюшкой, как заправский хоккеист, стал сшибать попадавшие на моём пути камешки. Че-

рез некоторое время я так увлёкся и вошёл в азарт, что не заметил, как наткнулся на мосту на одного из прохожих и сбил его с ног. Бедняга, вскочив на ноги, испуганно захлопал глазами и, почтительно кивнув мне, поспешил удалиться. Это развеселило меня и придало ещё больше уверенности. Выйдя на площадь, я долго ходил вдоль торговых рядов, придирчиво разглядывая товар, цеплял крючком корзины, как бы пробуя их на вес. Одна из корзин подцепилась не очень удачно и, качнувшись на крюке, перевернулась. Из неё, ударяясь о камни и подпрыгивая, словно мячи, посыпались шары. Это напомнило мне игру в футбол, и я, недолго думая, поддал один из шаров ногой. Тот, описав в воздухе невероятную траекторию, угодил одному из стоящих на площади в лицо. Я ещё больше развеселился и уже умышленно пнул по другой корзине. Потом поддел на крюк следующий шар и угодил ещё в одного торговца. Ряды продавцов съедобными шарами дрогнули. Поспешно расхватав свои корзины, торгующая братия разбежалась. А я продолжал пинать шары, бить их клюшкой и истерично хохотать. Площадь опустела. Сит, доселе молча созерцавший происходящее, осторожно тронул меня за плечо и тревожно кивнул в сторону моста. Оттолкнув его, я бросил взгляд туда, куда он показывал. Через площадь, ускоряя шаг, к нам приближались двое — те самые, из комнаты с камином. Отчётливо слышались их чеканные шаги. Тревожное чувство наполнило мою душу. И вдруг... Вдруг совсем неожиданно послышались резкие отрывистые звуки, похожие одновременно на барабанную дробь и походный зов трубы. На площадь вышла процессия. Впереди шёл Звездочёт, за ним несколько человек в кожаных жилетах и шортах. Двое из них были вооружены

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В замке

копьями. Ещё четверо несли на плечах карету-носилки. Те двое, которых я видел в комнате с камином, в нерешительности замерли на полпути, пропустив идущих. Когда процессия подошла к нам и остановилась, Сит сгорбился в поклоне. Штора в окне кареты приподнялась, и я увидел миловидное женское лицо. Сердце учащённо заколотилось. Впервые в этом городе я видел женщину! Мало того, черты её лица мне показались знакомыми! Где-то раньше я видел это самое лицо. Но где и когда, не мог вспомнить. Может быть, во сне?

— Склони голову перед хозяйкой замка, болван! — зло ухмыльнулся Звездочёт. В эту минуту он напомнил мне шута.

«К твоему бы колпаку да бубенчики», — подумал я, а вслух сказал:

— Плевать я хотел на вашу Роз-Мари.

Неожиданно для самого себя я схватил в руки выпавшую было трость и со всего маху ударил Звездочёта по колпаку. Колпак слетел, а Звездочёт, выронив из рук книги, стал смешно ощупывать свою голову, словно сомневаясь, на месте ли она. Я расхохотался и хохотал до тех пор, пока меня не прошибла слеза. Хозяйка замка, глядя на меня, тоже улыбнулась. Однако двое вооружённых с воинственным видом встали за моей спиной, грубо оттолкнув Сита.

— Ты пойдёшь с нами, — сказала хозяйка замка и опустила штору. Процессия развернулась. Звездочёт, одной рукой выправляя колпак, а другой поддерживая книги, вновь забежал вперёд. Я пошёл сзади носилок, за мной — два вооружённых воина. Шествие замыкал Сит. Проходя мимо тех двоих из комнаты с камином, я заметил, что они, слегка склонив в поклоне головы, довольно улыбались...

Навстречу нам не попало ни одной живой души. Город словно вымер. Истерический смех на площади вновь очистил меня от нахлынувшего было чувства тревоги, и теперь я был спокоен. Олимпийски спокоен. Куда и зачем мы идём, меня мало интересовало. Я знал, что иду навстречу неизбежному и это неизбежное не сулит мне ничего плохого. Моя жизнь в ночном городе располагала доверием к предчувствиям. И пока они, эти предчувствия, меня не обманывали. Когда подошли к обрыву, я увидел мост, переброшенный из ворот замка чуть ли не до моего дома. У моста произошла заминка. Один из оруженосцев попытался преградить дорогу Ситу, но тот, не желая, очевидно, оставлять меня, оказывал ему сопротивление и упорно рвался вперёд. Минуту назад безразличная, душа моя сейчас вдруг сжалась от жалости и благодарности к этому единственному преданному мне здесь существу, и я решил вмешаться. Охранники растерялись. Хозяйка замка, удивлённая неожиданной остановкой, выглянула из окна кареты и, быстро разобравшись, в чём дело, разрешающе кивнула. Сит встал рядом со мной, и я ободряюще похлопал его по плечу. По мере того как мы шли по мосту, он втягивался в ворота. Однако за воротами, как оказалось, он не кончался, а пролегал ещё через заполненный водой ров, проходил через железные ворота, являющиеся составной частью ограды. И только потом, словно лента эскалатора, втягивался под бетонный мостик. Поднявшись на мостик, мы оказались на небольшой

площади внутри замка. С четырёх сторон нас окружали каменные высокие стены, а прямо перед нами возвышалась терраса, с которой спускались две лестницы с крутыми ступеньками. По ним сбегали вниз люди в длинных одеждах, на сей раз белого цвета, а в самом низу стояли вооружённые копьями охранники. Прежде чем носильщики опустили карету и открыли дверцу, бегущие были уже внизу и, встав полукругом, склонились в поклоне. Хозяйка небрежно, будто нехотя, вышла из своего «дилижанса», и едва она ступила на землю, как к ней бросились Звездочёт и некий молодой человек из «белых» обитателей замка. Оба почти одновременно коснулись губами её рук. Остальные же продолжали пребывать в поклоне.

— Этих — в Большой зал! — кивнув в нашу сторону, громко сказала хозяйка замка и медленно стала подниматься по ступенькам. Волнистые каштановые волосы красиво ложились ей на плечи. Свита ринулась за ней. Молодой в белом (мысленно я назвал его Фаворитом) взглядом показал нам на противоположную лестницу, и мы с Ситом, ведомые охранниками, побрели за ним. Коридоры замка и крытые лестничные пролёты были настолько узки, что всем пришлось выстраиваться в колонну по одному. Я шёл следом за Фаворитом, за мной — Сит, далее — конвойные. Видимо подражая хозяйке, Фаворит двигался лениво, осторожно, будто чего-то опасаясь, ступал на каждую ступеньку. На одном из лестничных поворотов я едва сдержался от того, чтобы не сделать ему подсечку. Представив, как он распластается на лестнице и как будет барахтаться, я засмеялся. Фаворит остановился и с удивлением глянул на меня. Я невольно замедлил шаг. Мне показалось, что он угадал мои мысли.

Наконец мы вышли в полутёмный коридор и остановились у деревянной двери. Фаворит отцепил от пояса длинный ключ и, вставив его в замок, повернул дважды. Мы снова вышли на террасу, но теперь уже располагающуюся с внутренней части двора. На противоположной стороне виднелись стены и окна замка, а внизу зиял чернотой квадрат внутриворцовой площади. Пройдя ещё довольно порядочный путь, мы наконец остановились у больших двустворчатых дверей, украшенных мозаикой. За ними находился огромный, весь в огнях, зал, пол которого был устлан яркими расписными коврами. Вдоль беломраморных стен располагались деревянные резные скамейки, а в центре зала — золочёное (так и хотелось сказать — старинное) кресло. «Тронный зал», — подумалось мне. От непривычки видеть в этом полутёмном городе такое количество света я поморщился. Както неожиданно быстро зал заполнился людьми в длинных одеждах, с одинаковыми у всех волосами каштанового цвета. Они громко и оживлённо переговаривались, занимая ещё минуту назад пустующие скамейки, и мы — я, Сит, Фаворит и два охранника — оказались в центре внимания.

— Кончай бунчать! — громко выкрикнул Фаворит, и в зале наступила тишина, длившаяся, однако, не больше минуты. Затем послышались уже знакомые мне звуки барабанной дроби, зова трубы, и появилась хозяйка замка, сопровождаемая Звездочётом. Все присутствующие встали, склонив головы. Фаворит уже был подле неё и, прикоснувшись губами к её перчатке, проговорил:

— Гой есте, хозяйка, гой есте!

— Гой есте! — хором повторили присутствующие.

Присев на край кресла, хозяйка замка махнула рукой, разрешая всем сесть. Звездочёт был в своём репертуаре — прижимая к груди книги, он устроился у самых ног хозяйки. Фаворит же, обойдя кресло, облокотился на его спинку. Он чувствовал себя совершенно раскованно. И лишь я и Сит в компании двух охранников продолжали торчать в центре зала. Хозяйка замка сияла хорошо знакомой мне улыбкой. Сомнений не было — я видел это лицо раньше: тот же слегка поддёрнутый вверх носик, веснушки, большие карие глаза.

— Ну, разбой, разбой нам сказку, новоявленный вельможа, — проговорил Фаворит, нагло глядя на меня.

Я молчал.

— Ну что, гузеешь тута про дела свои сказывать? — Фаворит вышел из-за кресла и стал медленно приближаться к нам. — Вон этот вот дока, — кивнул он в сторону Сита, — отыскал ему пустынку, становище этакое, и сиротаёт он там! И пивает он там! Не косушку, не полуштоф, а корец, за раз — полон корец!

Сидящие заволновались.

— А после — пласточкой на лежанке. Встаёт — и снова полон корец! За раз полон корец! — Фаворит остановился на полпути к нам, повернулся к сидящим справа от него и сложил руки на груди. Я обратил внимание на его руки. На всех его пальцах, включая большие, были нанизаны перстни и кольца.

— Соромота. Откель такой?! — говорили сидевшие справа. — Он же простолюдин! Моль он!

— Моль! — заговорили слева. — Ишь, хмыстень какой! Вельможей сказаться хотел!..

Хозяйка замка подняла руку — крикуны умолкли.

— Это правда, что ты, братец, торговый люд на площади обижал? — спросила она.

Я молчал.

— Отвечай!

Я не проронил ни слова.

— Он. А кому же ещё? — уверенно сказал Фаворит. — И короба он, и ядства ногою и клюкою бил. А ещё в его пустынке калиновый огонь пляшет. Сам видел!

Последние слова Фаворит выкрикнул, и сидевший справа и слева народец вновь зашумел:

— Это он по той стороне, у яруги, на замок глязел!

— Лазутчик он!

— Давно закишмить надо бы!

— В клеть обоих!

Я смотрел на всё происходящее с ухмылкой и понимал, что мне бояться нечего. Я ещё не знал, откуда взялась эта уверенность, но уверенность была. Мне стало весело, и я громко рассмеялся. Рассмеялся в тот самый момент, когда Фаворит, раскрыв рот, силился что-то сказать хозяйке, но так и замер от неожиданности. И тогда... Именно тогда у меня возникло огромное желание, просто громадное желание, которое я незамедлительно привёл в исполнение. Подскочив к Фавориту, я без всякой подготовки прямой правой нанёс ему что было мочи удар в челюсть. Фаворит рухнул на пол, закрыв лицо руками, а я кинулся к Звездочёту.

— О темпора! О морес! — воскликнул тот, уже успев вскочить на ноги и увернуться от моего удара. Я пробежал мимо хозяйки замка, испуганно жмущейся на троне. Тем временем Сит, сбив с ног

двоих охранников, обогнал меня и уже ждал у открытой двери. Когда мы выскочили, он успел захопнуть и даже подпереть её.

Мы проскочили широкую комнату, выбежали на террасу и, преодолев несколько лестничных пролётов, оказались на площади. Сит коротким ударом лишил чувств догнавшего было нас охранника, затем мы перемахнули через железный частотол у рва с водой и наткнулись ещё на одного стража. Недолго думая, Сит поднял его над собой и бросил в ров. И тут случилось то, что несколько охладило наш разгорячённый пыл. Из воды в мгновение ока выпрыгнули два чудовища, внешне напоминающие дельфинов, но пасти этих рыбок ничем не уступали аллигаторовым: такие же огромные белые фосфорические зубы. Мгновение — и тело охранника, даже не успев коснуться воды, было разорвано и поглощено чудовищами, без всплеска ушедшими в воду.

Мы в ужасе и нерешительности остановились, и я почувствовал, как на моём лбу выступили холодные капельки пота. Площадь, однако, уже заполнялась группой «белых», во главе их был Звездочёт. Сит дёрнул меня за рукав, показав глазами на небольшой мостик под решёткой. Мы быстро вползли туда, спрятались под большой чугунной трубой, наполняющей, очевидно, ров водой, и замерли. Когда топот наверху затих, Сит решил проверить, куда идёт труба. Я последовал за ним. Часа два мы ползли на ощупь в кромешной тьме. Наконец на горизонте мелькнула светлая точка. Мы преодолели ещё несколько метров. Свет стал ярче, он бил откуда-то снизу. Сит определил, что дальше труба идёт вниз, и, спустившись по ней, мы оказались в каком-то машинном зале. Огромные

насосы, турбины и реакторы, не издавая ни единого звука, стояли в строгом порядке, выдерживая определённые интервалы. У меня было только два желания: хотелось есть и спать. Я просительно глянул на Сита. Тот пожал плечами и обвёл взглядом вокруг, дав понять, что для начала нужно обследовать территорию. Я разрешающе махнул рукой и, облюбовав подходящее место за одним из реакторов, прилёг и вскоре уснул.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Тайна ночного города

Проснулся я от лёгкого прикосновения, и когда открыл глаза, то увидел, что надо мной стоят трое людей в атласных костюмах с яркой эмблемой на правой стороне груди. Я не сразу распознал в них Сита и тех двоих из комнаты с камином, которых видел в первый день своего пребывания в ночном городе.

— Однако, Александр, завёл вас Сит, — проговорил один из них.

— Да я бы и не стал ни за что искать вас здесь, — сказал второй, — хорошо, что Сит постоянно настроен на одну волну. Поднимайтесь, вам надо переодеться.

Сит протянул мне свёрток. Там была моя одежда. Скинув «средневековое» одеяние, я быстро надел брюки, свитер, штормовку и почувствовал себя в своей тарелке. Всё недавно произошедшее на минуту показалось мне каким-то не очень хорошим сном.

— Пойдёмте, Александр, вас и ваших друзей с нетерпением ждут, — сказал тот, которого я мыс-

ленно назвал первым. — В нашей практике ещё не было такого. Правда, Сон? Ведь мы впервые прервали эксперимент.

— Да, но рано или поздно это должно было произойти, Вет, — сказал второй, которого назвали Соном. — Руководитель за два часа проделал расстояние из одного конца планеты в другой, когда получил данные зондирования и переговорил с Поясом.

Мы прошли по широкому коридору, по «аллее турбин», поднялись по крутой винтовой лестнице (на этот раз железной) и вышли на широкую площадку. Площадка эта была похожа на виденный мною по телевизору Центр управления полётами. У монитора сидели сотрудники, а на огромном экране зажигались и затухали пунктирные линии. Пройдя через «центр», мы вышли в ярко освещённый вестибюль. Затем, поднявшись по эскалатору и пройдя ещё несколько метров по очередному коридору, наконец пришли туда, куда нам было нужно. В центре не очень большого зала сидел за столом хорошо сложенный молодой человек. Он был в таком же, как и мои сопровождающие, атласном костюме с эмблемой на груди. А по правую сторону от него сидели... Звездочёт и хозяйка замка! Я не верил своим глазам. Звездочёт и хозяйка замка были не кто иные, как дядя Лёша и Марина!

Увидев меня, дядя Лёша и Марина растерянно встали.

— Ну вот, всё снова на своих местах. Все снова вместе, — сказал человек в центре стола. — Прошу всех садиться.

Я сел между Мариной и дядей Лёшей, Вет и Сон — напротив, по другую сторону стола.

— Я сразу хочу извиниться перед вами, — начал говорить человек, который, по-видимому, был

здесь самым главным. — Ещё лет пять назад я запретил своему коллеге Рону, отвечающему за подземный и подводный секторы планеты, проводить с жителями Земли психологические и биологические эксперименты. Но недавно он заверил меня в том, что изолировал вас, принял меры предосторожности. Вы так отчаянно и ретиво бросились покорять болото, что дальнейшие ваши действия могли нарушить наши планы.

Главный окинул нас взглядом и продолжил:

— Конечно, мы могли утаить от вас многое. В том числе и то, что вы подвергались экспериментам. Но мы расскажем вам всё — пусть даже это окажется не в нашу пользу. Прошу вас, Сон. Вы были руководителем этого эксперимента.

— Да, — Сон поднялся. — После того как доктор Рон сообщил мне, что он изолировал трёх человек и поручает мне провести с ними эксперимент на общих основаниях, я выехал в 324-й квадрат, то есть сюда. Поначалу девушка (объект №2) и мужчина постарше (№3) показались мне более эмоциональными людьми, чем объект №1. Первое зондирование показало, что с молодым человеком можно работать, что называется, «с ходу», поэтому мы ему присвоили номер первый. Чувствительность у него была настолько притуплённой, что даже небольшое воздействие на мозг сделало его идеальным объектом для эксперимента. Однако то, что он заметил неестественность огня в камине, несколько насторожило нас, и мы решили приставить к нему лучшего робота из серии «Идеал-00» — Сита. Надо сказать, Сит сработал прекрасно. Учитывая чувство голода, он буквально свалил молодого человека с ног напитком, содержащим дозу А-4. В начале эксперимента наше внимание при-

влёк объект №2. Вернее, его... извините — её активность. Вначале она выражалась повышенным интересом к красивой одежде. Затем — к драгоценным камням. Потом возникло желание власти. Причём желание рьяное и бесцеремонное. Мы «подарили» ей замок, толпу придворных и, учитывая её повышенный интерес к старине, подключили к ней робота-подражателя по кличке Фаворит, — Сон глянул на меня и, по-моему, улыбнулся. — Фаворит разговаривал исключительно на устаревших наречиях, чем приводил даму в восторг. Но со временем у неё вдруг появилась раздражительность, поведение её стало осторожным. Мы решили дать волю её фантазии. Она оградила замок рвом с водой, поселив в него фантастически кровожадных рыб, обнесла его железной оградой и выставила вооружённую охрану. Объект №1 тем временем начал играть в «малое безумие». Помня, очевидно, что «все дороги ведут в Рим», он захотел, чтобы все его дороги непременно вели к его дому. И нам пришлось немало потрудиться для этого. И наконец, объект №3. Мы долго не могли определить его ни в одну из групп, но после того как Вет предложил дать панораму звёздного неба Земли, он назвал все восемьдесят восемь созвездий и написал на латыни несколько стихотворений. Постепенно перед его взором стал возникать образ прекрасной дамы, которую он мечтал видеть и во сне, и наяву, и мы попробовали впустить его под видом звездочёта во дворец...

— То есть раньше времени произошёл контакт объектов? — перебил Сона руководитель. — Я правильно вас понял?

— Да, мы пошли на это. Пошли на риск, и риск оправдался. Звездочёт не признал своей спутницы.

Он стал писать мадригалы и признаваться ей в любви. А потом... Потом нам пришлось на некоторое время пустить эксперимент на самотёк. Именно тогда мы получили сначала сообщение от Рона — форсировать эксперимент, а затем второе, от вас — о демонтаже Рона и срочном вызове нас на консилиум. Пока мы отсутствовали, слушая «дело Рона» о том, какие чудовищные эксперименты он проводил в глубинах океана, здесь произошёл второй контакт. Контакт первого номера с третьим. Причём дважды. Свидетелями второго мы с Ветом стали сразу по возвращении назад. И когда на экране монитора возникла картина разгула страстей на площади, мы, уже обладая всеми полномочиями непосредственных руководителей психобиоэксперимента, хотели было изолировать первого. Но тут произошёл тройной контакт. И мы решили продолжить эксперимент, оставить всё без изменений, отослав данные полного зондирования в Центр. А затем поступило ваше распоряжение — прекратить эксперимент...

— Это всё? — спросил руководитель, когда наступила пауза.

— Всё.

Сон застыл в ожидании.

— Тогда читайте заключение.

— Заключение, — Вет достал из папки исписанный лист бумаги. — В ходе проводимого психобиологического эксперимента все три исследуемых объекта из социально уравновешенных личностей, в своем обществе характеризующихся очень и очень положительно, — деградировали. Легко поддаваясь соблазну, они теряли такие качества, как принципиальность, устремлённость, приобретая взамен другие: тщеславие, ханжество, лень, синдромы величия и презрения к окружаю-

щим. Во время трёхстороннего контакта никто из них так и не признал в находящихся рядом людях своих близких знакомых. Между первым и третьим объектами постоянно возникали вспышки агрессии. Руководство эксперимента считает, что находящиеся под экспериментом люди для большого контакта подходят, так как являются самыми типичными представителями планеты Земля.

Вет сел. Наступила большая пауза, которую первым нарушил дядя Лёша.

— Нет! Нет! — закричал он, вскочив. — Вы понимаете, что это такое? Мы... Мы были подопытными кроликами в этой мышеловке. Я не знаю, к какой цивилизации вы относитесь, но у нас на Земле опыты над людьми запрещены! ЗА-ПРЕ-ЩЕ-НЫ! Слышите, вы! Есть резолюция Организации Объединённых Наций! Вы... Вы преступники!..

Я никогда в жизни не видел дядю Лёшу таким возбуждённым. Его трясло с головы до ног.

— Успокойтесь, успокойтесь, дорогой Алексей Викторович. Успокойтесь, пожалуйста, — руководитель встал, прошёлся по кабинету, подошёл к дяде Лёше. — Во-первых, эксперимент этот начался без моего личного ведома, и тот, кто его начал, уже понёс наказание. Во-вторых, нет худа без добра: мы узнали вас поближе и теперь сможем, не смотря ни на что, составить единый экипаж планетолёта, который совсем скоро отправится к поясу астероидов для контакта, и вы получите возможность стать участниками события галактического значения.

Дядя Лёша сел. Я попытался его успокоить. Руководитель снова занял место в центре стола.

— Итак, продолжим разговор, — сказал он. — Давайте познакомимся: моё имя — КИБ-14...

Часть вторая

ПО СЛЕДУ УРГА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Катастрофа

Сухой хворост, подброшенный в огонь, придавал костру колорит таинственности. Приятный треск внутри и рой взметнувшихся в небо искр создавали иллюзию живого, готового к разговору огня. Ург поёжился и подо двинулся ближе к костру. Каждая следующая ночь становилась всё более прохладной. Это чувствовал он, это отражалось на других: они простывали, и ночами почти все — мужчины и женщины, старики и дети — заходились в долгом приступе кашля. Вот и сейчас, пытаюсь согреться, люди интуитивно прижимались друг к другу. На протяжении последних пяти-шести дней люди, скудно поужинав, падали на землю и сразу же засыпали. И лишь его, Урга, громкая команда заставляла их подниматься, ёжась от холода, выстраиваться в подобие колонны и идти дальше. Идти вперёд. Уходить от наступающего холода, не веря в то, что ходьба эта когда-нибудь окончится. Идти, с нетерпением глядя на запад, и ждать, ждать, когда, наконец, солнце упадёт за горизонт и можно будет остановиться, хоть что-то поесть и, коснувшись телом желанной земли, слегка покрытой растительностью, утонуть в небытии...

Но и этого не дано ему, Ургу, хранителю огня. Лишь малую часть времени, когда солнце поднимается в самую середину неба, ему можно сомк-

нуть веки. Тогда двое сильнейших мужчин племени поочерёдно несут его на руках, а огонь переходит под покровительство самого вождя.

Блики огня играют в тёмных, похожих на кошачьи глазах Урга и хорошо высвечивают его молодое лицо. Хранитель задумчиво смотрит на огонь.

Ещё в раннем детстве Ург чувствовал непреодолимую тягу к пляшущему пламени. Тогда племя жило в прекрасной долине, у чистого озера, в котором водилось много рыбы, а по берегам было много дичи. Ург, будучи мальчиком, подолгу сидел у костра охотников, слушал их вечерние рассказы и смотрел на огонь. Огонь завораживал его. Он словно дополнял охотничьи рассказы, делал их зримыми. И Ург представлял себе процесс охоты: он мысленно загонял огромного хищника большим горящим факелом в ловушку (как это делал старый хранитель Сар), и охотники добивали зверя. Иногда, проснувшись среди ночи, мальчик шёл к костру и до самого утра сидел рядом с Саром. Старик охотно рассказывал ему одну историю за другой из своей богатой приключениями жизни.

Но однажды после долгих проливных дождей с гор хлынул дождевой поток. Смывая на пути преграды, он обрушился в озеро, и оно, выйдя из берегов, заполнило водой всю долину. Хранитель Сар, родители Урга и ещё много-много людей из их племени погибли. А дожди всё шли и шли. Шли, сопровождаемые раскатами оглушительного грома и вспышками ослепительных молний. Как будто духи, разгневавшись на людей, мстили им за грехи их. Жалкая кучка оставшихся в живых соплеменников Урга ютилась в небольшой пещере у самой вершины скалы, без огня и без пищи. Так

продолжалось несколько дней и ночей. И вот как-то под утро от удара молнии вспыхнула крона большого дерева. Отгоревшие ветки и сучья падали на мокрую землю. Дождь к тому времени почти прекратился, и хлесткий порывистый ветер, поддерживая горение, превратил дерево в пылающий факел. Внутри пламени что-то хрустнуло, и на землю посыпались горящие сучья. Люди молча взирали на это зрелище. И тут Ург неожиданно для всех выскочил из укрытия и, схватив один из горящих сучьев, принёс его в пещеру.

Вбежав, он бросил огонь на самую середину. Кто-то кинул сухую, служившую для ходьбы палку, кто-то — деревянное копьё, кто-то — старую облезлую шкуру. Окружив огонь, не давая ему погаснуть, люди грели озябшие, почти непослушные руки, измученные немощные тела, сушили остатки одежды. На их лицах, в их глазах затеплилась надежда. Ург грелся и радовался вместе со всеми.

Вдруг кто-то коснулся его плеча, и Ург испуганно обернулся. Это был вождь.

— Отныне и до конца дней своих ты, мальчик, — хранитель священного огня, — проговорил осипшим голосом старик.

Стихия отступила. Они прожили в долине ещё несколько лет, пока не наступило новое несчастье — пришли холода. Однажды ночью с неба повалили снежные хлопья, и к утру вся долина стала белой. Вода по краям озера затвердела. Холода усиливались, и хотя снег больше не выпадал, озеро застыло. Посланные по округе «разведчики», возвратившись, сообщили, что дальше к югу климат немного мягче, и вождь принял решение идти на юг. Как нелегко было покидать с трудом обжитые

места и уходить. И вот они пошли. Пошли искать новые земли, где можно было найти тепло и пищу.

Ург подбросил ещё хворосту, и новый рой искр взметнулся в небо.

Неожиданно со стороны гор послышался нарастающий гул, похожий на шум камнепада. Земля качнулась, и несколько деревьев с треском повалились на спящих. Земля качнулась ещё раз, и теперь наряду с треском падающих деревьев послышался топот. Стадо крупных животных, ворвавшись на поляну, смешалось со вскочившими обезумевшими людьми. Урга толкнули в спину, и он, упав, ударился головой о поваленное дерево. А через него уже перепрыгивали и спотыкались, наступали на руки и на ноги. Новый толчок привёл Урга в сознание, и он почувствовал, что лежит в воде. Первая мысль была об огне. Костёр хотя и слабо, но всё-таки горел. Едва Ург успел выхватить из огня самую толстую горящую ветку, как вода поглотила костёр. Она прибывала. Холодный поток становился всё стремительнее. Крики людей и животных слились в сплошной единый вопль. Вода была уже почти по колено, когда Ург, наконец, добрался до скалы, которую заметил ещё вечером. Высокий каменный исполин мог стать спасителем. Ург, придерживая одной рукой огонь, а второй цепляясь за выступы, начал быстро взбираться вверх. Путь до половины он проделал почти без труда. Дальше было сложнее. Скала стала круче. Зажав факел под мышкой, Ург помогал теперь себе второй рукой. Внизу, словно живая, клочкотала, бурлила и бесновалась вода. Ург сделал несколько усилий и, наконец, достиг вершины. Встав во весь рост, он поднял догорающий огонь высоко над головой. В эти минуты он был горд и

доволен собой. Горд тем, что всё-таки спас священный огонь. Он понимал, что племя погибло, что его ждёт та же участь и что огонь скоро догорит. Но страха не было. Душа продолжала ликовать от восторга. Не испугался он и тогда, когда скала под ногами дрогнула, а над головой повис огненный шар. Что-то мягко коснулось его плеча. Ург на ощупь определил, что это две соединённые множеством поперечин верёвки. Он крепко ухватился за одну из поперечин. Верёвки натянулись и зависли у его колен. Неведомый инстинкт подсказал Ургу ступить ногами на вторую поперечину. И как только он ступил, верёвочная лестница с молниеносной быстротой потянула его вверх. Ург, продолжая держать огонь в правой руке, посмотрел сначала вниз, на рухнувшую скалу, а затем вверх — на летательный аппарат и раскрытый раздвижной светящийся люк. Свет, бьющий из него, напоминал ему пасть хищного зверя, а лестница — язык ящера, так ловко слизнувший его со скалы. И когда этот язык втянул человека внутрь пасты, железные челюсти её захлопнулись...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Из записок Урга. Начало хроники

Страница первая:

«Это хронологические записи, начатые мною, Верховным Жрецом могущественной страны Инии Ургом, в лето... года по новому летоисчислению.

Поводом ко всему послужил уход от нас Наимудрейшего Властителя нашего и Всего Мира Остального, много лет справедливо правившего миром

Сына Небесных Светил Эда. С ним ушли ещё пятеро Сынов Звёзд, всегда неукоснительно выполнявших его волю. Они ушли на зов своих братьев, однажды грянувший с небес. И отныне со всей доверенной мне властью остаюсь я Владыкой Мира — Ург Навеки Бессмертный, и со мною — один из Сынов Звёзд, преданный мне до скончания мира...

Я обязан делать хронологические записи в течение целого года, пробуждаясь ото сна через каждые сто лет, пока в мире не наступят большие перемены. Во время моего сна Сын Звёзд (имя его — КИБ-6) будет вершить в мире власть и справедливость...

Такова воля Наимудрейшего Властителя Эда...»

Страница восьмая:

«...И когда они спустились на Землю, то построили вначале дворец и огромную площадку из камня и стали ждать братьев своих, которые должны были появиться после восхода солнца. Но напрасно ждали они весь следующий день и всю следующую ночь. И ещё один день и одну ночь. И ещё много-много дней и ночей. Братья же их к ним не шли и на зов не откликались...

...И сказал тогда КИБ-6 Могущественному Эду: «Попали братья наши в катастрофу — столкнулись с телом небесным и погибли... Отныне ты — Владыка, единственный в мире всём — и земном, и небесном...» И заплакал тогда Сын Небесных Светил Эд по братьям своим... И долго длилась печаль его... А когда иссохли слёзы его все, сказал он: «Да, отныне я — Властитель Мира Сего, и имя моё — Эд Наимудрейший...»

Страница двенадцатая:

«...И в одно время наступили сильные холода. И нельзя было согреться у огня ни днём, ни ночью...

И был Ург — автор сих строк — хранителем очага всего племени. И шло племя на юг... И задрожала земля однажды ночью, и посыпались камни с гор... И полилась вода... И погибло племя всё... И спас Урга КИБ-6, бросил он лестницу и умчал его к Властителю Наимудрейшему Эду...

...И познал Ург грамоту писания и чтения, изучил языков множество и познал науки разные...

...И сделал Эд Наимудрейший Урга первым учеником своим, и произвёл в жрецы его через время некоторое... И стал Ург Хранителем Тайн Небесных, и Верховным Жрецом стал Инии Великой, первым среди смертных...

...И стал Ург бессмертным по велению Властителя нашего...»

Страница пятнадцатая:

«...Так жили мы много-много лет. Великий Властитель один раз за семь лет посещал все уголки планеты, изучая ландшафт и развитие жизни. КИБ-6 работал в океане. Я же спускался с гор вниз и передавал волю Властителя людям, ибо никто из людей никогда не должен был видеть его самого. Я помогал земледельцам обрабатывать землю и выращивать урожай. Лечил от недугов. И, возвратившись, рассказывал Властителю Эду о делах смертных его. Иногда сам Властитель уходил в океан, и я оставался один. Так было долго...»

Страница шестнадцатая:

«...И наступил год... по календарю нашему. И услышали однажды звёздные братья, выйдя из океана, голоса собратьев своих. И откликнулись они. И были услышаны на небе. И собрался Властитель Наимудрейший Эд в путь дальний. И собрал он вокруг себя всех братьев своих и Урга и молвил так: «Зовут меня братья, и я иду на зов их. Со мной

идут пять братьев моих КИБов, и с нами вся летопись о мире сём с момента зарождения жизни. А остаётся Владыкой полным на Земле Ург — Верховный Жрец Инийский.

...И он будет засыпать на сто лет и, проснувшись, делать записи в течение года о переменах в жизни. А КИБ-6 — продолжать дело моё на суше и в океане. И в подчинении он обязан быть Ургу. И будет так до великих перемен в мире сём. До моего возвращения или появления нового брата моего...»

Так сказал он, и ушли звёздные братья в рассветный час. И долго грохотало небо после их ухода...»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Продолжение хроники Урга

Страница двадцать первая:

«...Мало что изменилось на Земле за эти прошедшие сто лет. На другой части планеты, отделённой от нас огромным водным пространством, продолжает успешно развиваться одна из цивилизаций. Она достигла своего определённого уровня культуры. Ей известны металловедение и медицина. Однако по отношению к другим народам народ её ведёт себя враждебно. Существуют там и такие порочные явления, как эксплуатация и торговля людьми...»

...КИБ-6 по-прежнему поглощён работами в океане. Лишь вчера он вышел, чтобы подготовить меня и проконтролировать систему жизнеобеспечения сна. Через два дня истекает год...»

Страница двадцать четвёртая:

«...Море продолжает отступать, а часть воды остаётся. Суша поднимается. Сверху оставшаяся

часть воды кажется налитой в огромную каменную чашу. КИБ-6 объясняет изменение рельефа процессами, происходящими внутри планеты. Мы переживаем «эпоху роста гор». Изменения в округе происходят на глазах. Так, дворец, ранее стоявший на одном уровне с лабораторией, теперь несколько «возвысился» и «удалился» от неё. Площадка, предназначенная для спуска и подъёма летательных аппаратов, «обросла» камнями. Я дал приказ КИБу-6, чтобы он организовал её очистку, ибо каждый час и каждую минуту может вернуться Великий Властитель Эд или братья его...»

Страница тридцатая:

«...КИБ-6 поднял меня с запозданием в двадцать семь лет. Объяснил он это своей занятостью — неотложной работой в океане. Я сделал ему замечание, сказав, что всё должно быть согласно инструкции Наимудрейшего Эда. КИБ-6 ведёт себя странно. Он не сразу сообщил мне о том, что в нашем мире произошли существенные события. Армада судов пересекла водный простор, разделяющий отрезки суши, и множество-множество людей, прибывших на этих судах, заполнили собою, словно полчища голодных крыс, эту новую, открытую для себя часть Земли. Обладая большими навыками жизни и огнестрельным оружием, они потеснили коренных жителей, беспощадно сметая и уничтожая их на своём пути. Жрецы Инии просили у нас защиты. Я посоветовался с КИБом-6, но он сказал мне о том, что мы не имеем права вмешиваться в ход истории. Он оградил дворец и лабораторию защитным полем, тем самым перекрыв связь с внешним миром. Я принял решение переселить всё население Инии в гущу непроходимых лесов. Я должен спасти Инию.»

Как-то незаметно, сам по себе, произошёл перекос в жизни двух цивилизаций. Наша небольшая помощь жителям Инии давала им возможность быть выше остальных по уровню развития. Но после ухода Властителя Эда вся ответственность за равномерное урегулирование легла на КИБа-6, а он так увлёкся работой в океане, что потерял контроль, и баланс равновесия нарушился. В результате чего и произошла эта трагедия. В этом есть и доля моей вины...»

Страница тридцать четвёртая:

«...Несмотря на то, что на нашей половине планеты появилось много городов и мелких поселений, кровопролитие всё же продолжается. Теперь уже сами пришельцы воюют друг с другом, втягивая в бойню коренных жителей и привезённых сюда силою людей с очень тёмным цветом кожи. Цель войн — захват наибольшей территории соседей. Племена коренных жителей ещё кое-где оказывают сопротивление, но они вынуждены большей частью жить в лесах и бороться только с мелкими отрядами, ибо пришельцы хорошо вооружены...

...КИБ-6 недавно заявил мне о том, что в целях безопасности мне лучше прекратить всякую связь с аборигенами, да и вообще «поспать» лет этак триста-четырееста, «пока всё здесь не успокоится и не встанет на свои места». Я напомнил об инструкции. Он недобро посмотрел на меня и сказал, что в инструкции предусмотреть всё невозможно. На это я ответил, что до тех пор, пока решающее слово принадлежит мне, я буду действовать, не нарушая инструкции и не изменяя её. КИБ-6 ушёл в океан и не выходил оттуда до самого последнего дня моего пребывания на земле. Перед уходом я

приказал ему окружить Инию защитным полем. Он ответил мне, что на это потребуется очень много энергии, а её и так не хватает для его опытов и моего жизнеобеспечения. Я посоветовал ему строить электростанции и сказал, что нужно поискать инструкции по их строительству в архивах. КИБ-6 не проронил ни слова. Тревожное чувство не покидает меня...»

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Последние записи Урга

Страница тридцать пятая:

«...Я проснулся не от импульса остановки сна, который обычно давал КИБ-6, а оттого, что прекратилась подпитка организма витаминизирующими веществами и сработал автоматический режим приостановки сна. Я находился в какой-то маленькой, похожей на камеру для опытов комнате. Никто меня не встретил. Двери оказались запертыми, и я пробыл в этом помещении трое суток без воды и пищи. Проанализировав происшедшее, я сделал вывод, что прошло очень много времени. Я проспал, возможно, два, а то и три срока. Меня терзали вопросы: где я, что произошло и почему не появляется КИБ-6?

Лишь на четвёртые сутки (по определению песочного хронометра) дверь наконец открылась, и я вышел в длинный узкий коридор. Обе стены его, пол и потолок были, очевидно, из толстого стекла, потому как кругом простиралось необозримое водное пространство, и буквально в метре от меня, подо мною и надо мною, тычась мордами в прозрачную преграду, взад-вперёд сновали ги-

гантские морские существа. Я понял, что нахожусь в аквариуме. Коридор заканчивался такой же железной дверью, какой и начинался. За дверью оказалась комната, похожая на лабораторию, с окнами, напоминающими иллюминаторы. Я догадался, что нахожусь в океане. Но где же КИБ-6? Где все его помощники? Неужели я остался один на всей планете? Ведь как-то я оказался здесь? Кто-то из доброго или из злого умысла, но переместил меня из наземной лаборатории в подводную и подключил автоматическую систему жизнеобеспечения. Хотелось пить, и мне стоило немалого труда отыскать два сосуда с водой (очевидно, была произведена очистка морской воды) и запасы рыбных консервов. Утолив жажду и голод, я после короткого отдыха начал обследовать место моего пребывания. В одном из многочисленных отсеков лаборатории мне удалось обнаружить данные научных наблюдений: записи и копии отчётов о проделанной работе КИБа-6. Однако, перебрав весь архив, я так и не нашёл ни одного упоминания обо мне. Странными показались и несколько документов, оформленных в виде приказов. Приказы адресовались некоему Рону. Тут же были копии телеграмм от этого самого Рона, написанные на пишущей машинке КИБа-6. Я недоумевал. И чем больше я читал архивы, тем больше возрастало моё недоумение. Многие термины я не понимал, но из прочитанного становилось ясно, что этот некий Рон и есть не кто иной, как сам КИБ-6! Но кому он давал отчёты?! Он мог отчитываться только передо мной, самим Эдом Наимудрейшим либо перед кем-нибудь из его братьев. Но если бы звёздные братья появлялись, то я должен быть немедленно информирован об этом. «Ург, как руководитель,

обязан присутствовать при контакте...» — так говорилось в инструкции Властителя Эда. Нарушить её КИБ-6 не имел ни малейшего права...»

Страница тридцать шестая:

«...Я живу в лаборатории уже семь суток, питаюсь рыбными консервами и водорослями, продолжаю изучать лабораторию, которая не такая уж и маленькая по размерам, как показалось вначале. Несколько корпусов, соединённых стеклянными переходами-коридорами, замкнутыми в кольцо. В некоторых из них размещалось по несколько аквариумов, в которых жили дельфины. Все аквариумы были подключены к единому пульту, находившемуся в просторном зале, и, как я выяснил потом, с помощью этого пульта животными можно было управлять.

На восьмой день я наконец добрался до центра управления — мозга лаборатории, осуществляющего систему обеспечения в автоматическом режиме. Возле самого центра располагался бассейн с прозрачной, манящей к себе водой, и я не смог устоять от искушения освежиться. Я вошёл в раздевалку, сел на скамейку и, раздевшись, уже хотел было направиться к воде, как взгляд мой упал на зеркало. Я увидел своё отражение и обомлел... На меня почти в упор смотрело незнакомое рыбообразное существо! Нет, тело было человеческим, если не считать жаберных щелей между рёбрами и плавников на спине. Ну, а лицо... Оно было обтекаемой формы, с упругой, эластичной кожей, маленькими немигающими глазами и длинным носом на макушке головы! И это был я сам! Но почему, почему я не сразу обнаружил в себе эти перемены? И почему вообще эти перемены со мной произошли?! Может быть, я оказался жертвой како-

го-то эксперимента? Но кому и зачем понадобился такой эксперимент? Где же всё-таки КИБ-6? Может быть, я нахожусь в некоем биоэкспериментальном центре в качестве подопытного? Неужели цивилизация пришельцев из-за океана достигла такого высокого уровня? Я задавал сам себе эти вопросы и незаметно для себя шёл к бассейну. И уже войдя в воду по пояс, поймал себя на мысли о том, что КИБ-6 теперь вполне может работать и на них. Ведь он, в конце концов, запрограммирован на подчинение людям.

Вода сама повлекла меня на середину. И едва я достиг середины, как почувствовал зуд в теле, злость и неприятное чувство страха. Я хотел вернуться назад, но метрах в четырёх от борта бассейна невесть откуда взявшаяся волна отбросила меня обратно к середине. А вторая, накатившая с другой стороны, подбросив меня в воздух, резко отхлынула, и я упал на пустое дно бассейна, где меня тут же накрыло водой. Я поднялся, попытался вынырнуть на поверхность, но оказался в центре водоворота и снова взмыл в воздух и ударился о дно. Затем меня вновь закружило в воде, и хотя я старался, несмотря ни на что, держаться молодецки, руки и ноги уже не подчинялись мне. Зато жабры и плавники работали с полной нагрузкой и приятно щекотали тело. Я почувствовал, как вытягиваются пальцы моих рук, и увидел, с какой быстротой отрастают на них ногти... Ещё несколько раз меня подбрасывало на волнах, кружило в водовороте и опускало на дно. Наконец, я потерял сознание, а очнулся снова на дне пустого бассейна. Руки сводило судорогой. С большим трудом я выбрался наверх и добрался до лабораторного отсека...»

Страница тридцать седьмая:

«...Наверное, это моя последняя запись. Пальцы не работают совсем. Они не могут держать даже карандаш. Я постепенно превращаюсь в животное. Мне не хочется больше думать и писать. Однако я ещё чувствую в себе силы и долг, обязанность перед этой тетрадкой. Я буду писать до конца... В последнее время я больше не могу есть консервы и водоросли — мне хочется живой рыбы. Два дня назад я вошёл в один из аквариумов с дельфинами и, разорвав одного из них, съел все его внутренности. У меня окончательно пропало чувство страха, и бассейн для купания становится мне тесным. Теперь я знаю, что рано или поздно всё же вырвусь в просторы океана. Я стану властителем всего водного пространства. Меня готовят к этому. Я понял намерения тех, кто сделал меня таким. Всё. Писать заканчиваю. На этот раз окончательно и навсегда...

Ург...»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Перед выходом в океан

Мы ждали КИБа-14 около получаса. Как сообщил Вет, руководитель был на прямом сеансе связи с поясом астероидов и просил нас подождать, потому как сеанс задержался.

— А что, Вет, этот Ург, автор записок, с которыми вы нас любезно познакомили, жив? — спросил дядя Лёша, когда и ожидание, и молчание стали казаться нам утомительными.

— Утверждать этого нельзя, но, по-моему, есть все основания надеяться. Теперь он, видимо, окон-

чательно потерял человеческий облик, однако перед тем, как вырваться из лаборатории Рона, он успел запрограммировать одного из дельфинов на контакт с людьми и отправить с ним свои записи. Именно благодаря ему мы и отыскивали хорошо замаскированную лабораторию, где проводил опыты над животными и Ургом Рон. Но когда лабораторию отыскали, Ург уже вырвался в океанские просторы. Он выбрался через трубы, закачивающие воду в аквариумы, предварительно уничтожив всех животных в лаборатории.

— Он представляет опасность окружающему его миру? — спросила Марина.

— Видите ли, дело осложняется тем, что Ург практически неуязвим. Ему не могут противостоять даже самые крупные морские хищники. Его упругое, словно каучук, тело не по зубам акулам. Он же, имея длинные заострённые пальцы и острые ногти (не хочу сказать «когти»), способен разорвать любую, даже самую крупную рыбу. Ему достаточно лёгкого прикосновения к жертве — и пальцы вонзаются в её тело. При этом возбуждается чувство агрессии, и он разрывает жертву на клочки. Несколько океанических станций подводного контроля зафиксировали следы Урга и попробовали составить схему его маршрутов. Поражает скорость передвижения. Вначале его видели в районе Бермудских островов в Атлантике, через день он был уже у берегов Дании. Но самое интересное то, что следы его обнаружены и в озёрах! Таких, как Байкал, Каспийское море, Лох-Несс и даже Титикака! Вы представляете?

Вет не успел договорить — вошёл КИБ-14.

— Всем добрый день! — на ходу поздоровался он и, пройдя к центру стола, сел в кресло. — Наде-

юсь, что вы внимательно ознакомились с материалами, которые вам предоставили.

— Достаточно внимательно, — ответил за всех дядя Лёша. — Мы прочли записки Урга, ваш отчёт об экспедиции на Землю, о странном явлении, произошедшем на орбите, о космическом мальчике, который жил среди землян. Очень многое теперь нам стало ясно, но и появился целый ряд новых вопросов.

— С вопросами пока придётся подождать, — КИБ-14 перестал вращаться в кресле. — Время не терпит. Тем более что на некоторые из них вы получите ответы, как говорится, по ходу дела. А пока начну с малого. С того, что ещё восемь лет назад одна из наших станций зарегистрировала радиосигналы. Источник их находился на одном из спутников Сатурна. Через два с половиной года удалось наладить связь с пришельцами из центра нашей Галактики. И вот теперь мы договорились о прямом контакте. По их условиям, при контакте с нашей стороны должны присутствовать не менее четырёх коренных жителей Земли. Мы же, представители ушедшей цивилизации, на биоконтакт рассчитывать можем лишь через Максима, которого в скором времени вы увидите. В состав контактной группы также войдут роботы серии КИБ: я и мои помощники. Ну так вот — троих представителей планеты Земля, вошедших в состав экспедиции, я вижу перед собой, четвёртый же ещё мечется по океанским просторам. Его необходимо подготовить к контакту, но прежде... прежде всего его необходимо изолировать. Времени остаётся совсем немного — через несколько дней мы должны быть полностью подготовленными к прибытию на нашу станцию, находящуюся на астеро-

иде В-714. Не будем терять время: через пару часов я жду всех у Большого подводного аппарата. Мы выходим на след Урга.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

По следу Урга

В просторы океана, помимо большого (флагманского) аппарата, выходили ещё три. Все они напоминали батискафы слегка вытянутой формы с круглыми иллюминаторами. Внутреннее размещение членов нашего экипажа было следующим: на самом верхнем кресле, почти у люка, расположился дядя Лёша, чуть ниже — мы с Мариной, ещё на один уровень пониже — КИБ-14 и Сон. Вет находился у пульта управления в самой середине аппарата.

Как сказал перед самым погружением КИБ-14, Урга, по последним данным, «засекли» у берегов Южной Америки, в Атлантическом океане, и теперь «держали на прицеле». Нам было известно, что расстояние до места назначения мы сможем покрыть примерно часа за полтора и теперь этому уже не удивлялись. Как не удивлялись больше ничему другому в этом подземном царстве древнеримского бога Плутона. Само пребывание здесь людей, КИБов, похожих на сверхчеловеков, фантомов — жителей ночного города — выходило за рамки естественного и не укладывалось в сознании. Иногда мне казалось, что всё происходило и происходит не со мной, что это сон, который слишком затянулся. Но, просыпаясь в очередной раз, я видел наяву Марину, дядю Лёшу и понимал снова и снова, что это далеко не сон. Я долго не мог пол-

ностью освободиться от стереотипов человека из подземного города, превратившегося в обыкновенного пьяницу. И хотя мне казалось, что к этому человеку я не имею никакого отношения, память всё же постоянно вырисовывала полутёмную комнату со столом и камином, лежанкой и хладнокровно-преданным Ситом. От воспоминаний становилось не по себе, и я частенько замыкался. Моим друзьям, очевидно, тоже было неприятно вспоминать «своё — не своё» ещё такое недалёкое прошлое. Во всяком случае, дядя Лёша совсем не касался этой темы, а когда Марина как бы невзначай говорила, что «она, оказывается, способна свести с ума не один десяток мужчин разного возраста», он виновато опускал глаза...

...Наша подводная эскадра погружалась в районе скалистого ущелья, освещённого ярким светом многоваттных ламп. КИБ-14 сказал нам, что мы погружаемся примерно на том же самом месте, откуда уходил в дальнее плавание к берегам Америки Христофор Колумб.

— Над нами Пиренейский полуостров, друзья, — сказал он, и мы понимающе закивали. А что нам оставалось делать? Ведь каких-то тридцать минут назад, войдя в кабину машины, которой сложно даже дать название, мы промчались по канатно-роликовой дороге, словно вихрь, от Восточной Сибири до Атлантики. Какие-либо комментарии были просто-напросто бессмысленны.

...Световой луч, разрезая плотную толщу воды надвое, образовывал световой коридор, и в поле зрения попадались экзотические растения, неизвестные и невиданные нами раньше морские живот-

ные, похожие на чудовищ, огромные рыбы и маленькие рыбёшки.

— Вызывает второй! Вызывает второй! — слышалось из динамика, и на пульте зажглась зелёная лапочка.

Вет щёлкнул тумблером переключателя:

— Слушаю.

— Объект обнаружен шестой океанической станцией. Сейчас он в состоянии покоя. Даём изображение.

— Понятно. Сразу же приступайте к изоляции, — дал команду КИБ-14.

Изображение появилось прямо на иллюминаторе. Вначале возник подводный лес: там, среди зарослей водорослей, свернувшись калачиком, находилось в сонном состоянии необычное существо. Изображение его укрупнилось, и мы разглядели человеческую фигуру с плавниками. Кожа была эластичной, в некоторых местах покрыта чешуёй, лицо — рыбье, без шеи. Плеч не было совсем, а там, где заканчивалась грудная клетка, начиналась продолговатая рыбья голова с хищной пастью и закрытыми глазами. Особое внимание привлекли руки, вернее, пальцы рук. Длинные, скрюченные, с острыми и тоже длинными ногтями. Вокруг спящего, отгоняя рыбёшек, чтобы не мешали сну подводно-го императора, сновал дельфин.

— Это тот самый дельфин, которого Ург выбрал в качестве посланника человечеству, — сказал Сон, когда изображение ещё более укрупнилось. — После того, как он принёс нам тетрадь, его поместили в дельфинарий, но он нас перехитрил — через день слёг на дно, а ещё через один — всплыл на поверхность без каких-либо признаков жизни. Когда же его поместили в залив, он мгновенно

ожил и, легко перемахнув через заградительные сети, ушёл в океан. Теперь он вроде личного телохранителя Урга.

Я снова вспомнил подземное царство, себя и Сита, своё честолюбивое намерение быть выше других. Как всё-таки схожа человеческая психология! И как при умении можно ловко ею управлять!

От подводного аппарата под номером три отделилась небольшая рыбёшка, похожая на камбалу, и быстро устремилась к спящим. Почуввав неладное, дельфин встрепенулся и, заметив рыбёшку, поспешил к ней наперерез. В это же время из-за второго аппарата показалась акула и молниеносно ринулась к спящему Ургу. Но дельфин отреагировал и на это. Оставив рыбёшку в покое, он, развернувшись, помчался прямо на хищницу. Секунда — и, протаранив брюхо акуле, дельфин намертво прилип к ней. Ург открыл глаза. Увидев приближающуюся к нему камбалу, ловко увернулся от неё и подплыл к дельфину. Обмякшее тело того было безжизненным. «Акула», отдав мощный разряд электрического тока, тоже потеряла жизнеспособность.

— Первый план провалился, — доложил второй. — Дельфин повёл себя несколько иначе.

— Вижу, — задумался КИБ-14. — Давайте второй вариант.

Все четыре аппарата одновременно окружили Урга, и через несколько мгновений он оказался в перекрестье четырёх ярко-ослепительных световых лучей. Ург, казалось, беспомощно прикрыл лицо руками, но беспомощность его длилась лишь секунду, не больше. Через мгновение он, камнем упав к самому дну, выскользнул из-под контроля

батискафов. Вет, однако, тоже не растерялся: удержал его в поле зрения и устремил аппарат следом. Сделав сальто и сориентировавшись на ходу, Ург юркнул за ближайшую скалу. Когда же наш аппарат обогнул эту скалу, луч света осветил пещеру, в которой, по всей видимости, пропал преследуемый. У входа в пещеру случилась заминка — аппарат не проходил по габаритам. КИБ-14 думал недолго: нажал одну из кнопок пульта, и в стене, левее иллюминатора, образовался проём, из которого показался небольшой батискаф.

— Александр, Вет, в малый аппарат! — скомандовал руководитель операции. — Остальным оставаться на местах, действовать согласно инструкции!

Мы с Ветом не заставили себя ждать. Когда последовавший за нами КИБ-14 задраил люк, проём в стене сомкнулся, и на батискаф обрушился водяной шквал. Я даже не успел ничего понять, как мы уже оказались за бортом большого аппарата и устремились в зияющую чернотой пасть подводной пещеры.

— Докладывает второй. Иду по следу. Объект в зоне видимости, — доложили со второго аппарата.

— Хорошо. Мы следуем за вами, — сказал спокойно КИБ-14.

Вет, управляя батискафом, ловко маневрировал среди множества каменных выступов пещеры, безошибочно выбирая в этом лабиринте нужный нам поворот. Это способствовало тому, что через несколько минут после входа в пещеру мы догнали второй аппарат. Надо сказать и о том, что пилот «второго» тоже был мастером экстра-класса. И как Ург ни крутился и ни изворачивался, как ни лави-

ровал, падая вниз и взмывая вверх, оторваться и скрыться от погони ему не удалось.

Луч света, словно прилипший, неизменно следовал за ним.

Примерно через час преследования пещера приобрела черты ровного, как тоннель, коридора.

— Второй, сообщите координаты, — запросил КИБ-14.

— Приборы показывают, что мы находимся на континенте и даже выше уровня моря.

— Ваши предположения?

— Думаю, что мы идём по подземному течению.

— Как объект?

— Несколько успокоился, ведёт себя не столь агрессивно.

— Отлично, используйте первую же благоприятную возможность.

— Вас понял. Мы подготовились.

Через несколько минут от второго аппарата отделилась огненная вспышка и устремилась в погоню за Ургом.

— Докладывайте, что там у вас, — после паузы сказал в микрофон КИБ-14.

— Шокировать не удалось. Объект уклонился от выстрела. Попробуем подойти поближе...

— Что показывают приборы?

— Мы продолжаем подниматься над уровнем моря. Пещера заканчивается... Впереди просвет!..

Просвет возник и на иллюминаторе-экране. КИБ-14 взял в руки микрофон:

— Вижу, второй, вижу. Попробуйте сделать сразу несколько выстрелов.

В иллюминатор брызнул такой яркий свет, что я невольно закрыл лицо руками. Это было подтвер-

ждением того, что мы находимся недалеко от поверхности океана. Из второго аппарата, один за другим, вылетел пучок вспышек, и аппарат сильно качнуло. Одна, две или даже больше посланных вдогонку вспышек достигли намеченной цели. Ург вначале замер, затем заметался на месте и наконец, скорчившись, затих. Четверо водолазов с сетью были возле него через минуту и, окутав подводного властелина, отбуксировали его к аппарату. Через некоторое время второй доложил о том, что операция завершена.

— Прекрасно, — КИБ-14 довольно потёр руки.

— Определите, где мы находимся.

— Уже определили. Это высокогорное озеро Титикака. Очевидно, мы прошли по подземному каналу или реке, соединяющей озеро с океаном. Какие будут указания?

— Мы возвращаемся.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

К поясу астероидов

Вот я, Александр Макаров, будущий журналист, и заканчиваю своё повествование. Я пишу эти строки, когда до старта остаётся ровно два часа. Это будет первый наш шаг — полёт землян на столь дальнее космическое расстояние. Пока ещё, конечно, робкий шаг. Впрочем, робости мы не испытываем. Весь экипаж в прекрасном настроении и находится здесь же, возле меня. На общем совете руководителем контакта избран дядя Лёша. Его заместителем по всем вопросам — КИБ-14. Я, Марина, Вет, Сон и Ург, ещё не совсем окрепший после всех злоключений психологически, но бодрый,

на вид молодой, столько переживший за свою длившуюся не одно тысячелетие жизнь, — все мы теперь астронавты и посланцы нашей Солнечной системы. На поясе астероидов к нам присоединится Максим. На нас всех ложится огромная ответственность — представлять Солнечную систему перед другими цивилизациями. Перед людьми, родившимися под другой звездой. Я думаю, они помогут нам найти ответы на вопросы: что же произошло с нашей планетой после того, как часть экспедиции с Эдом и КИБом-6 высадились на Землю, почему произошёл временной скачок, кто и куда позвал Эда тысячелетие назад и какова его судьба?

Да, я пока заканчиваю это повествование, не ответив на эти вопросы, однако по возвращении на Землю надеюсь рассказать обо всём. Марина и дядя Лёша помогут мне в этом. А пока... Пока же нас ждёт новое путешествие и (не сомневаюсь в этом) ещё немало интересных приключений. Может быть, даже полёт к другим звёздным мирам.

До скорого свидания, планета Земля!..

ЭПИЛОГ

Центр нашей Галактики, звёздная система РВ-834. Планета Z-8. Институт Экспериментального Времени. Диалог Директора института и Руководителя эксперимента «Луч будущего».

— Надеюсь, отчёт о ходе эксперимента наконец-то готов?

— Подготовлен и обработан.

— Я весь внимание.

— Как известно, нами послан луч времени в восточном направлении, к периферии Галактики. Туда, откуда, по нашим данным, ушла последняя цивилизация. И мы, выждав, когда она минует зону, подвергшуюся испытанию, осуществили теоретически подготовленный замысел. Луч должен был миновать все встреченные на его пути естественные преграды путём расчленения.

— Поясните.

— Если на пути луча возникают тела физического происхождения, то луч обходит их как бы вскользь с одной или двух сторон и направляется дальше, к намеченной цели, к звёздной системе СР-340, куда ушла наша экспедиция. Цель эксперимента — воздействовать на одну из систем лучом будущего, который должен достигнуть цели значительно раньше экспедиции, и экспедиция прибудет уже в будущее — равное примерно началу дальних космических полётов. Дикая планета за короткое время, можно сказать — за один миг, совершит скачок в цивилизованный мир. А мы сможем проследить за последствиями этого эксперимента.

— В какой стадии сейчас эксперимент?

— В стадии завершения. Луч достиг намеченной цели. Сейчас обрабатываются данные его воздействия на планету.

— Это всё?

— Не совсем. Когда луч проходил через систему планет КТ-222, ту самую, откуда ушла последняя цивилизация и где впоследствии произошла катастрофа, он прошёл через искусственное тело.

— Что? Как оно там оказалось?

— Всё дело в том, что цивилизация оставила там небольшую группу для наблюдения за катастрофой и за развитием зарождающейся жизни на малой планете О-148.

— Каковы последствия?

— Когда луч проходил мимо планеты, экспедиция была разделена на две части. Одна уже совершила высадку на планету, другая же только готовилась к ней. Под воздействие луча попала вторая группа экспедиции. Она и была заброшена на несколько световых лет вперёд... Группы оказались разделены временным отрезком.

— Большим?

— По меркам развития биологической жизни — огромным.

— Что вы теперь намерены делать?

— Мы отправили спасательную группу. Она изолировала человека и нескольких роботов. Но на планете остались человекоподобный КИБ и абориген, они готовы для контакта с другой группой. Кроме того, на одной из планет работает наша станция. Как только потерявшаяся группа выплывет из тумана времени, её сразу же зарегистрируют и установят за ней контроль. Это будет великолепная возможность для изучения человека и ро-

ботов, находившихся под воздействием луча времени. Случай даёт нам такую возможность.

— Гм-м. Неплохо. Когда будут получены новые сведения с планеты, дайте мне знать.

— Хорошо. Я распоряджусь, чтобы вас сразу же информировали. Мне можно идти?

— Да. После завершения эксперимента можете написать рапорт с просьбой предоставить вам отпуск.

— Благодарю вас.

Руководитель эксперимента вышел. А директор, подойдя к большущей, во всю стену, карте Галактики, долго отыскивал систему планет КТ-222, а когда наконец нашёл, то с удивлением покачал головой и, глядя на этот жёлтый карлик, подумал о том, что как всё-таки далеко находится он от центра Галактики.

Очень далеко...

1987-1988 гг.

***Тайшет — Усть-Уда — д. Кижя,
Иркутская область***

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Мир из окна	5
Радуга	16
Вероника	20
«Славка + ...»	32
Криминальный вундеркинд	46
Воспоминание о белом журавлике	56
Планета Майкла	64

ЭКСПЕРИМЕНТ «ЛУЧ БУДУЩЕГО» 83

Из дневника Кьюра Протта	83
Пролог	84

Часть первая. ДОМ НА БОЛОТЕ 94

<i>Глава первая</i>	
Дядя Лёша, Марина и я	94
<i>Глава вторая</i>	
Рассказ Марины	97
<i>Глава третья</i>	
Начало экспедиции	104
<i>Глава четвёртая</i>	
Дом на болоте	107
<i>Глава пятая</i>	
Ночной город	110
<i>Глава шестая</i>	
Телохранитель	115
<i>Глава седьмая</i>	
Звездочёт и хозяйка замка	117
<i>Глава восьмая</i>	
В замке	123
<i>Глава девятая</i>	
Тайна ночного города	129

Часть вторая. ПО СЛЕДУ УРГА 135

Глава первая

Катастрофа 135

Глава вторая

Из записок Урга. Начало хроники 139

Глава третья

Продолжение хроники Урга 142

Глава четвёртая

Последние записи Урга 145

Глава пятая

Перед выходом в океан 149

Глава шестая

По следу Урга 152

Глава седьмая

К поясу астероидов 158

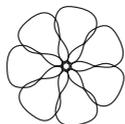
ЭПИЛОГ 160

Сдано в набор 22.11.2007. Подписано к печати 14.01.2008.

Формат 60x84/16. Гарнитура Балтика. Усл.п.л. 10,25.

Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 81. Цена договорная.

Изготовлено в типографии «СЕМИЦВЕТ»

660049, Россия, г. Красноярск,

ул. Урицкого, 117

Тел. (3912) 94-85-78, факс (3912) 27-98-14

E-mail: semycvet@mail.ru

Сайт в Интернете: <http://www.semycvet.narod.ru>